

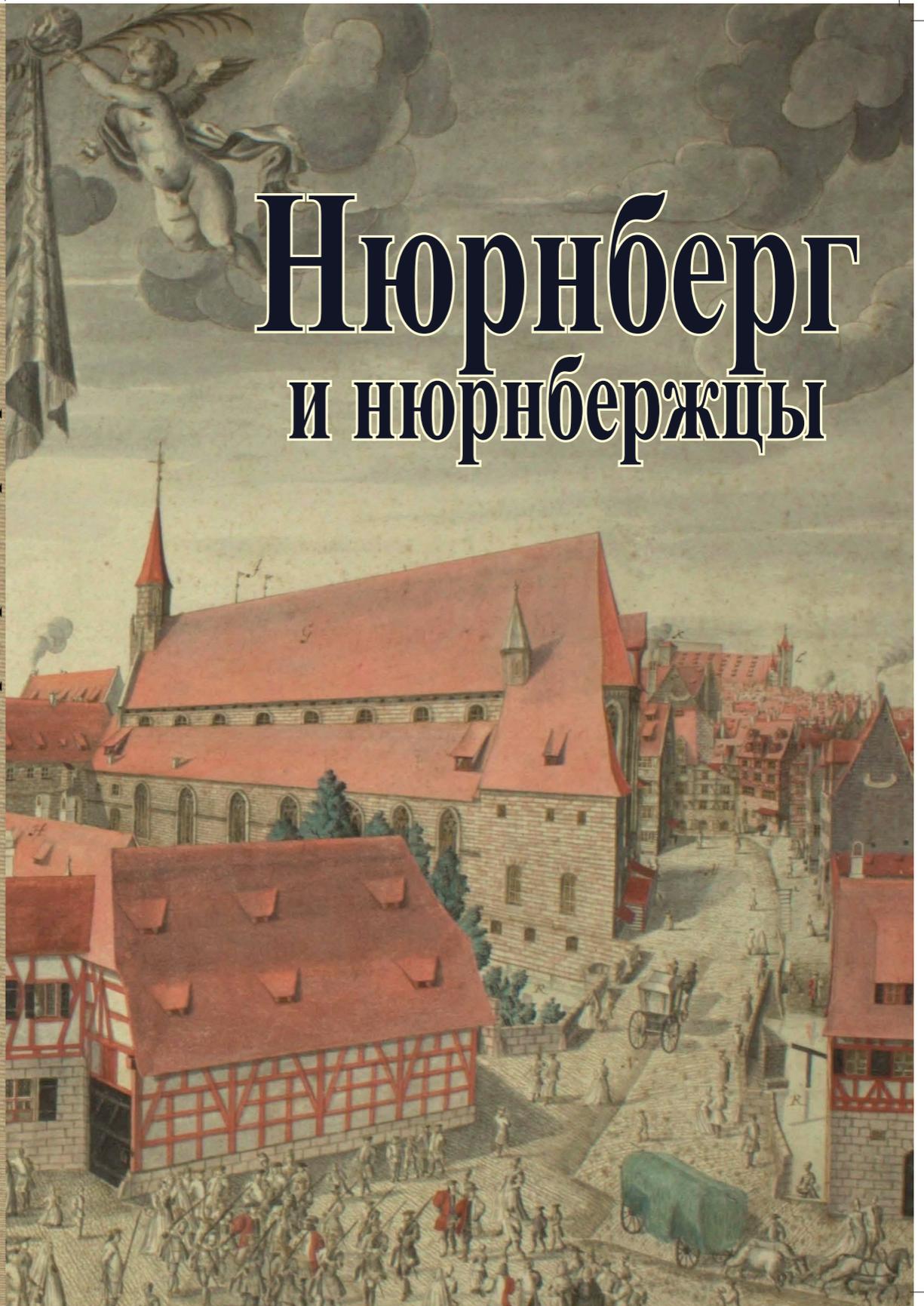
Нюрнберг. Вид из тюремной камеры. Рисунок пером берлинца Христиана Людвиг Каулица, картографа и мошенника. В 1721 году он был схвачен в Нюрнберге, приговорен к пожизненному заключению и помещен в тюрьму в башне у Госпитала Святого Духа.

9 783000 489990
ISBN 978-3-00-048999-0

Нюрнберг и нюрнбержцы

В. Соколова

Нюрнберг и нюрнбержцы

Валерия Соколова

Нюрнберг и нюрнбержцы

*Почти тысячелетняя история города
в сагах и рассказах, воспоминаниях и письмах,
в старых гравюрах и фотографиях*

© Ekaterina Müller Medienagentur & Übersetzungsbüro

Valeria Sokolova
Nürnberg und Nürnberger
Nürnberg: Ekaterina Müller Medienagentur & Übersetzungsbüro, 2015

© 2015 Ekaterina Müller Medienagentur & Übersetzungsbüro, Nürnberg

3. vermehrte und verbesserte Auflage
Alle Rechte vorbehalten
Lektorat: Elena Khvalensky, Israel

Umschlag – Christian Ludwig Kauliz „Ansicht des Heilig-Geist-Spitals“, 1744.
Altstadtplan, Seite 190–191 – Pablo de la Riestra, Nürnberg

Historische Fotos bzw. Kopien der alten Graphik wurden mit Genehmigung des Stadtarchivs und der Stadtbibliothek Nürnberg, des Germanischen Nationalmuseums sowie der Graphischen Sammlung bei der Stadt Nürnberg (Museen der Stadt Nürnberg) verwendet.

Printed in Germany, 2015
VDS VERLAGSDRUCKEREI SCHMIDT, 91413 Neustadt an der Aisch

ISBN 978–3–00–048999-0

Посвящаю моим сёстрам и всем моим друзьям, вдохновлявшим и поддерживавшим меня несколько лет при подготовке этой книги.

Большая благодарность Г. Елагиной, Н. Ершовой, Е. Хваленской, О. Аксентян, С. Берман, О. Уваровой, Б. Пушкину, Л. Гольдбрай, Б. Грейнишопу, Э. Гиндину, Н. и А. Юровским, Г. Грибовой, Доктору Хойслеру, Т. и Ю. Канцбергам, К. Мюллер и В. Мойслю, И. Табачнику, М. Куклиной, В. Муратову, А. Бруху и многим, многим другим нюрнбержцам и не нюрнбержцам за самую разнообразную помощь, в том числе финансовую, без которой не появилась бы эта книга.

Acknowledgement

The author especially thanks the Nuremberg Association of the Old Town Friends (Altstadtfreunde e.V.) for providing old postcards and photos of the Old Town and its inhabitants, the Institute of Local History (Geschichte für alle) for historical photos, as well as communities of the Basilica della Santissima Annunziata (Basilica of the Most Holy Annunciation, Florence), St. Sebald Church and St. Lorenz Church (Nuremberg) for providing wonderful photos of art-works entreated in their churches.

Предисловие ко второму изданию

В истории России и Германии много общего. Это особенно хорошо замечаешь, оказавшись здесь, в Германии. Мой немецкий знакомый, берлинец Иохен Хойслер, дипломированный инженер, не историк, живущий последние тридцать лет в Нюрнберге, собрал огромный материал по связям Нюрнберга с Россией и объединил всё в два тома – «Нюрнбержцы в России» и «Россияне в Нюрнберге». Он говорит, что Россия лежит у него «am Herzen». Этот очень интересный труд ещё ищет своего издателя.

Начиная собирать и переводить материал о Нюрнберге, я делала это для себя. Хотелось иметь по возможности подробную книгу на русском языке о городе, в котором я живу, но при этом я вполне допускала, что она нужна не только мне.

Тираж первого издания составил всего 300 экземпляров. Трудно было представить, как встретят любительскую книгу, не имеющую жанра. Редактор Елена Хваленская, моя подруга, предложила назвать её углублённо-расширенным путеводителем. Так её и принимайте, пожалуйста. Тираж был раскуплен за три месяца, пришлось срочно готовить второе издание. Нюрнбержцы звонили и сообщали о неточностях, без которых не обошлось, за что всем огромное спасибо. Невольно искали «мостики», которые связывали и связывают Нюрнберг и Россию. Приятно было слышать не только слова благодарности, но и пожелания, и предложения для следующего издания. Из Гамбурга позвонил мой друг Михаил Смирнов и сообщил, что он недавно был в Новгороде, и там, в Софийском кафедральном соборе, висит почти двухтонный светильник (паникадило), выполненный нюрнбергскими мастерами по заказу Бориса Годунова. Нюрнбержец Анатолий Дозорцев попросил обязательно описать армиллу, в XII веке изготовленную мозельскими мастерами для Фридриха Барбароссы, в XIX веке найденную во Владимире и теперь хранящуюся в Германском национальном музее. Татьяна Михайлова рассказала мне о коллекции нюрнбергского серебра в Оружейной палате, которая насчитывает двести шестьдесят пять предметов.

К работе подключились новые молодые силы. Я очень этому рада. Эдуард Гиндин написал главу о «новом Старом городе» – чуде восстановления уничтоженного в войну исторического центра «самого немецкого из немецких городов». Это издание дополнилось фотографиями современного города, с душой выполненными Ириной Барской. Маша Куклина подготовила фотографии для печати.

Я очень благодарна всем, принявшим близко к сердцу и оценившим мою работу. Теперь стало ясно – все мы, приехавшие сюда 10-15 лет назад, полюбили этот город, и он у нас лежит «у сердца» так же, как и Россия у немца Иохена Хойслера. И мы хотим сказать всем гостям: “Нюрнберг – город не только нацистских съездов и Нюрнбергских процессов”. Загляните в книгу и убедитесь в этом.

Валерия Соколова

Оглавление

Вступление	6
История и истории	10
Умные головы и золотые руки	26
Михаэль Вольгемут (1434–1519)	27
Хартманн Шедель (1440–1514)	27
Антон Кобергер (ок. 1445–1513)	27
Файт Штосс (ок. 1447–1533)	28
Адам Крафт (после 1450–1509)	35
Петер Фишер Старший (ок. 1460–1529) и его сыновья	43
Мартин Бехайм (1459–1507)	44
Ганс Бехайм Старший (ок. 1465–1538)	47
Альбрехт Дюрер (21.05.1471–06.04.1528)	49
Виллибальд Пиркхаймер (1470–1530)	60
Петер Хенляйн (ок. 1485–1542)	61
Ганс Сакс (1494–1576)	61
Венцель Ямнитцер (1508–1585)	63
Бартоломеус Виатис (1538–1624) и Мартин Пеллер (1559–1629)	64
Иоахим фон Сандрарт (1606–1688)	66
Иоганн Пахельбель (1653–1706)	69
Иоганн Адам Дельсенбах (1687–1765)	70
Иоганн Конрад Грюбель (1736–1809)	72
Ганс фон Ауфзес (1801–1872)	73
Зигмунд Шуккерт (1846–1895)	74
Герман Кестен (1900–1996)	76
Нюрнберг в путевых заметках и дневниках Старого и Нового времени.	
1438–1980. (Переводы с немецкого)	78
Расцвет имперского города (XV–XVI вв.)	79
Упадок города (XVII–XVIII вв.)	82
Открытие романтического Нюрнберга (XVIII–XIX вв.)	88
Подъем, индустриализация (XIX–XX вв.)	98
Беда (1935–1945)	100
После войны	104
Прогулки по городу	
Город Себальда (Северная часть Старого города)	115
Вдоль Пегница	148
Город Лоренца (Южная часть Старого города)	160
За стенами Старого города	181
Схема Старого города	190
Тяжёлое наследие : 1933–1945	192
Новая жизнь Старого города (автор Эдуард Гиндин)	228
Старонюрнбергское гостеприимство	240

Лицо Нюрнберга – это не лицо юной красавицы. Тысячелетняя история города оставила на нём бесчисленные следы и шрамы, особенно нацистское время. Известно, что на лице человека с благородной душой к старости проступает эта душа. Так и под глубокими морщинами и шрамами лица нашего города можно увидеть и почувствовать его истинное благородство. Не правда ли?

*Доктор Ульрих Мали, 2007 г.
Обер-бургомистр Нюрнберга*

Норенберк, Нэрмберх, Норимберга, Нёрнберг, ласково-уменьшительное Норис и, наконец, Нюрнберг – это всё один и тот же немецкий город, с почти тысячелетней историей. Существует множество гипотез происхождения его названия. По одной из них, наиболее вероятной, кельтское слово «нор» (пористый камень) и германское «берг» (гора) образовали имя города. В таком случае Нюрнберг – это «Гора из песчаника».

В Средние века и в Новое время (962–1806) на территории Центральной Европы существовало государственное образование Священная Римская империя, с XV в. – **Священная Римская империя Германской нации**. В период наивысшего расцвета ядром империи была Германия. Еще в XIV в., при императоре Карле IV, Нюрнберг стал вторым городом империи, после её фактической столицы Праги. Историческим документом, в котором впервые упоминается Нюрнберг, была вольная грамота, выданная в 1050 г. некоей Сигене, крепостной дворянина Рихольфа. Германский король и император Римской империи Генрих III собственноручно подписал эту грамоту, уравнявшую в правах бывшую крепостную со свободнорожденными.

В Средневековье германские императоры не имели постоянной резиденции и переезжали со свитой из одной укрепленной крепости в другую. По дорогам Европы в то время в состоянии были передвигаться только хорошо вооруженные люди, и в относительной безопасности можно было себя чувствовать лишь в достаточно защищенной крепости. Лучшее место для крепости – неприступная скала. Имеется документальное свидетельство того, что император Конрад II на пути из Регенсбурга в Бамберг между 1024 и 1029 гг. остановился в Мёгельдорфе (сейчас пригород Нюрнберга). Возможно, тогда и была им замечена одинокая крутая скала, подходящая для крепости. На этой огромной глыбе в середине XI века была возведена крепость, ставшая одной из временных, но часто посещаемых резиденций немецких императоров. Историческое значение крепости очень велико, между 1050 и 1571 годами здесь побывали все германские властители, не менее трехсот раз. Только один Карл IV – 52 раза. Тут проводилось огромное количество имперских съездов. У стен императорского замка рос и развивался город.

В XV–XVI вв. Нюрнберг, еще, можно сказать, юный по сравнению со

старыми городами империи, такими как Регенсбург, Аугсбург, Майнц, называли центром Европы. У городских ворот сходились семь крупных европейских торговых маршрутов. В Венеции нюрнбергские купцы закупали пряности и текстиль, доставляемые с Востока. Из Неаполя везли цитрусовые и виноград. На Лейпцигской ярмарке продавались и покупались меха, золото и серебро, медь, цинк и олово, добываемые в рудниках Средней Германии. Но своим богатством в XV–XVI вв. Нюрнберг был обязан не только развитию торговли. Из-за песчаных почв эффективное земледелие в этих краях было невозможно, и основным занятием горожан стали ремёсла. Уникальная изобретательность и трудолюбие мастеров-ремесленников создали неповторимый Дух Нюрнберга и его славу в ту эпоху. Город стал центром немецкого гуманизма, науки и искусства.

Здесь в пределах только одного столетия (сер. XV – сер. XVI в.) жили и творили блистательные личности, чьи произведения до сих пор составляют культурный капитал города. Это – всемирно известный художник и график Альбрехт Дюрер, каменотёс-скульптор Адам Крафт, скульптор Файт Штосс, мастер литейного дела Петер Фишер и многие другие. К этому поколению относятся также майстерзингер¹ и сапожник, поэт и драматург Ганс Сакс, создатель немецкой каллиграфии и историограф Иоганн Георг Нойдёрфер, первым собравший информацию о знаменитостях Нюрнберга и издавший «Сведения об известных художниках и ремесленниках, которые жили в течение последнего столетия в Нюрнберге» (1547). Позже исследователи искусства часто опирались на этот не очень точный, но самый ранний документ такого рода.

К XVII–XVIII вв. бурный расцвет города остался уже позади. Нюрнберг, обессиленный войнами и под грузом долгов, пришёл в упадок и потерял прежний блеск и славу, потерял свой Дух. В Европе в эту эпоху с ним сравнима только Флоренция, пережившая столь же высочайший взлёт и столь же глубокое падение. Причиной обнищания города после Тридцатилетней войны была не только огромная сумма его долгов. Сошла на нет власть кайзера², под защитой которой прежде жил Нюрнберг. Открытия Нового света привели к развитию нидерландских, английских и испанских портовых городов, лежащих на новых торговых путях к трансатлантическим странам. Имперские города потеряли своё значение, померкла слава Аугсбурга и Венеции, а также и Нюрнберга. Пришло время городов-резиденций, таких, как Берлин, Мюнхен, Дрезден, Ганновер.

В конце XVIII в. благодаря поэтам-романтикам Генриху Вакенродеру и Людвигу Тику Нюрнберг стал символом истинной немецкости и «прибежищем немецкой души». Очарованные красотой средневекового Нюрнберга, они выразили впечатления о нём в своих литературных произведениях. «Сердечные излияния одного поклонника искусства в монашеской рясе» Вакенродера возродили облик романтического старонемецкого города, не имевшего ничего общего с классическими образцами европейских городов.

В период наполеоновских войн Священная Римская империя Германской нации распалась, а обнищавший Нюрнберг, войдя в состав королевства Бавария, в 1806 г. потерял свою независимость. В первой половине XIX в. начался период бурной индустриализации. Первая железнодорожная ветка в Германии была построена

между Нюрнбергом и Фюртом (1835), между 1836 и 1846 гг. при баварском короле Людвиге I был открыт судоходный канал, соединивший Майн с Дунаем (Ludwigskanal).

В области машиностроения, металлообработки и электропромышленности Нюрнберг превратился в ведущий город королевства Баварии. В 1837 г. Иоганн Фридрих Клетт организовал производство, выполнявшее заказы «Королевского железнодорожного общества». В течение столетия оно превратилось в чугунолитейный и машиностроительный завод. К началу XX в. завод слился с аналогичным аугсбургским производством. Образовавшийся концерн MAN (Maschinenfabrik-Augsburg-Nürnberg AG) в настоящее время является одним из ведущих машиностроительных и автомобилестроительных предприятий Европы.

В конце XIX в. большое нюрнбергское предприятие инженера и изобретателя Зигмунда Шуккерта производило генераторы постоянного тока, лампы накаливания и прожекторы. Позже оно слилось с электротехническим отделом фирмы Siemens & Halske AG и в итоге стало частью ныне всемирно известной фирмы Сименс. К 1900 году Нюрнберг был одним из девяти самых больших городов Германии.

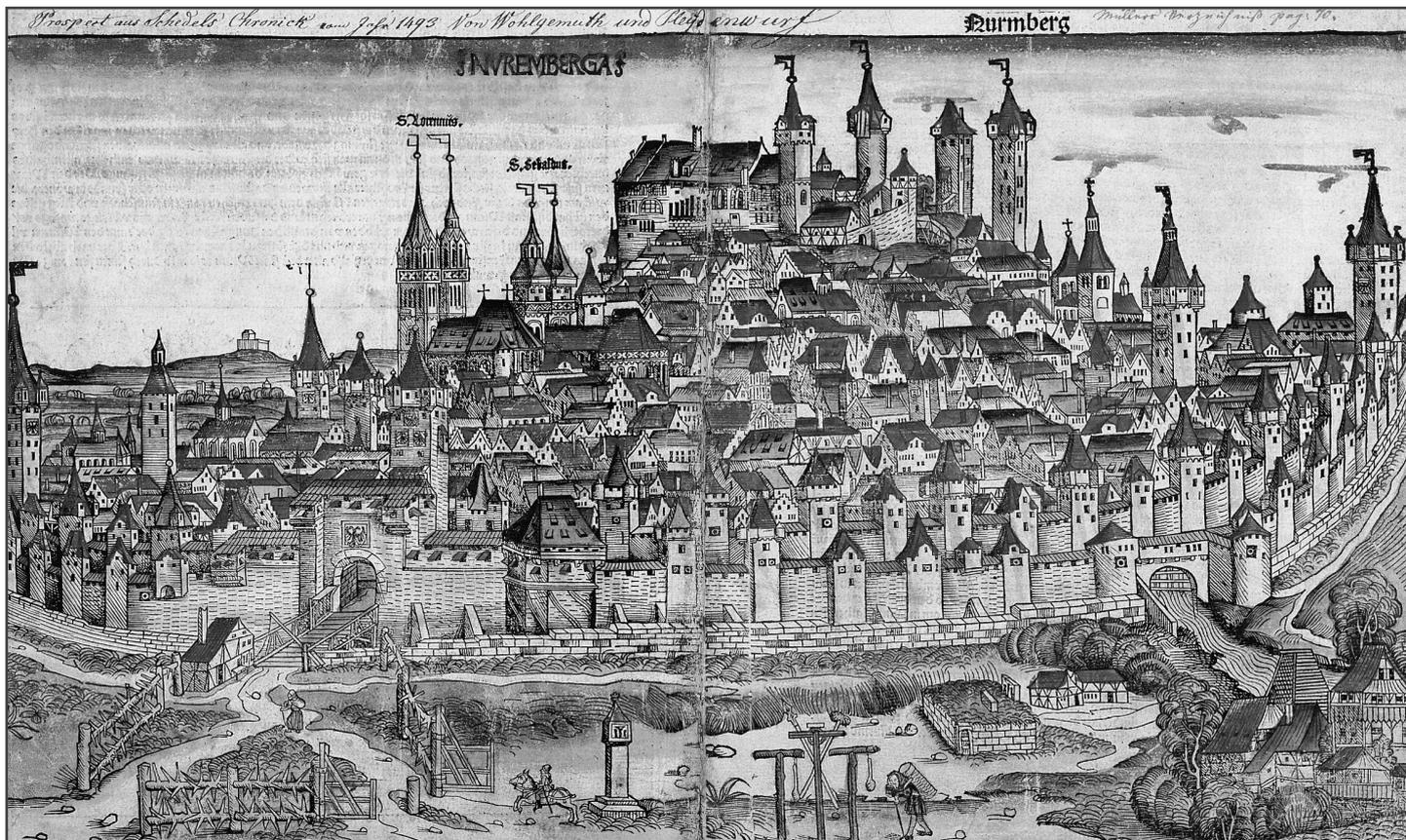
XX век. Приход к власти Гитлера. Не случайно склонный к мистике фюрер в поисках подходящего места для строительства «Территории партийных съездов» свой выбор остановил на Нюрнберге. Сыграло роль имперское прошлое города. Нюрнберг стал городом нацистских съездов, на одном из этих съездов были приняты Нюрнбергские расовые законы³.

Уже с 1935 года режим нацистов начал призывать соотечественников готовиться к возможной воздушной войне. В сентябре 1938 года в городской администрации Нюрнберга были созданы отделы по организации обороны. Защита исторических памятников не была первоочередной задачей, но в 1939 году Баварским Земельным ведомством была издана рекомендательная инструкция – все перемещаемые памятники искусства поместить в «сухие помещения», а остальное защитить бетонными покрытиями. В средневековом лабиринте под скалой был оборудован бункер для хранения всего ценного, что накопил Нюрнберг за многие века. С первых дней войны всё, что можно было перенести из церквей и музеев города, – витражи, скульптуры, картины, реликвии, – упаковывалось и помещалось в хранилища. Все спрятанные ценности благополучно пережили бомбёжки. Один из этих бункеров, наиболее надёжный, носит название «Исторический кунстбункер».

Во время бомбардировок города авиацией союзников было разрушено более девяноста процентов строений Старого города, но при этом девяноста процентов всех ценностей города было сохранено в подземных хранилищах.

В разрушенной Германии с трудом нашли здание, подходящее для проведения суда над нацистскими преступниками. Им оказался Дворец юстиции в Нюрнберге, неповреждённый вследствие своего положения – в паре километров от Старого города, цели бомбардировок союзников. Зал суда соединялся подземным переходом с хорошо сохранившейся тюрьмой. Так первый в истории человечества Международный суд состоялся здесь же, в Нюрнберге, в славном средневековом имперском городе, ставшим колыбелью фашизма.

Нюрнберг. Всемирная хроника Шеделя. XV век.

История и истории

Три крепости

Замки: _____ кайзера _____ | бургграфа | _____ города |

Башни: 1 – Языческая; 2 – Sinwellturm; 3 – Пятиугольная; 4 – Luginsland

В XI веке здесь, на скалистом плато в 200 метров длиной и 50 метров шириной, для защиты своих владений кайзер Генрих III возвёл крепость (бург). В его отсутствие крепость управлялась наместниками – бургграфами, и называлась она Бургграфенбург. Пятиугольная башня была Главной башней крепости. Так как имя «Нюрнберг» всплыло из тьмы веков только в 1050 г., то считается, что башня относится к этому же времени и является старейшим строением на плато. У подножья скалы под защитой крепости медленно рос город. Упоминание о первых наместниках, братьях фон Раабах, встречается в грамоте 1107 г. Власть Раабов усиливалась, всё больше территорий вокруг города оказывалось в их владении. В заботах о собственных интересах они постепенно забывали о кайзере и империи. Хотя Бургграфенбург являлся ленным владением, то есть «условно жалованным», бургграфы даже в присутствии кайзера управляли им как своей собственностью. После смерти Раабов в 1191-1192 гг. в должность бургграфа благодаря браку вступил Фридрих фон Цоллерн из рода Гогенцоллернов. В это время должность бургграфа стала наследной с резиденцией в крепости Бургграфенбург. Такое положение дел, естественно, не устраивало кайзеров, и при Фридрихе Барбароссе (вторая пол. XII века) западнее Бургграфенбурга началось строительство ещё одной крепости. Она была названа Кайзербургом (Императорская крепость).

К середине XIV в. отношения между развивающимся городом и бургграфом стали настолько напряжёнными, что он чаще жил в своих замках в Ансбахе или Кадольтцбурге. Со временем надзор за Кайзербургом в отсутствие кайзера всё больше и больше становился обязанностью города. Естественно, между городом и бургграфом, двумя хозяевами, имеющими одинаковые права и обязанности, возникали трения. В XIV в. на восточной части скалы в короткий срок город возвёл

свою крепость. Одной очень холодной зимой по решению Городского совета срочно была выстроена башня Luginsland, но для наблюдения не за страной, о чём говорит её название, а за Бургграфенбургом. Согласно хроникам, чтобы избежать застывания на морозе строительного раствора, пришлось примешивать в него соль. В отсутствие бургграфа перед Главной башней город построил ещё и Защитную стену, позже – ворота на север и юг, а также западные ворота с тем, чтобы держать в руках все подступы к крепости. В конце XV в. на восточной стороне скалы город выстроил здание Кайзеровских конюшен, замкнувших это двухсотметровое укрепление и навсегда определивших неповторимый силуэт Старого города.

Так на этой небольшой площади оказались три крепости – Кайзербург во владении кайзера, Городская крепость во владении города и Бургграфенбург во владении Цоллернов. Ожесточённая вражда между городом и владельцами Бургграфенбурга за этот маленький, казался бы, кусочек скалы, являвшийся форпостом всего укрепления, продолжалась почти 200 лет. Между тем, Фридрих VI Гогенцоллерн благодаря полученному им маркграфству Бранденбург (маркграфство – пограничное княжество империи) потерял интерес к своему разрушенному владению и в 1427 г. за 120 тысяч гульденов продал городу Бургграфенбург, вернее, его руины, оставшиеся после пожара. Однако позже его наследники, маркграфы фон Ансбах, всё ещё обладавшие титулом бургграфов фон Нюрнберг, пытались отвоевать руины крепости, сначала в Первой Маркграфской войне (1449-53), а затем – в разрушительной Второй Маркграфской войне (1552- 54).

В период между этими двумя войнами по плану итальянского инженера Антони Фацуни вокруг крепости город возвёл бастионы, в виде мощного каменного кленового листа охватившие северо-западную часть скалы. По своей новизне этот проект был сенсацией того времени. Тогда же были укреплены четыре башни Старого города – у ворот Frauentor, Neutor, Splittertor и башня Laufertor, в результате чего они приняли нынешний вид мощных круглых башен. Каждая из них и сейчас прячет в себе квадратную башню времени поздней Готики. В народе тогда их называли «кружками, чтобы выпить за здоровье маркграфа». Таким образом, вся скала оказалась во владении императора и города. После Второй Маркграфской войны долг ранее богатого Нюрнберга составил 3,5 миллиона гульденов. Несмотря на то, что крепость уже не имела прежнего значения, в 1543 г. здесь всё же состоялся последний имперский съезд. Позже кайзеры посещали Нюрнберг уже очень редко, но Кайзербург продолжал считаться имперским владением до 1806 года, когда он вместе с Нюрнбергом перешёл к Баварии.

Три стены

В небольшом поселении, появившемся у стен крепости в XI в., жили в основном ремесленники, обслуживающие кайзера и его двор. Сначала маленькая капелла Св. Себальда и дома ремесленников были окружены забором и рвом (Первая городская стена). Поселение росло очень медленно. Восточнее и южнее его располагались два хозяйственных двора крепости. В 1146 г. восточный двор был передан королём в пользование Шотландскому Бенедиктинскому ордену. Здесь возник монастырь с церковью Св. Эгидиена. Капеллу, принадлежавшую хозяйственному двору на

южном берегу Пегница, король Отто IV в 1209 г. подарил Тевтонскому ордену. Орден возвёл на этом месте госпиталь Св. Элизабет с домашней капеллой и церковью Св. Якоба.

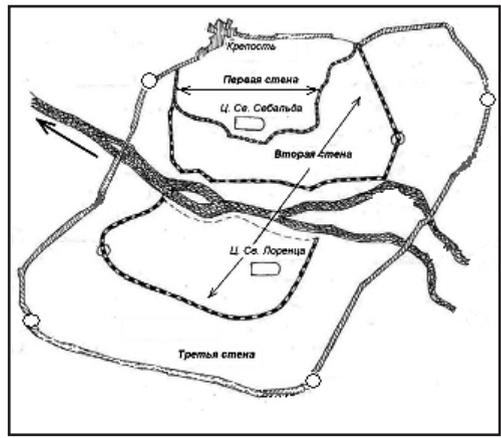
Второе кольцо, или предпоследняя Городская стена. В XIII в. город, выросший у стен замка на северном берегу Пегница, город Себальда, был окружён крепостной стеной и рвом. Стена укрепления тянулась от ворот Tiergärtnerort к крытому ныне деревянному мостику, соединяющему остров Trödelmarkt с левым берегом Пегница. На правом берегу здесь стоит огромное фахверковое строение Weinstadel (Винный Сарай, 1446), построенное на месте бывшего рва Второго кольца укрепления.

На южной стороне реки возник город Лоренца, названный по имени приходской церкви Св. Лоренца. При осмотре этой части города можно проследить, как здесь проходила крепостная стена того времени. Раньше Белая башня (Weißer Turm), входившая во Второе кольцо, была покрыта слоем извёстки, отсюда её название. Огромное здание с мощной крышей, построенное в качестве зернохранилища (Mauthalle – бывший зал таможни, сейчас здесь пивной подвал Barfüßer), и здание полиции с двумя башнями-луковками (бывший арсенал), стоящие ныне в центре торгового района южной части Старого города, были выстроены точно на линии рва укрепления. Таким образом, современные посетители пивного подвальчика Barfüßer сидят на дне бывшего рва вокруг южной части города. Далее крепостная стена проходила восточнее церкви Св. Лоренца до моста Heubrücke (Сенной мост). На улице Peter-Vischer-Straße ещё и сейчас можно увидеть остатки рва и городской стены.

За мостом Heubrücke, на острове Schütt, стоят две башни. Это остатки укрепления. В короткой башне были весы для взвешивания сена, здесь находился Сенной рынок. Вторая, что стоит ближе к берегу, служила мужской тюрьмой. Башня, служившая женской тюрьмой и стоявшая на южном берегу Пегница, не сохранилась. В мужской тюрьме 23 года провёл Христиан Людвиг Каулиц, мошенник, обладавший выдающимися способностями копировальщика. Городской совет использовал его художественное мастерство, поручая ему исполнение особенно секретных посланий. Кроме того, Каулиц копировал географические карты,

однажды изобразил себя, скованным цепью за руки и ноги. Как-то от скуки он нарисовал вид города из своей камеры. Так возник замечательный рисунок пером (на обложке книги) – вид на Госпиталь Святого Духа и город на левом берегу Пегница. Основные объекты, изображённые на рисунке, обозначены на нём буквами латинского алфавита. Список обозначений записан на полотнище, которое держат ангелочки.

На правом берегу Пегница, в северной части города, сохранился

открытый кусок рва со Стрелковым Домом Господ в нём, за ним – башня Laufer-schlagturm. Ров тянулся на север, позже на месте засыпанного рва построили дома ткачей (Sieben Zeilen), где они, частично восстановленные, и сейчас стоят.

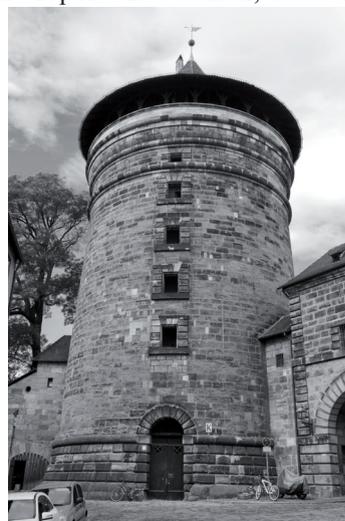
Третье кольцо, или последняя Городская стена. Когда в XIV в. население городов на разных берегах Пегница резко возросло, пришлось возвести третье кольцо укрепления в виде ромба. Вплоть до перехода Нюрнберга к Баварии городские строения оставались в пределах крепостной стены. За городскими воротами тянулись пастбища и поля, еще дальше – поместья и деревни.

Со смотровой площадки крепости, бывшей площади Freieung (Свобода), виден весь Старый город. Единственная в своём роде почти полностью сохранившаяся пятикилометровая Городская стена (третье, последнее укрепление) – одна из главных достопримечательностей Нюрнберга. Многие маленькие города Европы до сих пор сохранили крепостные стены. Но ситуация с большими городами сложилась совершенно иначе – в XIX в. все они пали жертвой расширения. Поэтому крепостная стена Нюрнберга – это нечто совершенно уникальное. После разрушений Второй мировой войны понадобилось много сил и материальных средств для её восстановления.

Сейчас этот романтический памятник Средневековья выглядит почти так, как и в середине XV века и позволяет познакомиться с оборонной техникой того времени. Вся полоса защиты была шириной в 30-35 метров и состояла из нескольких частей. Высота внутренней стены составляла 8 метров, толщина – один метр, пространство между стенами шириной в 15 метров – цвингер (zwinger – принуждать, покорять). Противник, пробравшийся через внешнюю стену, оказывался запертым в этом пространстве. На некоторых участках вдоль стены со стороны города на высоте около пяти метров была проложена галерея, сверху защищённая черепицей. Она была настолько широка, что здесь без труда могли разойтись два вооружённых защитника.

Многочисленные башни на стене (их было как будто 365) тоже входили в фортификационную систему, так же как и городские ворота. Все башни, как и в Средневековье, маркированы буквами латинского алфавита. Тогда использовался «семицветный алфавит», а сейчас на белом фоне огромная буква – чёрная, синяя, красная или зелёная. До войны воскресным обычаем горожан была прогулка вокруг стены. Для прогулок по стене доступен только кусочек её западной части. За внешней стеной находился и сейчас находится ров шириной в 20 и глубиной 6-12 метров. Ров никогда не заполнялся водой, так как город расположен на холмах (русло Пегница лежит на высоте 295 метров над уровнем моря, а крепость – на высоте 350 метров).

Благодаря такой надёжной защите, за всю свою многовековую историю Нюрнберг никогда не был взят противником, если не учитывать апрель 1945 года. Тут стена не помогла.

Гербы города на стене здания Арсенала – Большой, Имперский, Малый

Имперский город

Рождение свободного имперского города Нюрнберг, согласно сохранившемуся документу, произошло в 1219 г. Хотя этот документ и назывался «письмом о свободе», речь в нём, собственно, шла не о свободе, а о предоставлении особых прав городу. Кайзер Фридрих II, подписавший это «письмо», в противоположность своим предшественникам, имел постоянную резиденцию в Палермо, городе, далеко отстоящем от Германии, в Сицилии. Документ начинался словами: «Моему любимому Нюрнбергу...». Кайзер Фридрих II в истории был известен как опытный политик и умный предприниматель. Он предвидел, что будущее немецкой экономики зависит от городов, обладающих свободой предпринимательства, чьё быстрое развитие обогатит и казну империи. Купцам Нюрнберга была разрешена беспошлинная торговля в районе Дуная до Пассау, на верхнем Рейне и в Вормсе. На некоторых ярмарках нюрнбержцы имели право расплачиваться собственной валютой.

Ещё и сегодня на печатях и гербах Нюрнберга можно увидеть следы имперской свободы. Если маленькие епископские и графские города имели только герб своего хозяина, то Нюрнберг имел не только два собственных герба – Большой и Малый, ему позволялось использовать также герб империи. На доме № 1 по улице Weinmarkt сегодня можно увидеть одно из старейших изображений Большого герба Нюрнберга, относящееся к XIV в. Это увенчанный короной орёл с лицом и длинными волосами «свободного мужчины». В 1440 году была утеряна городская печать с нюрнбергским орлом, тогда и пришлось внести небольшое изменение в изображение герба. Дополненный женской грудью, орёл превратился в орлицу.

На Малом гербе города левое поле представляет собой половину имперского герба, правое – красные и белые скошенные полосы, цвета Франконии (Северная часть Баварии, Нюрнберг – негласная столица Франконии, административная – Ансбах). Цвета имперского герба – чёрный (орёл), красный (клюв и лапы, с XIV века) и золотой (фон) – в XIX веке стали государственными цветами Германии. Все три герба можно увидеть над порталами ратуши.

С самого начала своего существования Нюрнберг не имел хороших предпосылок для развития торговли. Но нужда способствует развитию изобретательности. Нюрнбергские ремесленники знали, что только своими стараниями они могут

получить то, чем их обделила природа. Городские купцы в свою очередь знали, что, как сейчас говорят, только хорошая организация управления экономикой приведёт к успеху. Они всегда знали, какой товар, когда и где востребован, заказывали его городским ремесленникам и затем покупали у них для последующей продажи.

Товары нюрнбергских мастеров пользовались огромным спросом. Постепенно перешли к так называемой «штук-системе», которая применялась в таких ремесленных отраслях, как производство перчаток, проволоки, латунных и кузнечных изделий, игл, изделий из драгоценных металлов, игрушек. Количество единиц изделий измерялось тысячами, срок исполнения и стоимость за штуку оговаривались заранее. Это был прообраз будущей аккордной системы, появившейся в период индустриализации. Разумеется, такой тандем мастера и продавца не всегда действовал идеально.

Здание Торговой палаты, что наискосок от фонтана «Прекрасный колодец», украшает растянувшаяся на весь фасад фреска с изображением купеческого каравана. Это место, где с 1560 г. и до настоящего дня для контроля торговых операций встречаются нюрнбергские коммерсанты. Конечно, не каждый торговый обоз, проходивший через городские ворота, выглядел так пышно, как изображено на этой, созданной уже в Новое время, фреске. Но караваны таких семей, как Тухеры, Имхоффы или Хольцшуэры, наверняка имели достаточно внушительный вид. Уже в XIV в. купцы Нюрнберга добивались свободного провоза товаров в другие города, хранения их на складах и беспошлинной продажи. Тогда достаточно было проехать 50 км, чтобы наткнуться на первую таможенную какого-нибудь епископа, князя или маркграфа. Длина пути Нюрнберг – Венеция составляла 700 км, такой караван каждый день покрывал около 50-ти км, достигая цели через несколько недель. Сопровождавшие его «срочной почтой» отправляли в Нюрнберг сообщение: «Благополучно прибыли в Немецкий двор (Fondaco dei Tedeschi) в Венеции»⁴.

С развитием города строились **церкви и капеллы**. В некоторых городских церквях ещё сохранились остатки изначальной Романской архитектуры, например, в крепости – Двойная капелла, в церкви Св. Эгидия – капелла Св. Евхария, в Альтенфурте – круглая капелла. Церковь

Капелла в Альтенфурте

Поговорки периода расцвета города

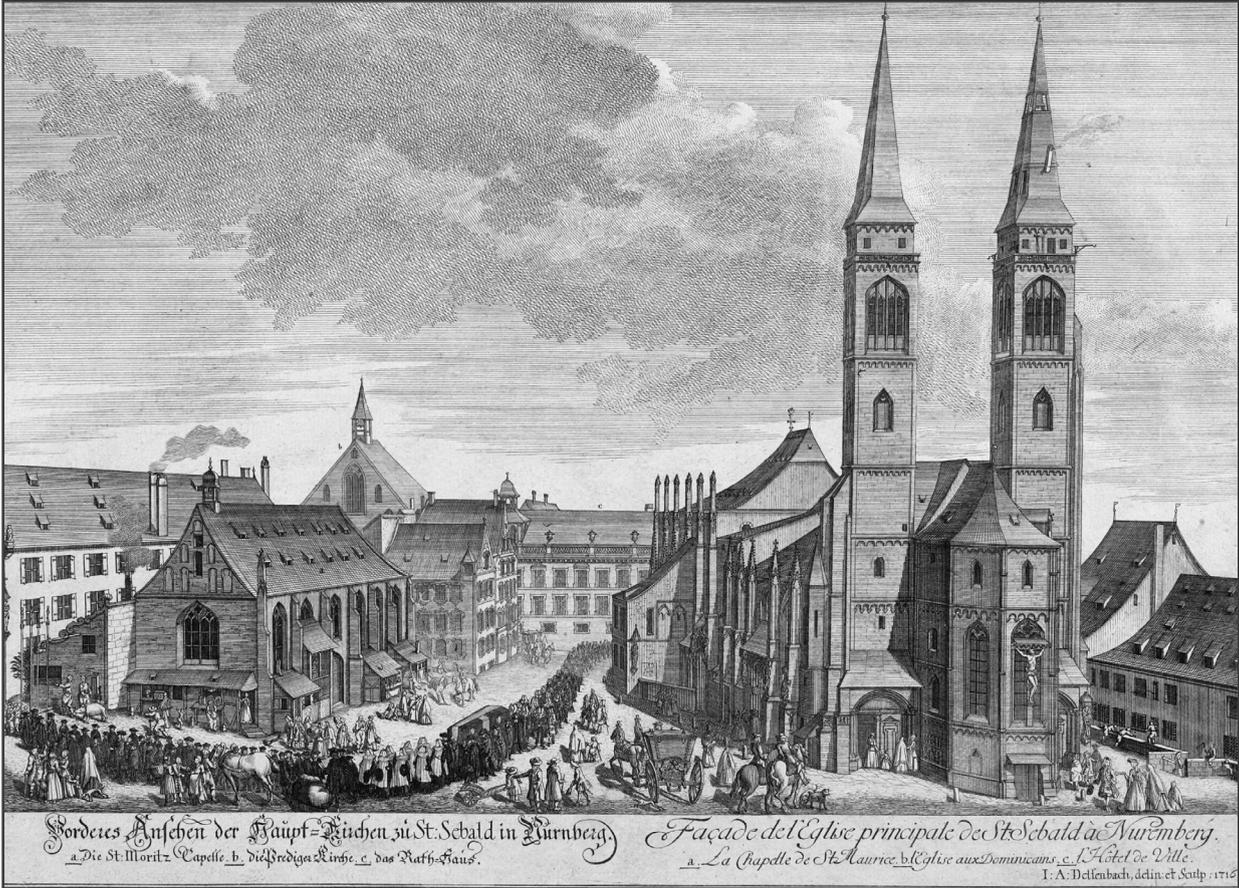
Имей я мощь Венеции, Роскошь Аугсбурга, Находчивость нюрнбержцев, Оружие Страсбурга И деньги Ульма, Был бы я тогда богатейшим в мире.	<i>Hätt ich Venedigs Macht, Und Augsburger Pracht, Nürnberger Witz, Straßburger Geschütz Und Ulmer Geld, So wär ich der reichst in der Welt.</i>
Нет ярмарок без нюрнбержцев. <i>Ohne Nürnberger keine Messen.</i>	
Рука нюрнбержца обманет любого чужеземца. <i>Die Nürnberger Hand betrügt jedes Land.</i>	
Всяк купить готов товар нюрнбергских мастеров. <i>Nürnberger Tand geht von Hand zu Hand. Nürnberger Tand geht durch alle Land. Nürnberger Tand – изделия нюрнбергских мастеров.</i>	
Купцы из Нюрнберга, господа из Ульма, бюргеры из Аугсбурга. <i>Die Kaufleute von Nürnberg, die Herren von Ulm und die Bürger von Augsburg.</i>	
Нюрнбергский товар, Аугсбургский банк и деньги Ульма правят миром. <i>Nürnberger Tand, Augsburger Pfand, Ulmer Geld regiert die Welt.</i>	

Св. Себальда и церковь Св. Клары являют собой пример перехода от Романского периода в архитектуре к Готике. В церкви Св. Себальда об этом времени напоминает массивный романский западный хор, в церкви Св. Клары – двойные романские окна, но уже с готическими элементами.

Маленькая капелла **Св. Иоанна и Св. Катаринны** (римско-католическая) в южном пригороде Нюрнберга Альтенфурт, состоящая из ротонды и примыкающей к ней с востока апсиды, – старейшее строение такого типа в Нюрнберге. Согласно преданиям, основание капеллы связано с Карлом Великим. Считается, что строительство ротонды относится к XII в. Апсида в форме трёх четвертей круга, очевидно, была возведена в середине XIII в. Впервые эта капелла упоминается в одной охранной грамоте как владение Шотландского монастыря Св. Эгидиена в Нюрнберге. Возможно, тогда населением окрестных деревень она использовалась как крестильная капелла, а после Реформации⁵ постепенно потеряла своё сакральное значение. Позже в течение долгого времени помещение использовали как склад. После войны были ликвидированы небольшие повреждения, и с 1953 года это – католическая церковь Альтенфурта. Можно с уверенностью сказать, что в окрестностях Нюрнберга нет второго строения такого типа.

Период настоящего расцвета строительства церквей в Нюрнберге наступил с появлением в архитектуре Готики. Особенность романского стиля – это мощные стены, короткие толстые колонны, маленькие окна, тяжёлые арки и потолки. Грандиозность пространства строения вызвана не столько объемом, сколько чрезвычайной массивностью и тяжестью форм. Готический стиль решительно преобразовал каменное пространство при помощи стрельчатых арок. Нагрузки, которые в романских строениях несли стены и перекрытия, теперь взяли на себя

Церковь Св. Себастьяна. Нюрнбергские проспекты. А. Дельсенбах.

колонны, пилоны и рёбра свода, опоры потеряли свою массивность и вытянулись, превратившись в сложный пучок тонких стеблевидных колонн. Вся тяжесть легла в основном на внешние контрфорсы. Это был огромный прогресс в развитии архитектуры. На смену замкнутым каменным массивам романских строений пришли лёгкие, прозрачные конструкции. Словно отменяя силу тяжести, всё устремлено вверх, к небу. Это чувство божественной отрешённости ещё более усиливается светом, который, таинственно сверкая сквозь огромные цветные витражи, вносит в атмосферу храма нечто мистическое. В немецких готических церквях свет заливает все внутреннее пространство помещения, и не оставляет «ни единого темного уголка». Эта особенность – заполнение интерьера церкви ярким и чистым солнечным светом – на протяжении XV в. превратилась в одну из основных отличительных черт немецкой храмовой архитектуры.

Стиль барокко изменил готические церкви Нюрнберга, хотя и не до такой степени, как в других городах. И не только благодаря тому, что Контрреформация⁶ почти не затронула Нюрнберг, но и потому, что к этому времени резко снизилась финансовая мощь города. Только одна церковь Св. Эгидия, сгоревшая в XVII в., была восстановлена в стиле барокко. Однако её романская основа узнаваема.

Церковь Св. Элизабет возведена на месте домашней капеллы Тевтонского ордена. Это единственная церковь в Нюрнберге, построенная в стиле классицизма.

Нюрнберг никогда не был резиденцией епископа, но его приходские церкви всегда были очень представительны снаружи и богато оформлены внутри. Это было обусловлено, прежде всего, огромными пожертвованиями аристократических семей, а также пронизательностью городских властей, привлекавших лучшие художественные силы времени для украшения храмов. В страхе перед неведомым, надеясь спасти свою душу, богатые жители города жертвовали средства на создание алтарей, капелл, эпитафий⁷, скульптур, картин, витражей. В подобных произведениях в «зоне жертвователя» всегда можно найти изображение его самого, членов его семьи и родовых гербов. Аристократические семьи заботились о сохранении в хорошем состоянии завещанных предками исторических ценностей. Например, до сих пор обязанностью семьи Тухеров является содержание венка «Благовещение» в церкви Св. Лоренца, созданного на пожертвование их предка. В старых церквях обычно можно увидеть несколько частично сохранившихся старых алтарей. Это алтари из бывших капелл церкви, из разрушенных церквей, из распущенных или разрушенных монастырей. Каждый из них имеет интересную и обычно нелёгкую историю.

Две большие церкви Нюрнберга – Св. Себальда и Св. Лоренца – строились как главные церкви двух частей города. Часть Нюрнберга на северном берегу Пегница являлась вотчиной Бамбергского епископства, город на южном берегу реки – вотчиной епископства Айхштетт. Церковь Св. Себальда немного старше церкви Св. Лоренца. Отцы последней в состязании с церковью города Себальда ни в чём не хотели уступать ей, и поэтому обе церкви во многом похожи. Обе имеют по две устремлённые вверх западные остроконечные башни, восточный хор обеих покрывает мощная четырёхскатная крыша, обе владели мощами равновеликих святых, хранившихся в специально изготовленных драгоценных раках (местохранилище останков святых).

С начала XIII в. до первой четверти XVI в. церкви Нюрнберга при необходимости всегда восстанавливались, тогда ещё город был достаточно богат. Позже, вследствие обнищания, чтобы расплатиться с долгами, пришлось многого лишиться. Так, при переходе Нюрнберга под власть Баварии некоторые бронзовые и серебряные культовые предметы пришлось переплавить и продать.

Монастыри обычно закладывались за крепостной стеной города, но по мере его расширения, при строительстве очередной городской стены монастырские строения оказывались в его пределах. Например, Шотландский монастырь Св. Эгидиена оказался внутри Второго кольца укрепления, монастыри Доминиканский, Картезианский и Св. Клариссы – между Второй и Третьей городскими стенами. В период расцвета города в Нюрнберге действовали восемь монастырей. Кроме того, большей частью земли в черте города и за крепостной стеной владел Тевтонский орден. Все они по тем или иным причинам закончили своё существование к концу XVI в. До настоящего времени монастырские строения практически не сохранились, хотя период Реформации они пережили благополучно. Ценные произведения искусства монастырских церквей в основном были спасены.

Вместе с духовным и экономическим развитием Нюрнберга соответственно развивалось и его **градостроение**. Консервативный город со времён Средневековья вплоть до XVIII века в области строительства придерживался принципов поздней Готики. Приблизительно до 1450 г. общий облик Нюрнберга определённо создавали фахверковые строения. С 1479 г. высота домов была законодательно ограничена, в то время как минимальная высота и количество этажей не ограничивались. Каменный дом мог построить себе только богатый горожанин, для среднего горожанина о таком доме не могло быть и речи.

В 1522 г. Городской совет в целях защиты от пожаров издал закон: первый этаж со стороны улицы должен быть непременно каменным. С 1598 г. применять дерево позволялось только для верхних этажей, а с 1622 г. было вообще запрещено строительство фахверковых домов. В 1686 г. после Тридцатилетней войны, «вследствие обнищания населения», вновь было разрешено возводить фахверковые постройки, но закрытые слоем обожжённого кирпича. Позже в городе преобладали дома из песчаника, его в округе было достаточно. Высокие ступенчатые фронтоны возводились из кирпича, для фахверковых строений использовались обломки камней.

Земля в пределах городской крепостной стены была очень дорога, поэтому дома росли вверх, насколько было позволено, по этой причине они имели узкие фасады. Конёк крыш в Нюрнберге чаще всего параллелен улице, как следствие – фронтоны могли себе позволить только угловые здания. Их роль до известной степени переняли надстройки на крышах (эркеры). Поэтому ряды домов на нюрнбергских улицах выглядят гораздо спокойнее и скромнее, чем в соседних средневековых городах, где улица представляет собой длинный ряд домов с роскошными и разнообразно оформленными фронтонами.

Крыши городских зданий покрывались заострённой черепицей (Kirchmäuslein – церковные мышки: по краю таких крыш как будто свисали мышиные мордочки), уклон крыши доходил до 60 градусов, на них наряду со слуховыми окнами пристраивались поперечные эркеры. Они использовались или под жильё, или там стояли механизмы для поднятия грузов на верхние этажи. Эркеры на крыше и хёрляйны (небольшие эркеры на втором этаже, изначально служившие домашней капеллой) – отличительная черта архитектуры Нюрнберга. Хёрляйны, несмотря на стандартную высоту, очень разнообразны: каменные или деревянные, прямоугольные или изогнутые, остроконечные или закруглённые – соответственно стилю времени. Но все они служили одной цели – при случае украдкой бросить взгляд на улицу.

Каждым домом владела одна семья, статус хозяина всегда можно было определить по его дому. Поначалу было мало исключений, пока не появились доходные дома – изобретение XIX в. Дома в Нюрнберге не имели нумерации, её заменяли отличительные охранные знаки в виде скульптур святых, барельефов на религиозные сюжеты, скульптурных портретов владельцев, изображений животных, цветов. Всё это являлось одновременно и украшением домов. Все дома Старого города были пронумерованы революционными французскими войсками, вошедшими в Нюрнберг в 1796 году. Каждая из частей города – город Себальда и город Лоренца – получила независимую нумерацию, но перед номером дома в северной части города стояла буква S, перед номером дома южной части города – L. Такие номера до сих пор можно встретить на домах в северной части Старого города.

Подземные воды были основным источником водоснабжения Нюрнберга. Воду в город в 1459 г. подавали 96 открытых колодцев. Глубина средневековых колодцев составляла от шести до пятнадцати метров, за исключением двух шахтных – в Бургграфенбурге (50 метров) и в Кайзербурге (53 метра). Во времена Готики колодцы всегда ставили где-то в сторонке, чтобы они не мешали движению по городу, но и тогда они уже были произведениями искусства. Нюрнбержцы предпочитали украшать колодцы бронзовыми скульптурами. В искусстве бронзового литья им не было равных. Высеченный из песчаника «Прекрасный колодец» на Главной рыночной площади является её украшением. С приходом Ренессанса в городе появились струйные фонтаны. В период Барокко фонтаны выдвинулись в центр площадей и превратились в монументальные сооружения. Примером служат Фонтан Добродетелей, стоящий у церкви Св. Лоренца, и Фонтан Нептун, непростая история которого изложена на стр. 140-141. Из бывших многочисленных колодцев и фонтанов Старого города в настоящее время осталось очень немного.

Бомбардировки Нюрнберга уничтожили всемирно известные дворцы, бывшие монастыри и, конечно, церкви города. Старый город превратился в груды развалин. Из всех городских церквей невредимой осталась только церковь Св. Иоанна (XIV век) на старом кладбище Св. Иоанна (Johannisfriedhof). По степени разрушений во Второй мировой войне среди городов Германии перед Нюрнбергом можно поставить только Дрезден. После войны Старый город трепетно и с любовью восстановили из руин, насколько это было возможно. Сейчас всё выглядит исторически достоверно. Даже не задумываешься о том, что это не подлинная застройка. В архитектурную картину города, конечно, никак не вписываются новые здания, построенные в послевоенные десятилетия. Но без этих вынужденных строительных решений не обошёлся, пожалуй, ни один немецкий город. Всё лежало в руинах, люди нуждались в жилье, жизнь продолжалась.

Кайзеровское благословение

Два города на разных берегах Пегница развивались, расширялись, к XIV веку обе половины Нюрнберга подошли вплотную к реке и были соединены с помощью крепостных стен и мостов. До сего дня сохранились остатки этого соединения по реке, с востока – тюремная башня на острове Schütt и с запада – водонапорная башня и мост Henkersteg. Заболоченная территория у берегов Пегница, по правому берегу которого растянулось еврейское поселение, тогда никого не интересовала. Но после соединения городов укрепленными мостами напрашивалась идея создания на правом берегу реки центральной площади будущего объединённого города. Таким образом, можно было бы решить две проблемы сразу – избавиться от нежелательного соседства и получить большое пространство для городской рыночной площади.

Дабы у кайзера Карла IV испросить разрешения на осуществление планов городских властей, в ноябре 1349 г. член Городского совета Ульрих Штромер отправился в Прагу. Кайзер дал своё «благословение» – «в Нюрнберге на месте еврейской школы навечно выстроить церковь Святой Девы Марии и рядом с ней разместить два больших рынка» (в средневековых книгах синагога часто называлась еврейской школой). Сразу по возвращении Штромера в Нюрнберг еврейское поселение было снесено, синагога – сожжена. В результате погрома из полутора тысяч жителей жертвами оказались 562 человека, большинство из которых сгорело заживо.

Племянник Ульриха Штромера, Ульман, в своих записках холодно прокомментировал событие: «Евреи были сожжены». Позже историки пытались смягчить это высказывание очевидца, объясняя, что чернь избивала людей и грабила их дома. Директор городского архива Эрнст Мумменхофф в 1908 г. писал: «Тут же по прибытии Ульриха Штромера в Нюрнберг известие о предстоящем изгнании евреев со скоростью ветра распространилось в городе. Все знали, что их дома должны быть снесены, и в головах у черни не было ничего иного, кроме того, что имущество этих домов станет их добычей... А Городской совет? Если бы он захотел, разве не смог бы он обуздать разбушевавшийся народ... Но этого не было сделано, и Нюрнберг стал сценой страшного спектакля – уничтожения евреев».

Через три года после погрома евреи снова смогли поселиться в Нюрнберге. Об этом напоминает переулок Judengasse в районе башни Lauferschlagturm. Но в 1499 г., согласно декрету кайзера Максимилиана, всё еврейское население без исключения было выселено из города. До 1850 г. в городе могли находиться одновременно только десять гостей еврейской национальности, пропускали их в город только через ворота Tiergärtnertor, и до темноты они должны были покинуть город.

*«Звезда Давида» перед алтарём
в церкви Богоматери в память
о событиях 1349 года.*

Имперские сокровища

Имперские сокровища – символы власти германского кайзера – включали в себя императорские регалии и священные имперские реликвии. Самой ценной из первой группы считалась корона (X в.), в которой короновался кайзер Отто II. Позже к собранию добавились коронационная мантия, держава, скипетр, императорский меч и меч для церемоний. Вторая группа – священные реликвии, вывезенные из Иерусалима императором Карлом Великим. Старейшей и ценнейшей святыней считалось Святое копьё, или копьё Лонгина, которым был пронзён Спасителя на кресте.

Имперские сокровища всегда тщательно оберегались кайзерами всех династий. Некоторые из них часто сопровождали властителя в поездках, «защищая» его. Каждый кайзер старался пополнить эту коллекцию святынь. Карл IV переосмыслил и усилил значение этих символов власти, связав их с именем императора Карла Великого. Одно время они хранились в соборе Св. Вита в Праге, а также в крепости Карлштайн (20 км от Праги). Весной 1423 г. кайзер Сигизмунд, спасая сокровища от гуситов, распорядился отправить их в Нюрнберг и там хранить вечно. 22 марта того же года в тщательно замаскированной повозке «рыбного обоза» имперские сокровища были благополучно доставлены во Франконию.

По поводу прибытия святынь в городе был объявлен праздник, и это был праздник для всего народа – от аристократов до мелких торговцев и подмастерьев. Чтобы не омрачать праздничный день неприятными впечатлениями, с виселиц перед воротами Frauentor были сняты тела повешенных, обычно подолгу устрашающе болтавшиеся у въезда в город. Заключённые тюрем, даже опасные преступники, были помилованы и отпущены на свободу. Несколько часов звонили колокола церквей, толпы празднично одетых горожан заполнили площади и улицы. Процессия, состоявшая из членов Городского совета, духовенства и – на почтительном расстоянии – бесконечной массы горожан, потянулась к крепостным воротам Frauentor, через которые в город вошёл хорошо охраняемый кортеж.

Ларь с имперскими сокровищами повесили на длинной цепи высоко под потолком в церкви Госпиталя Св. Духа. Императорские регалии и священные реликвии очень редко вывозились за пределы городской крепостной стены, разве что для использования в процессиях коронации.

До начала Реформации один раз в году, во вторую пятницу после Пасхи

(День Святого Копья, учреждённый Папой по просьбе Карла IV), их показывали народу. Обстановка в городе в эти дни была такой, как будто он находился в осаде. Сторожевые у городских ворот несли службу особенно тщательно, на башнях выставались наблюдатели. На Главной рыночной площади рядом с «Прекрасным колодецем» возводился высокий многоярусный, строго охраняемый помост с шатровой крышей. Этот помост, «Прекрасный колодец» и все важные строения на площади защищались оградой. С верхнего яруса помоста, где находились представители Городского совета и духовенство, глашатай зачитывал по списку сокровища, объясняя их происхождение и назначение. Обычно на этот показ собиралось много народу, считалось, что святыни обладают свойством исцелять от болезней.

В 1796 г. революционные французские войска приблизились к Нюрнбергу, тогда драгоценные символы императорской власти под строгим секретом вывезли сначала в Регенсбург, а в 1800 году – в Вену. Там они хранились до августа 1938 г. Когда гитлеровские войска вошли в Австрию, имперские святыни по распоряжению фюрера были возвращены в Нюрнберг, в этот раз их разместили в церкви Св. Катарины. В 1939 г. их, как и все исторические ценности Нюрнберга, поместили в бункер под скалой, на которой стоит крепость. В один из последних мартовских дней 1945 г. обер-бургомистр Нюрнберга, нацист Либель, в присутствии трёх важных чиновников правления города взял из кунстбункера важнейшие имперские реликвии и в запаянном медном сосуде замуровал их в бункер под площадью Paniersplatz. Но американцам удалось найти сосуд, и бывшие имперские святыни в январе 1946 года вернули в Вену, где они хранятся донныне в художественно-историческом музее в замке Хофбург. В Нюрнберге остался только ларь (в Германском национальном музее) и копии некоторых предметов, которые можно осмотреть в музее крепости Кайзербург.

Первая железная дорога в Германии

(или многовековая неприязнь двух городов)

На широкой улице, ведущей из Нюрнберга в Фюрт над станцией метро Bängenschanze стоит памятник Первой железной дороге в Германии, соединившей в 1835 году эти два города. Обелиск фланкируют две фигуры. В сторону Нюрнберга смотрит властная и уверенная в себе Норимберга, она увенчана короной в виде крепостной городской стены с четырьмя мощными башнями. В сторону Фюрта смотрит нежная и женственная Фюртия с лавровым венком на голове, по-видимому, демонстрирующим, что Фюрт никогда не имел городского укрепления. Сидят они спиной друг к другу, показывая, как говорят немцы, «die kalte Schulter». Это памятник первой в Германии железной дороге. Событие это произошло в тот, почти единственный, короткий временной промежуток дружбы двух городов, в течение многих столетий, мягко говоря, не любивших друг друга.

Во-первых, конечно, возраст. Нюрнбергу только 961 год, а Фюрт несколько лет назад отмечал тысячелетие. Название города Фюрт связано со словом Furt (переправа), у которой когда-то стоял лагерь Карл Великий. Разумеется, эта дата оспаривается нюрнбержцами – они сами имеют пригород (Altenfurt), где по преданию стоял своим лагерьем тот же Карл Великий.

Во-вторых, церковь Св. Себальда в Нюрнберге является дочерней по отношению к церкви в Поппенройте (Фюрт), в которой был похоронен отшельник Себальд. Нюрнбержцы «перетаскивали мощи святого через границу» в свою церковь и придумали легенду о нём.

К тому же известно, что Фюрт принял евреев, высланных из Нюрнберга в 1499 г. Начавшееся было в XVIII в. развитие Фюрта, которому способствовали коммерческие способности поселившихся тут евреев, тормозилось скверной молвой, намеренно распускавшейся нюрнбержцами по всей Европе. Фюртцы даже предпочитали в то время скорее представляться ансбахцами – Фюртом до 1806 года управляли одновременно Ансбахский князь, Бамбергское епископство и город Нюрнберг.

В период прусского господства во Франконии (1792-1806) между Нюрнбергом и Фюртом частично была построена новая дорога, но война остановила соединение городов. В 1835 г. – вершина дружественных взаимоотношений – Первая железная дорога в Германии «Нюрнберг-Фюрт». Но уже в 1844 нюрнбержцы проложили ветку в Эрланген через Доос, обогнув при этом Фюрт. На рубеже веков бургомистры городов неоднократно пытались объединить города, уже почти слившиеся территориально. Безуспешно. В 1912 году обер-бургомистр Фюрта Теодор Кутцер высказал своё мнение – Фюрт должен «разделить удвоенный блеск Нюрнберга, а не влечить жалкое существование в тени». Душа фюртцев вскипела, и Кутцер вынужден был покинуть город как персону нон грата. Только в 1965 г. произошло, наконец, административное соединение городов.

Но ничто не забыто. Диалог в городской библиотеке Нюрнберга. «Пожалуйста, продлите мне эту книгу о Фюрте». Голос за спиной: «Кто это в Нюрнберге читает о Фюрте?»

Если бы Нюрнберга и Фюртия поменялись местами!

Умные головы и золотые руки

К началу XVI в. города, и, прежде всего, вольные города, становились важнейшими очагами духовной жизни Германии. Имперский Нюрнберг превратился в крупную экономическую метрополию (50 тысяч жителей). Здесь появилась значительная прослойка высокообразованных и богатых купцов, способствовавших развитию активной интеллектуальной, культурной, экономической жизни. Звались они патрициями – по примеру древнего Рима. Они владели богатыми библиотеками, кто-то из них учился в университетах Падуи, Павии или Болоньи, сохранив впоследствии связи с бывшими соучениками. Представители этих влиятельных семей и составляли Городской совет. Их политика, прежде всего, была направлена на успех торгового дела, для чего требовалось блестяще организованное производство ремесленных изделий. Художественное мастерство Нюрнберга, составившее славу старонемецкого искусства, развивалось исключительно на основе ремёсел.

В 1380 г. в городе насчитывалось около ста ремесленных специальностей, а в 1592 г. – 255. Мастерство ремесленников, по сути, являлось богатством города. Многие делали для того, чтобы привлекать таланты в город и удерживать их здесь. Мастера обладали знаниями, которыми Нюрнберг ни с кем не хотел делиться, и потому не имели права покидать город без разрешения городских властей. Важнейшим условием была узкая специализация. Мастер по изготовлению ножей не имел права изготавливать клинки, а мастер по изготовлению мечей не делал эфесы. Мастера, работающие с медью, не могли работать с цинком или железом.

Благодаря имперским привилегиям и традициям обработки драгоценных металлов, торговые связи города расширялись в разных направлениях – от Кракова до Лиссабона и от Венеции до Лиона. Источником энергии для ремесленных производств служили водяные мельницы на берегах Пегница. В 1389-1390 гг. Ульманом Штромером в Нюрнберге была построена первая в Европе мельница для производства бумаги. Чуть позже были изобретены печатные станки. Истинной революцией в изобразительном искусстве стало изобретение средств графической техники, которые вместе с бумагой давали возможность быстро, недорого и в большом количестве тиражировать художественные произведения.

Нюрнберг стал городом, где работали и творили художники и ремесленники, литераторы и математики, географы и теологи. Если говорить об изобразительном искусстве, то живопись в это время здесь представлял великий сын Нюрнберга Альбрехт Дюрер. В области ваения в городе работали три выдающихся скульптора, благодаря которым к началу XVI в. тут сформировался центр немецкой пластики. В 1496 г., после двадцатилетнего пребывания в Кракове, в Нюрнберг вернулся Файт Штосс. Литейная мастерская Петера Фишера, в которой по возвращении из Италии работали и его сыновья, была известна в Европе. В это же время Адам Крафт создавал здесь свои произведения, многие из которых за последующие века, к сожалению, были утеряны.

Михаэль Вольгемут (1434 – 1519)

Будущий живописец, резчик по дереву и первый учитель Альбрехта Дюрера Михаэль Вольгемут родился в семье художника. После обучения в мастерской отца, он отправился в странствия для приобретения опыта в профессии, как это было принято у мастеровых. Живопись он изучал в Нидерландах.

В 1471 г. Вольгемут возвратился в Нюрнберг, некоторое время работал в мастерской отца, а через год после смерти самого крупного нюрнбергского художника того времени Ганса Плейденwurфа перенял его мастерскую, женившись на его вдове. Эта художественная мастерская была самой большой и успешной в Нюрнберге. Мнения о Вольгемуте как о живописце в разные времена были различные. Одни признавали за ним талант, другие полагали, что он, скорее, был умелым предпринимателем. Но никто не отрицал его способностей и заслуг в области книжной иллюстрации. В мастерской Вольгемута были выполнены иллюстрации к крупнейшему памятнику раннего книгопечатания «Всемирной хронике» Х. Шеделя (1491-94). Вольгемут считается последним нюрнбергским художником периода поздней Готики.

Когда Альбрехту Дюреру исполнилось 15 лет, отец отдал его учиться в мастерскую Михаэля Вольгемута, где будущий великий художник работал и учился 3 года. Основы искусства резьбы по дереву Дюреру преподавал его первый учитель, звезда которого со временем померкла рядом с ярко вспыхнувшей звездой знаменитого ученика.

Хартманн Шедель (1440 – 1514)

Немецкий гуманист и историк Хартманн Шедель родился в Нюрнберге, в Падуе получил степень доктора медицины, позже вернулся в родной город. Известен он был как библиофил и собиратель гравюр, после его смерти осталась коллекция из 623-х книг. Шедель прославил себя изданием альманаха «Всемирная хроника» (первая иллюстрированная энциклопедия от «сотворения мира» до XV в.). В нём насчитывается более 1800 гравюр, среди них – в высшей степени точные виды Нюрнберга (Стр. 9).

Антон Кобергер (ок. 1445 – 1513)

Искусство книгопечатания зародилось в Майнце, где в 1456 г. свет увидело первое печатное издание Библии (180 экз.). А в шестидесятые годы XV в. уже существовали типографии в Бамберге, Кёльне и Аугсбурге.

Антон Кобергер – первый крупный издатель и книготорговец в длинном списке известнейших деятелей этого рода XV в. В Нюрнберге первая типография появилась в 1470 г., когда Кобергер снял дом на площади напротив церкви Св. Эгидиена и в нём оборудовал собственную, очень мощную по тем временам типографию, оснащённую 24-мя прессами. Трудились в ней около ста подмастерьев. Принципиальное значение предприятия было в том, что в нём объединились типография и издательство.

Это было огромное, связанное с риском и при этом очень успешное дело, благодаря которому в 1488 г. Кобергер стал членом Городского совета и постепенно породнился со многими влиятельными аристократическими семьями Нюрнберга. У него было 25 детей, а Альбрехт Дюрер был его крёстным сыном. Дом Дюреров находился на улице Burgstraße, как и мастерская Михаэля Вольгемута, где Альбрехт учился живописи. И совсем недалеко от неё располагалась типография его крёстного отца, в которой Альбрехт мальчиком проводил много времени.

По всей Европе продавались книги, изданные у Кобергера, всего около двухсот наименований, прежде всего, «Немецкая Библия» (1483) и «Всемирная хроника» Х. Шеделя на латинском и немецком языках. Здесь печатались сотни гравюр различных размеров, в том числе виды Нюрнберга.

Файт Штосс (ок. 1447 – 1533)

Только в конце XIX в. начался основательный поиск сведений о происхождении и жизни одного из великих художников позднего Средневековья Файта Штосса и его произведений. Его первая большая выставка состоялась в 1933 году в Германском национальном музее в Нюрнберге. Пятьюдесятью годами позже прошла ещё одна выставка, на которой было собрано неожиданно большое количество произведений художника и его учеников, обнаруженных в Нюрнберге и окрестностях. Так вполне достоверно был восстановлен образ Файта Штосса, творившего более пяти столетий назад. В нём сочетались резчик по дереву и живописец, каменотёс и гравер на меди, инженер и архитектор, скульптор больших и малых форм.

Многогранность его художественной деятельности производит впечатление избытка сил. И эти силы проявлялись не только в художественном творчестве, но и в его страстной предпринимательской деятельности. Будучи в родстве с одной мощной купеческой династией из швабского Равенсбурга, он участвовал в торговых делах европейского масштаба. Этим он отличался от своих современников – свободных художников.

Штосс родился в швабском городке Хорб на Неккаре. Ничего не известно о том, где он получил образование. Только весьма приблизительно можно сказать, что происхождение его стиля имеет корни в традициях североевропейской скульптуры. В двух больших городах Европы Штосс создал самые известные свои произведения – алтарь для церкви Богоматери в Кракове и алтарь «Поклонение волхвов» в Нюрнберге, позже перенесённый в Бамберг и поэтому названный «Бамбергским». Первое упоминание имени Штосса в городских книгах Нюрнберга встречается в 1477 году и связано с отказом его от местного гражданства в связи с переездом в Краков, тогда столицу Польши.

Файт Штосс (Вит Ствош по-польски) получил заказ на изготовление алтаря Марии для церкви Богоматери в Кракове, принадлежавшей в то время немецкой общине. В мае 1477 г. мастер приступил к работе, а в июле 1489 г. самый большой алтарь в Европе (13х11 метров), затмивший все резные алтари немецкой Готики, существовавшие до того времени, был закончен. В его средней части представлено Успение Марии (скульптура выше человеческого роста), на створках – сцены

из жизни Христа и Марии (рельефы). Успех алтаря был огромен. К работам, выполненным Штоссом в Кракове, относятся мраморная гробница короля Казимира IV (в кафедральном соборе Вавельского замка) и несколько надгробных памятников епископам.

Почти через двадцать лет Штосс возвратился в Нюрнберг. Без сомнения, свою блистательно начатую карьеру он надеялся продолжить в городе, который мог предоставить ему самые разные возможности. Липовые деревья были далеко не редкостью в лесах этой местности, а их древесина является замечательным материалом для резьбы. Нюрнберг, центр международной торговли, мог дать Штоссу возможность получения заказов не только от жителей южной Германии, с глубокой набожностью украшавших свои церкви, но и из других стран. И в первые годы после переезда казалось, что всё складывается удачно. Но очень скоро мастеру пришлось на себе испытать суровость законов Нюрнберга, и не раз. Два десятилетия он прожил в стороне от главного течения североевропейского искусства. В Кракове Штосс чувствовал себя, так сказать, единственной щучкой среди карпов в пруду художников. Культурная же среда Нюрнберга была иной, здесь ему предстояло конкурировать с большими талантами. Многие из них были моложе тогда уже почти пятидесятилетнего Файта Штосса. В области бронзовой скульптуры здесь блистал Петер Фишер с сыновьями, в каменной скульптуре – Адам Крафт. Михаэль Вольгемут расписывал алтари и резные деревянные скульптуры, юный Дюрер работал над своими гравюрами, городскую архитектуру курировал компетентный административный орган города.

Через год после приезда художника в Нюрнберг в его поначалу удачно складывающуюся жизнь, как гром среди ясного неба, врывается история с подделкой векселя. Он инвестирует крупную сумму, заработанную в результате коммерческой сделки, в предприятие некоего купца, которое довольно быстро разоряется. Штосс подаёт в суд жалобу на посредника, посоветовавшего ему вложить деньги таким образом. Не имея письменных доказательств о передаче ему денег, Штосс предоставляет суду фальшивое долговое обязательство, изготовленное им самим. За подделку документа ему грозит смертная казнь. Штосс оказывается в тюрьме, где у него под пытками выбивается признание. Кайзер и бамбергский епископ пытаются заступиться за знаменитого мастера. В результате он избегает и смертной казни, и выкалывания глаз – наказаний, полагавшихся за обман. Раскалённой проволокой палач прожигает насквозь обе его щеки. В городском архиве сохранился счёт цирюльника, лечившего раны мастера Штосса. С этого момента жизнь его чрезвычайно осложняется. Ему запрещается без разрешения властей покидать город и иметь подмастерьев и учеников. Когда Штосс пытается получить у Городского совета разрешение на работу с металлом (отливку бронзовых скульптур), его просьба отклоняется.

Процесс длится четыре года. Файту Штоссу предъявляется ощутимый денежный штраф за подделку документа. Он скрывается у своего зятя в Мюннерштадте, где получает заказ «расписать и покрыть позолотой» алтарь святой Магдалины в приходской церкви. Над алтарём работает Тильман Рименшнайдер (выдающийся скульптор и резчик по дереву периода перехода от Готики к Ренессансу, Вюрцбург).

Штосс расписывает рельефы, фигуры и корпус алтаря в стиле времени. Для оборотных сторон створок Штосс создаёт четыре картины, тема которых – легенда о франконских святых Килиане, Колонате и Тотнани. Здесь он выступает в качестве художника. В процессе Реформации алтарь Рименшнайдера был уничтожен, но картины Штосса, как самостоятельные произведения были оставлены в церкви. Они висят до сих пор на левой боковой стене хора.

После длительной переписки с Городским советом Штосс возвращается в Нюрнберг и тотчас по приговору на четыре недели попадает в тюрьму. Этот несправедливый, по его мнению, удар судьбы превратил художника в «сумасшедшего и скандального человека». Так его называют в отчётах заседаний Городского совета. Он хочет доказать неправомерность своих долгов, освободиться от запрета покидать город и добиться разрешения посещать ярмарки. Почти всегда в ответ на свои жалобы он получает от Городского совета отказы. Только вмешательство кайзера помогает мастеру восстановить «потерянную честь», и в конце 1506 г. вновь появляются заказы, прежде всего, кайзеровские.

Пережитое не подорвало его творческой страстности и силы. За 27 лет, которые художнику ещё предстояло прожить, ему удалось восстановить своё потерянное состояние, многократно увеличив его. А в творческом отношении этот период его жизни был ещё богаче предыдущего.

Произведения Штосса обычно полны пафоса, реалистичны в деталях и передают религиозные мотивы в динамике, не превзойдённой ни одним скульптором его времени. Можно сказать, что многое в скульптурах Штосса определяется структурой линий, прежде всего, контурами и острыми краями складок. Штосс был человеком своей собственной культурной среды. Как говорили в южной Германии, «он не поддавался соблазну создавать итальянскую скульптуру».

Нижеописанные скульптуры были созданы Файтом Штоссом в Нюрнберге. Даты создания большинства работ мастера точно не установлены и вызывают споры.

Первая его работа по возвращении в Нюрнберг – **рельеф-триптих**, выполненный на пожертвование Паулюса Фольккамера (1499, песчаник, внутренняя стена восточного хора церкви Св. Себастьяна). Три части рельефа представляют собой три сцены – «**Тайная вечеря**», «**Моление на Масличной горе**» и «**Взятие Христа под стражу**» (в музее им. Пушкина в Москве имеется копия третьей сцены). Иоганн Нойдёрфер приписал эту работу Адаму Крафту и датировал триптих 1502 годом. В заблуждении относительно авторства этой работы все пребывали более трёхсот лет, до 1862 г., когда польский художник Александр Лезер нашёл и расшифровал имя автора. Обнаружились дата создания и фирменный знак мастера, нанесённые в виде украшения на ножны меча солдата в тюрбане (сцена взятия Христа под стражу). Это был Файт Штосс, дата создания – 1499 г.

Иоганн Нойдёрфер также сообщил, что на первом рельефе за трапезой изображены члены Городского совета. Что касается выведенных персонажей, то вопрос, кто же из членов Городского совета был изображён в сцене «Тайная вечеря», волновал исследователей и просто любопытных несколько столетий. Но ответ так и не был найден. Возможно, персонаж в центре, единственный в головном

уборе, являет собой портрет автора. Здесь царствует обыденность: кто-то разливает вино из кувшина, кто-то ковыряет еду в миске. Посуда, приборы, мебель совершенно реалистичны. Только группа вокруг Христа (слева) да Иуда (справа), стыдливо закрывающий своё лицо, изолированы от остальных. Это стиль наглядного выразительного изображения с подчеркнuto реалистическими деталями – грубая, крепкая осязаемость. Одухотворённость, производившая такое впечатление в его работах польского периода, исчезла, здесь господствует реализм. Рельефы проработаны так глубоко, что выглядят почти скульптурами и наполнены настолько интенсивной пластической жизнью, что кажется – фигуры вот-вот вырвутся за пределы рамы.

На каменных консолях над триптихом стоят фигуры (дуб) Страдающего Христа⁸ и Страдающей Марии (*mater dolorosa* – мать в страдании). Здесь изображена сцена из Страстей Христовых – явление Христа Марии, когда он показывает ей свои раны и уверяет её в том, что воскреснет. Обе скульптуры составляют одно целое с рельефом-триптихом. Возможно, первоначально они были окрашены под песчаник, чтобы не нарушать единство стиля интерьера хора с каменными скульптурами.

Фигура святого Андрея выше человеческого роста, монохромная, выполнена на пожертвование семьи Тухеров (1500-1510, церковь Св. Себальда, липа). Апостол изображён с атрибутом его мученической кончины – икообразным крестом. Член Городского совета Эндрес Тухер с 1457 г. почти 20 лет курировал городское строительство, потом ушёл в Картезианский монастырь и там был похоронен. Возможно, фигура св. Андрея, судя по совпадению имён, выполнена в его память. В 1657 г. скульптура была перевезена из монастыря в церковь Св. Себальда.

Торговец шёлком из Флоренции Рафаэль Торриджани в память о годах, проведённых в Нюрнберге, заказал Файту Штоссу заворачивающую **скульптурную группу «Рафаэль-Тобиас»** (1516, Герм. нац. музей, липа, стр. 175). Монохромные, полные изящества фигуры скульптурной группы явно несут в себе черты раннего итальянского Возрождения. Эта работа очень необычна для периода поздней немецкой Готики, мастером которой был Файт Штосс. Неизвестно, кто являлся заказчиком **скульптуры святого Рохуса** (защитник от чумы и других эпидемий), созданной Штоссом (1523, Флоренция, церковь *Santissima Annunziata*, липа, стр. 174). Возможно, им был тот же Рафаэль Торриджани, который к этому времени жил во Флоренции и служил там пастором в одной из церквей.

Святой Андрей

Тема **Распятый Христос** прошла через все творчество Штосса и была для него, как ни для кого из художников того времени, важнейшей. В Нюрнберге имеются четыре распятия из липового дерева, выполненных Файтом Штоссом:

- в Двойной капелле крепости (1500, сохранилось лучше всех остальных);
- созданное для церкви Госпиталя Св. Духа (1505-1510, в Герм. нац. музее);
- в церкви Св. Себальда (1520);
- в церкви Св. Лоренца (1520), единственное из всех монохромное (Стр. 163).

В марте 1517 г. Антон II Тухер, главный финансист Городского совета, заказал мастеру Штоссу венок с изображением **сцены «Благовещения»** для хора церкви Св. Лоренца (Стр. 166). Мастер справился с этим заказом в неожиданно короткий срок – 15 месяцев. Высота венка 372 см, ширина – 320 см. Несмотря на такие внушительные размеры он, благодаря своей миндалевидной форме, кажется, парит в пространстве хора как видение.

История создания венка в архиве семьи Тухеров отражена в мельчайших деталях. В противовес монохромным скульптурам с их естественностью, эта работа, из-за невероятно богатого оформления и позолоты, производит впечатление старинной. Венок составлен из 55 роз. В центре – Мария и архангел Гавриил, главные фигуры сцены, каждая высотой более двух метров. Внизу, под венком, как символ зла, изгибается змея, надкусывающая яблоко. Венок окаймлён свисающими с него чётками⁹. Для подсветки «Благовещения» Тухером был заказан позолоченный светильник. Но увидеть венок в те времена можно было только по праздникам, связанным, прежде всего, с Богородицею. В остальное же время он висел полностью покрытый так называемым «женевским платком». Для поддержки этого платка Штоссу была заказана деревянная конструкция в виде позолоченного обруча с радиальными стержнями, в центре сходящимися в шар.

После Реформации такой роскошный «католический» венок оказался неуместным в любой церкви. Городские власти пошли на компромисс – венок был оставлен в церкви Св. Лоренца, но его закрыли «мешком», специально для этого изготовленным. И более двухсот лет он висел под сводом в этом «мешке», вызывая недоумение посетителей церкви. В 1811 г. его перенесли в Двойную капеллу крепости, где к этому времени открыли музей Сакрального искусства Средневековья. Но для маленькой «домашней» капеллы венок оказался непомерно большим, и его перенесли в хор церкви Богородицы. Его пребывание здесь было недолгим, всего несколько недель. Огромный, висящий в центре хора венок не позволял органисту во время службы видеть алтарь. В конце концов, органист поставил условие – если не уберут «мешок», то он отказывается работать. Многострадальный венок отправили на хранение в ратушу. В 1817 г., наконец, было решено вернуть его в церковь Св. Лоренца. Но цепь, на которой он первоначально висел, как и многие другие сокровища церкви, при переходе города к Баварии, была продана, и это тяжелейшее произведение искусства повесили на пеньковой верёвке. Венок упал и разбился на «тысячу маленьких кусочков». Особенно пострадала «змея с яблоком», при падении принявшая на себя всю огромную тяжесть венка. По-видимому, он упал с небольшой высоты, так как главные фигуры достаточно благополучно пережили это печальное событие. Обломки были перенесены в верхнюю ризницу

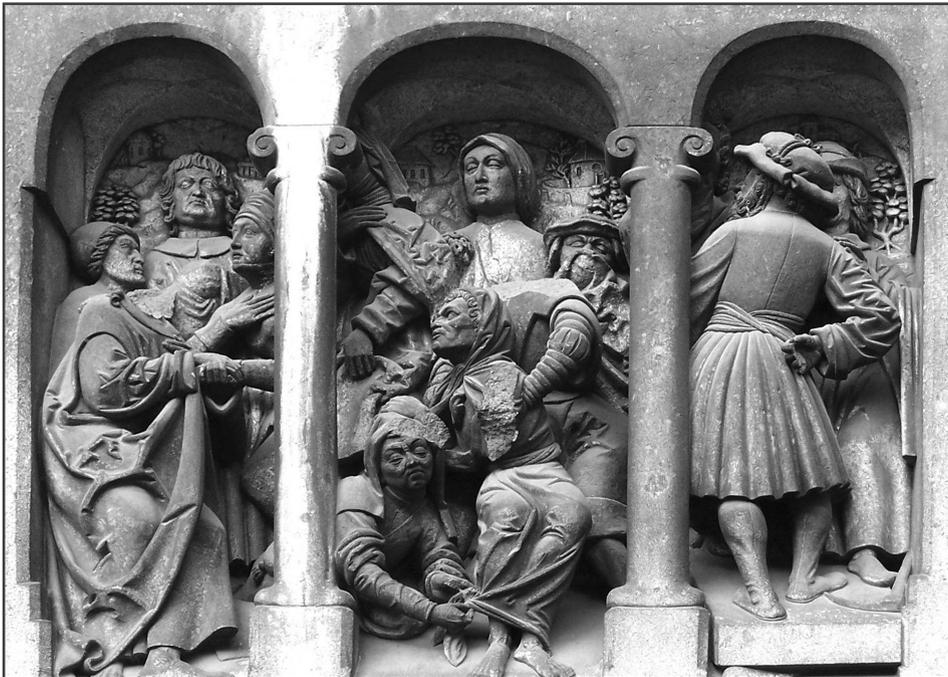
«Тайная вечеря», «Моление на Масличной горе», «Взятие Христа под стражу»

церкви, где пролежали 8 лет. За воссоздание и реставрацию венка взялись только в 1825 г. Точно через 9 лет после падения, день в день, отреставрированный и полностью перекрашенный венок «Благовещение» был опять подвешен в хоре церкви Св. Лоренца. Не хватало только его «короны» и покрывала. В период Второй мировой войны венок хранился в бункере под скалой вместе с фигурами алтаря Марии, перевезённого в Нюрнберг после занятия Кракова немецкими войсками. Так встретились две Марии, созданные мастером в разных городах и в разные периоды жизни.

На внешней южной стене церкви Св. Себастьяна, в нише, имеется бросающийся в глаза глубоко выработанный рельеф, плохо сохранившийся оригинал которого хранится в Германском национальном музее. Ещё в XIX в. над ним была выбита дата «1520». По предположениям, эта работа принадлежит Файту Штоссу. Адама Крафта к тому времени уже не было в живых, а другого, сравнимого с ними скульптора, в Нюрнберге в то время не существовало. Здесь изображена сцена из притчи «**Воскрешение Лазаря**».

По заказу своего сына доктора Андреаса, настоятеля Кармелитского монастыря в Нюрнберге, в 1520 г. Штосс начал работу над алтарём для монастырской церкви (алтарь «**Поклонение Волхвов**», или **Бамбергский алтарь**). Это была его последняя большая работа. Ответственный заказчик доктор Андреас собственноручно написал инструкцию – алтарь должен быть выполнен полностью из дерева, в монохромном стиле, срок исполнения – три года. Створки должны

Воскрешение Лазаря

открываться только по большим праздникам, гореть перед ним должно не более двух свечей. Вся резную работу мастер выполнил сам, к моменту окончания заказа ему было 76 лет. Самым важным в этой работе Штосса стала новая эстетика алтаря как произведения искусства. В сравнении с предыдущими, позднеготическими произведениями мастера, эта работа выглядит спокойнее и сдержаннее. Насколько цветист венки «Благовещение», настолько прост этот алтарь.

К началу Реформации (Нюрнберг принял протестантство в 1526 году) мастер закончил центральную часть и боковые створки. Город перешёл в новую веру, монастырь был расформирован, и Конвент Кармелитского монастыря не смог оплатить работу. В 1525 г. доктор Андреас Штосс покинул Нюрнберг. Пределла и часть, венчающая сооружение остались незаконченными. Наследникам художника удалось спасти алтарь и перевезти его из протестантского Нюрнберга в католический Бамберг. Сегодня его можно увидеть в кафедральном соборе Бамберга. Он не служит литургическим целям, створки его всегда открыты и стоит перед ним шесть свечей – не две, как замыслилось заказчиком.

Умер Штосс в Нюрнберге в 1533 г. почти полностью ослепшим. Состояние, оставленное им, превышало 8 тысяч гульденов, это была огромная сумма. На кладбище Св. Иоанна в Нюрнберге, на расстоянии не более пятидесяти метров от всегда покрытой свежими цветами могилы Альбрехта Дюрера, находится ничем не примечательная могила (ном. 268) его великого современника, скульптора и художника Файта Штосса.

Адам Крафт (после 1450 – 1509)

Один из выдающихся немецких скульпторов переходного периода от Готики к Ренессансу Адам Крафт жил и работал в Нюрнберге. Его причисляли к известнейшим личностям немецкого искусства – и его же называли «просто хорошим ремесленником». Произведения мастера в течение нескольких столетий описывали и воспевали, копировали и отливали, красили и рисовали, улучшали и экспонировали, разделяли на части, дополняли, разрушали и бросали в колодцы. То, что он когда-то служил идеалом старонемецкого художника-мастерового, сегодня почти забыто.

Крафт настолько виртуозно владел техникой обработки хрупкого камня, что материал, вышедший из его рук, казался живым. Ошибочно приписываемая Крафту способность размягчать твёрдые камни, придавать им нужную форму и затем снова превращать в твёрдые, позже создала вокруг мастера особенную ауру, вплоть до приписывания ему дара алхимика. На самом деле он обтачивал камни, потом сверлил их и нанизывал на проволоку, а «ожерелье» скреплял особым раствором. Это и была его тайна.

Для нас в его жизни и его работах осталось много странного и загадочного. Неизвестно, когда и где он родился, где получил образование и что создал до сорока лет. По меньшей мере два десятилетия его жизни (1470-1490) остаются во тьме. В его работах можно увидеть влияние верхнерейнской и нидерландской пластики. Возможно, он видел знаменитые, украшенные художественной резьбой скамьи

*Фигура мастера у основания
сакраментхауса*

хора в кафедральном соборе Ульма, и они оказали влияние на его творчество. Возможно, он участвовал в работах над грандиозным сооружением Страсбургского собора, где вокруг скульптора Никласа Герхарта ван Ляйена образовалась знаменитейшая в Германии того времени школа пластики. Здесь учиться и работать для такого человека как Крафт, было бы, несомненно, страстно желаемой целью. В 1483 г. в Страсбургском соборе возник роскошный сакраментхаус (сооружение для дарохранительницы), подобный тому, какой десятью годами позже Крафт создаст для церкви Св. Лоренца в Нюрнберге. В Страсбурге он мог провести годы учёбы и здесь мог стать мастером. Может быть, этим объясняется отсутствие его имени в городских книгах Нюрнберга тех лет.

Возможно, он участвовал в работах по обновлению «Прекрасного колодца» на Главной рыночной площади Нюрнберга (1490) – предполагается, что одно из консольных изображений, выполненное в манере, не характерной для того времени, является работой молодого Крафта. Неизвестно, принимал ли он участие в возведении восточного хора церкви Св. Лоренца в Нюрнберге, но, возможно, ажурный орнамент балюстрады хора этой церкви был выполнен Крафтом. Совсем недавно при реставрации южной башни церкви Св. Себальда на её южной стороне был найден знак мастера, каким маркировал свои работы «мастер Адам».

Неизвестно, что создал Крафт до 1490 г. и что позволило образованному, понимающему искусство и известному расчётливостью и педантизмом нюрнбергскому патрицию Себальду Шрайеру заключить с ним большой и ответственный договор. Его предметом был **рельеф для семейной усыпальницы Шрайер-Ландауэров** на внешней стене восточного хора церкви Св. Себальда (1490 - 1492) – первое известное произведение Крафта (Стр. 41). В этой работе скульптор показал себя зрелым художником огромного композиционного таланта. Рельеф выполнен в стиле поздней готики. Три его части – Страсти Христовы, Распятие и Воскресение Христа – расположены под углом друг к другу. И сейчас приходишь в изумление, видя, как точно подогнаны огромные каменные блоки рельефа, как точно осуществлён сценический переход, и при этом обыграны линии раздела между частями. В изображении сцен Крафт сумел создать глубокую перспективу. По распространённой гипотезе, две мужские фигуры под уже опустевшим крестом являются изображениями заказчика усыпальницы Себальда Шрайера (с

терновым венцом) и самого Крафта (с молотком и гвоздями). Их одежды, соответствующие времени создания рельефа, отличаются от одежд всех остальных персонажей, что и стало причиной для таких предположений. «Адам Крафт», правда, выглядит старше реального Крафта, каким он мог быть в то время. Очень возможно, здесь изображены почившие представители этой семьи – трудно представить, чтобы автору позволили изобразить себя на таком важном рельефе, да ещё и на переднем плане.

Большой заказ совершенно иного содержания – конструирование и возведение двадцатиметрового **сакраментхауса для восточного хора церкви Св. Лоренца** (Стр. 164-165) – Крафт получил в апреле 1493 года. Заказчиком был член Городского совета Ганс Имхофф Старший, настоятель церкви. Срок исполнения – три года. Сооружение, подобное башне, верх которой повторял изгиб свода храма, воплотило в себе всё богатство позднеготических скульптурных форм (фиалы, массверковый орнамент, краббы и т. д.). Сакраментхаус, поставленный рядом с алтарём, с несравненным ощущением пространства вписывается в широкое помещение хора и составляет единое целое с пилоном.

Здесь представлена история Спасителя, от Благовещения до Тайной Вечери, затем Крестный путь, Распятие и Воскресение. На цоколе покоится прямоугольный ларь – табернакль (дарохранительница). Как само филигранно выполненное сооружение, так и три фигуры, несущие его на своих плечах, всегда вызывали особенный интерес и удивление. С некоторой вероятностью можно допустить, что средняя фигура представляет самого мастера. Являясь скульптором поздней Готики, Крафт представил себя так, как это сделал бы художник Ренессанса. Неслыханный успех монументального и филигранного сакраментхауса в церкви Св. Лоренца позже стимулировал появление аналогичных сооружений в различных церквях ближнего и дальнего окружения Нюрнберга.

Мастерская Крафта специализировалась не только на крупных скульптурных работах, но занималась и отделкой фасадов, лестниц, залов, а также изготовлением рельефов героев, фигур святых, Мадонны – хранителей домов. К настоящему моменту, к сожалению, все приписываемые Крафту ажурные массверковые галереи утрачены. Некоторые из них, сохранившиеся до XX в., погибли при бомбардировках во Второй мировой войне. В церкви бывшего Картезианского монастыря (Герм. нац. музей) хранятся только небольшие фрагменты галерей внутренних дворов.

Фрагмент рельефа

Внутренние дворики старого Нюрнберга. Довоенные фотографии.

в родные города. В Европе очень часто встречаются серии таких рельефов на пути к капелле или церкви.

Существует легенда, согласно которой в конце XV в. набожный нюрнбергский купец по фамилии Кетцель совершил поездку в Иерусалим с тем, чтобы пройти путь Христа от Дома Пилата до Голгофы и шагами измерить расстояние между остановками Спасителя. Купец тщательно провёл все замеры, но на обратном пути при кораблекрушении потерял свои записи. Он снова вернулся в Иерусалим, восстановил замеры и привёз их в Нюрнберг. Кто заказал Крафту эту работу, точно неизвестно. Какое-то время считалось, что это «бамбергский рыцарь» Генрих

Необычный рельеф «Весы», выполненный Крафтом и относящийся к выдающимся светским скульптурным произведениям конца Средневековья, был заказан мастеру для здания таможни (Waage – Весы). Здесь приезжие негоданты взвешивали свой товар и платили пошлину, что и демонстрирует эта выразительная сценка. Копия рельефа украшает сейчас западный фасад здания Торговой палаты, после войны выстроенного заново на месте, где в Средневековье стояло здание «Весы».

Одной из последних крупных работ Крафта стала серия рельефов «Крестный путь» – путь Христа на Голгофу. Поскольку пилигримы того времени на пути ко гробу Господню в Иерусалим во время паломничества подвергались опасностям и часто гибли, у отцов церкви возникла идея перенесения «Улицы Страданий» (Via Dolorosa в Иерусалиме)

Маршалк фон Рауэнекк, на пожертвования которого была выполнена аналогичная серия рельефов в городе Бамберг, считающаяся самым старым сохранившимся «Крестным путём» в Европе. Во всяком случае в 1505 г. кто-то заказал Крафту рельефы семи остановок Христа, скульптурную группу «Распятие» и рельеф «Положение во гроб». Рельефы-остановки были установлены по улице Burgschmietstrasse между крепостными воротами Tiergärtnertor и шатровой капеллой на кладбище Св. Иоанна. Это расстояние приблизительно равно длине Крестного пути. Первоначально путь начинался в одном из садов у ворот Tiergärtnertor, но впоследствии, в XVI в., в связи со строительством городских укреплений, начало перенесли к ближайшему городскому дому внутри крепостной стены. Им оказался бывший дом мастера рыцарских доспехов Грюневальда на площади Tiergärtnertorplatz. Он-то и был назван Домом Пилата.

Сейчас копии этих шести рельефов по-прежнему стоят по улице Burgschmietstrasse в строгом соответствии с каноническим расстоянием между ними (в шагах). Последняя седьмая, тоже копия, установлена на ограде у входа на кладбище, на его восточной стене.

1. 200-й шаг – Христос встречает Марию, которая при виде страдающего Христа теряет сознание.
2. 295-й шаг – Симон из Кирены помогает упавшему Христу нести крест.
3. 380-й шаг – Христос обращается к плачущим женщинам: «Дочери Иерусалима, вы оплакиваете не меня, а себя и ваших детей».
4. 500-й шаг – Встреча с Вероникой, в руках у неё платок с отпечатком лика Христа.
5. 780-й шаг – Христос падает второй раз.
6. 1100-й шаг – Христос теряет сознание и падает на землю.
7. Оплакивание Христа.

В настоящее время оригиналы всех семи рельефов представлены в церкви бывшего Картезианского монастыря (Герм. нац. музей). Группа «Распятие» раньше стояла у входа на кладбище, сейчас она находится во дворе, обрамлённом галереей (клуатром) Госпиталя Св. Духа, и состоит всего из трёх фигур, раньше группа имела больше «персонажей». Фигура Христа считается оригиналом, фигуры же разбойников за несколько столетий подверглись большому изменению. Скульптурная группа «Положение во гроб» хранится в шатровой капелле семьи Хольцшюэров на кладбище Св. Иоанна. Если сравнить этот рельеф (последняя работа мастера) с рельефом над усыпальницей Шрайер-Ландауэров (первая его работа), то можно увидеть, как сильно изменился стиль скульптора за 18 лет.

Одним из последних заказов, полученных Крафтом от Городского совета, стал заказ на обновление фронтального фасада важнейшего строения города на важнейшей площади – фасада церкви Богородицы (1506-1508, Фрауэнкирхе) на Главной рыночной площади. За прошедшие столетия здание церкви претерпело большие изменения, но эркер на фасаде (Михаэльсхор), каким мы его видим сейчас, выглядит так, как его задумал Крафт. Фронтон церкви украшали многочисленные фигуры в нишах, к концу XIX в. исчезнувшие полностью. Похоже, что дружба и

Рельеф «Весы»

совместная работа с «главным архитектором города» Гансом Бехаймом Старшим развила в Крафте и архитектурные способности.

О жизни Адама Крафта известно немного, но сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что она была глубоко трагична. В художественном отношении его творчество является одним длинным восхождением, достигшим высшей точки к концу жизни. Совершенно иначе выглядели состояние его финансовых дел и личные обстоятельства жизни. Недавно на улице Jakobstraße обнаружено место, где стоял дом мастера. Теперь это широкий проход в переулок Entengasse. В сущности, эта находка является важным доказательством того, что Крафт обитал в пригородной мелкобуржуазной среде. Он не мог достичь положения, которое занимал Дюрер, несмотря на то, что позже его называли «Дюрером в пластике».

Согласно сохранившимся документам, плату за работу над сакраментхаусом он получал маленькими и очень маленькими частями, которые тут же тратились; похоже, он не имел, так сказать, резерва. С течением времени его материальное положение ухудшалось. Будучи натурой художественной, Крафт не умел вести свои финансовые дела. Постоянно находясь в долгах, он закладывал свои вещи и никогда не выкупал их. И это притом, что нюрнбергская знать буквально засыпала мастера заказами. После смерти первой жены в жизни Крафта началась чёрная полоса. Долги были так велики, что он вынужден был предложить Петеру Имхоффу, нюрнбергскому патрициу и постоянному его заказчику, в залог свой дом, который и достался последнему после смерти скульптора.

В декабре 1508 г. управляющий Монетным двором Ганс Розенберг пригласил Крафта в Швабах, где строилась городская церковь. Капелла Св. Анны в этой церкви

*Фрагмент рельефа над усыпальницей Шрайер–Ландауэров.
Первая работа А. Крафта.*

*«Оплакивание Христа» на кладбище Св. Иоанна.
Одна из последних работ А. Крафта.*

Двор Госпиталя Святого Духа

возводилась на пожертвование Розенберга. С помощью Крафта он надеялся решить проблемы статики сооружения, возникшие при проектировании её свода. В этом выборе не последнюю роль, наверняка, сыграло удачное архитектурное решение мастером сакраментхауса в церкви Св. Лоренца. Крафт был уже тяжело болен. Смог ли он помочь в решении этих проблем, неизвестно. Известно только, что через несколько недель (между 13 декабря 1508 г. и 10 января 1509 г.) он скончался в госпитале Швабаха. 21 января 1509 г. тело мастера было доставлено в Нюрнберг и предано земле на кладбище церкви Св. Лоренца. В его память звонили колокола церковью Св. Себальда и Св. Лоренца.

В немецкой пластике Адам Крафт всегда был заметной фигурой. С момента появления хвалебного стихотворения, написанного в 1532 г. гуманистом и поэтом Эобанусом Гессусом и посвящённого сакраментхаусу из церкви Св. Лоренца, сооружение это считалось чудом искусства. К этому времени, времени Реформации, сакраментхаус перестал играть свою сакральную роль, оставшись просто памятником поздней Готики. Адама Крафта восхваляли как представителя «живой школы отечественного искусства», поставив его в один ряд с Альбрехтом Дюрером, Петером Фишером и Гансом Саксом, его сравнивали с античным скульптором Фидием, назвав «Шекспиром немецкой пластики».

С середины XIX в. к Крафту пробудился огромный интерес. Историки искусства посвящали ему свои работы, ставя его на первое место среди средневековых скульпторов. Первая обширная монография о творчестве мастера была издана художником и скульптором Фридрихом Вандерером в 1869 г. Она вышла крупным форматом на трёх языках (немецком, английском и французском) и была богато иллюстрирована гравюрами. К этому времени гипсовые копии произведений Крафта можно было встретить в музеях и церквях Германии.

Каким-то непостижимым образом, оставаясь скульптором периода поздней немецкой Готики, Адам Крафт, благодаря своему внутреннему чутью, таланту, трудолюбию, благородству и цельности, прорвался в Ренессанс. Определённо все свои работы скульптор создал в Нюрнберге. Он не работал ни в крупных городах Европы, ни при княжеских дворах. Его произведения не хранятся в авторитетных музеях мира. Светским хранилищем работ мастера является Германский национальный музей в Нюрнберге. И только скульптура девочки, держащей гербовые щиты аристократических семей Имхоффов и Муффелей, и отлитая Петером Фишером Старшим по модели Крафта фигура «Ломанущего ветку» попали в музей соответственно Берлина и Мюнхена.

Имена и произведения Файта Штосса, Альбрехта Дюрера, Петера Фишера составляют художественное достояние Нюрнберга переходного периода от Средневековья к Ренессансу, но все они так или иначе были приобщены к искусству европейских современников, безусловно обогатившему их творчество (Штосс в молодости уехал в Польшу почти на 20 лет, Дюрер с двадцати лет окупился в итальянское искусство и навсегда остался под его влиянием, равно как и Петер Фишер с сыновьями). Если же говорить о том, кто является подлинным лицом Нюрнберга XV – XVI вв., старого немецкого города мастеров, то это и есть Адам Крафт. Его произведения и сегодня вызывают внутреннее волнение и душевный трепет, в них до сегодняшнего дня сохранились немецкий Дух и Дух Старого Нориса.

Петер Фишер Старший (ок. 1460 – 1529) и его сыновья

Герман Фишер, отец будущего известного литейного мастера Петера Фишера Старшего, приехал в Нюрнберг из нижней Германии и открыл здесь мастерскую. Петер обучился профессии отца и после его смерти в 1488 г. перенял его дело. Со временем эта мастерская стала крупнейшим центром художественного литья в Германии. Именно здесь была создана бронзовая гробница для мощей св. Себальда (церковь Св. Себальда, стр. 131). Богато украшенная статуэтками и рельефами, с прихотливым пьедесталом, ларцем-мощехранилищем и балдахином на тонких колонках над ним, гробница сочетает в себе одновременно черты Готики и Ренессанса.

Этот заказ мастер Петер Фишер получил от Городского совета ещё в 1490 г. Он выполнил эскиз, соответствовавший стилю того времени – позднеготическому. Но, как часто случалось в Нюрнберге, в городской казне не оказалось денег для оплаты работы. Только через 18 лет эта тема вновь была поднята в Городском совете, и необходимые средства были собраны. В Германском государственном музее хранится фигурка святого Мауритиуса, изготовленная Петером Фишером для члена Городского совета Петера Имхоффа в качестве благодарности за содействие в получении этого заказа. Это копия фигурки святого, части монументальной гробницы архиепископа в Магдебургском кафедральном соборе, выполненной в мастерской Фишеров, которая к тому времени была уже известна в Европе.

Когда начались работы над гробницей Св. Себальда, в мастерской отца уже работали сыновья, Петер и Герман, ровесники Дюрера, только что вернувшиеся из

Фигура Петера Фишера в нише гробницы Св. Себальда.

Италии и, естественно, находившиеся под влиянием искусства Возрождения. Эскиз Петера Фишера Старшего, выполненный почти 20 лет назад, претерпел изменения, соответствующие духу времени. Сыновья изготовили модели литейных форм. Непревзойдённое техническое мастерство отца было дополнено мастерством сыновей, и возникла достойная восхищения работа, до сих пор украшающая восточный хор церкви Св. Себальда. Музей им. Пушкина в Москве владеет её копией.

В мастерской Фишера было изготовлено множество надгробных плит европейских монархов, её мастера участвовали в создании монументальной гробницы кайзера Максимилиана I в Инсбруке. Несколько столетий Готический зал ратуши Нюрнберга украшала знаменитая решётка, выполненная у Фишеров. Слава мастерской со временем не угасла. Когда в период Романтизма в Норисе вспомнили о великом прошлом и о творениях старых нюрнбергских мастеров, не были забыты и заслуги семьи Фишеров.

Мартин Бехайм (1459 – 1507)

Уроженец Нюрнберга, аристократ и негодант, мореплаватель и картограф, математик и учёный, рыцарь португальского Ордена Христа и, по легендам, автор эскиза первого в мире глобуса состоял на службе у португальского короля. Таков в общих чертах образ Мартина Бехайма, создаваемый в течение последних четырёх столетий и временами доводимый до гротеска. На площади Theresienplatz в Нюрнберге стоит помпезный памятник «мореплавателю» (1837). Имя героя носят одна из гимназий в южной части Нюрнберга, маленькая городская улица и лунный кратер.

Из того немногого, что известно о Бехайме, трудно составить верное представление об этой легендарной личности. В молодые годы он покинул родной город и большую часть жизни провёл в Португалии и на Азорских островах. Умер он на чужбине. Сведения об отрезках его жизни, вызывавших наибольший интерес, практически отсутствуют. Благодаря этим обстоятельствам его имя уже при жизни окружили легендами, что позволило бурно разыграть фантазии потомков.

Семья Бехаймов принадлежала к городской аристократии, их дом находился на Главной рыночной площади у «Прекрасного колодца», дом номер 15. Известно, что семнадцатилетнего Мартина после смерти отца дядя отправил учиться к одному купцу тканями в Антверпен. Известно, что в 1483 г. он прибыл на короткое время

в Нюрнберг, но потом вернулся в Антверпен. В городском архиве имеется письмо этого времени, подписанное Бехаймом. В нём он сообщал, что отправляется в длительное морское путешествие и в случае смерти просит купца Шлевитцера заплатить его долги из причитающейся ему доли наследства. В Антверпене Мартин Бехайм свернул свои дела и отправился в Лиссабон. Торговые отношения между Фландрией и Португалией развивались в то время очень живо. Возможно, в Антверпене Бехайм вошёл в контакт с фламандскими купцами.

В 1485 г. король Португалии как будто посвятил Бехайма в рыцари военного португальского Ордена Христа, созданного вместо подвергнутого гонениям Ордена Тамплиеров. Вскоре Бехайм женился на дочери наместника острова Файял (Азорские острова), выходца из Фландрии. Таким образом он вошёл в португальскую аристократическую семью и приблизился к королевскому двору. Через год после бракосочетания у Бехайма появился сын, названный именем отца.

В августе 1490 г. дела, связанные со вступлением в права наследства после смерти матери, привели его в Нюрнберг, где он прожил последующие три с лишним года. В этот довольно долгий период своего пребывания в Нюрнберге Бехайм обратился к членам Городского совета с идеей создания глобуса. Идея нашла отклик. Глобус изготовили мастера-ремесленники, а о карте для него «позаботился» Бехайм. Работа по росписи глобуса была выполнена художником-миниатюристом Георгом Глокендоном.

В 1494 г. по пути через Фландрию на Азорские острова Бехайм попал в руки английских пиратов и оказался в Англии в тюрьме. Измена жены разорвала его отношения с ней и её семьёй, а смерть тестя стала поводом отлучения Бехайма от португальского королевского двора. Умер он совершенно обедневшим в госпитале Лиссабона в июле 1507 г.

Это всё, что доподлинно известно о Бехайме. Упоминание о нём в городском архиве можно встретить только в долговых книгах и штрафных актах. А загадочное посвящение Бехайма в рыцари королём Португалии повлекло за собой массу домыслов и предположений относительно повода, вызвавшего это событие. Отсюда и появление версии об особых заслугах Бехайма в португальских колониальных завоеваниях. Сын Мартина Бехайма после смерти отца посетил Нюрнберг и в церкви монастыря Св. Катарины установил в его честь памятные лампы и

доску, где изображён коленапреклонённый Бехайм. На ней нет никаких признаков рыцарского ордена.

Глобус, созданный при участии Мартина Бехайма, не являлся его изобретением. За 15 лет до этого немецкий космограф и космолог Донус Николаус Германус по заказу папы изготовил земной глобус для Ватикана. На глобусе Бехайма, считавшимся последним документом такого рода до момента признания открытия Америки, Америка, разумеется, отсутствовала. Он еще оставался действительным некоторое время после этого события. На карте глобуса с ошибками изображён даже европейский материк: неверно изображение русел некоторых рек Германии, неверен контур морского побережья Германии. Побережье Африки и контуры Азорских островов, на одном из которых жил Мартин Бехайм, вычерчены неправильно.

Поверхность знаменитого глобуса испещрена надписями такого рода:

«...здесь растут всевозможные пряности... а также мускат...» (на экваторе в районе Африки),

«...здесь много драгоценных камней, восточного жемчуга...» (на Цейлоне),

«...здесь растёт мускат, корица, много лесов, а также сандаловое дерево, на этом острове много рубинов, изумрудов, топазов и сапфиров, а также восточного жемчуга» (южнее Индии).

До XVII в. глобус хранился в ратуше, позже он был передан семье Бехаймов. В 1823 г. его случайно нашли в амбаре. Это событие совпало со временем, когда пробудился большой интерес к немецкому Средневековью, и Нюрнберг, интенсивно превращаясь в большой индустриальный город, вспомнил своё великое прошлое, установил ряд памятников своим знаменитостям и украсил фасады домов картинами с историческими сюжетами.

Фантазии нюрнбержцев перешли все границы, и Бехайм некоторое время считался советником Колумба. Таким образом, появилось допущение, что Бехайм открыл Азорский остров Файял, потом Америку и прошёл даже по будущему Пути Магеллана. Между тем, открытый Колумбом «новый остров» (Америка) не был принят современниками с каким-то особенным вниманием. Это событие было оценено позже уже благодаря публикации Америго Веспуччи. Нет никаких свидетельств о том, что Бехайм и Колумб были знакомы и когда-либо встречались.

В 1861 г. в Нюрнберге проходил большой Праздник песни, и дома нюрнбергских знаменитостей были украшены их изображениями огромного формата. На доме Бехайма были три картины:

- Бехайм сидит в кабинете со своим глобусом;
- Бехайм встречает в гавани Лиссабона своего друга Колумба;
- Португальский король Иоганн II вручает Бехайму ленту Ордена Христа.

В 1890 г. произошло праздничное открытие памятника герою, портрет которого автору предоставила семья Бехайма. Тогда впервые был отреставрирован найденный глобус, и была изготовлена его копия для Французской национальной библиотеки.

С 1906 г. знаменитый глобус хранился в Германском национальном музее, оставаясь собственностью Бехаймов. В 1937 г., когда семья Бехаймов хотела продать

его Америке, по распоряжению Гитлера глобус был выкуплен и передан во владение Германскому национальному музею. В период нацизма стала появляться литература, отражавшая немецкую колониальную историю. Африка в ней всегда связывалась с именем Бехайма, превращённого нацистской пропагандой в предвестника немецкой колониальной политики – «он был первым немцем, увидевшим устье Конго». Но в списках португальских экспедиций того времени имя Мартина Бехайма отсутствует. Устье Конго было открыто португальцем Диего Као в его второй экспедиции вдоль западного побережья Африки. На двух мысах, им открытых, были установлены каменные стелы с именами всех участников экспедиции. Имени Бехайма в этих списках нет.

В последнее время о Мартине Бехайме, как первооткрывателе, мореходе и учёном, уже говорят не так часто. Знаменитый глобус, самый старый из сохранившихся, в настоящее время хранится в Германском национальном музее и является его гордостью.

Ганс Бехайм Старший (ок. 1465 – 1538)

Говоря о Нюрнберге конца XV – начала XVI в., когда здесь творили Альбрехт Дюрер, Адам Крафт, Файт Штосс и Петер Фишер, нельзя не вспомнить имя зодчего Ганса Бехайма Старшего, больше трёх с половиной десятилетий курирующего архитектуру города.

Он вышел из семьи мастеровых и, кроме фамилии, не имел ничего общего с патрицианской семьёй Бехайма. Впервые имя Ганса Бехайма упоминается в одном из документов городского архива, датированном 12 сентября 1491 г., где сообщается, что каменотёс Бехайм назначен руководителем работ в каменоломне. К 1503 г. под

Пятиугольная башня, Кайзеровские конюшни и башня Luginsland

его руководством уже было построено несколько больших зданий, и вскоре он – «главный архитектор» города. В этой должности Бехайм проработал до конца своей жизни. Количество работников, находящихся под его руководством, исчислялось двумя сотнями. Его современник Иоганн Нойдёрфер так описал «городского мастера»: «Набожный и богобоязненный человек, очень приветливый с рабочим людом. Всеми, даже Городским советом, уважаемый, почитаемый и любимый».

Первым большим строением, возведённым Бехаймом, стал так называемый **Уншлитхаус** (площадь Unschlittplatz), первоначально предназначенный для хранения зерна. В последующие полтора десятилетия им было построено несколько подобных зданий с массивными высокими крышами и многочисленными эркерами на них. Это, прежде всего, здание **Кайзеровских конюшен** (1494-95), гармонично вписавшееся в силуэт всего укрепления на скале между Пятиугольной башней и башней Luginsland, и мощное здание **Mauthalle** (1498-1502) в южной части Старого города.

Все строения Бехайма в архитектурном отношении простые, ясные и спокойные. Для их декоративного оформления мастер часто приглашал Адама Крафта. Так, на зданиях Mauthalle и Кайзеровских конюшен и сегодня можно увидеть его рельефы. И Бехайм, и Крафт по своей сути были мастерами поздней Готики, и оба приняли «явление» Ренессанса, не ломая при этом свою личность и не меняя пристрастий. Поэтому их совместные работы всегда выглядят очень гармонично.

*Госпиталь Святого Духа. Снимки 1939 и 1945 гг.
Бомбёжки не повредили арочный мост, созданный
Бехаймом около 1500 г.*

Здание таможни, «Весы», было возведено при Бехайме, оно стояло на месте нынешнего здания Торговой палаты по ул. Winklerstraße и не было похоже на здания зернохранилищ. Заморские грузы на телегах проходили через его широкие ворота и попадали в большой просторный зал. Здание украшал рельеф Крафта «Весы».

Малый двор ратуши

Реконструкция строений **Госпиталя Св. Духа** была непростой задачей. После многочисленных неудач предшественников Бехайму удалось соединить два здания на разных берегах Пегница мощным арочным мостом. Этот комплекс теперь является одной из самых замечательных архитектурных достопримечательностей Нюрнберга. В любом наборе открыток или фотографий Старого города всегда можно найти вид Госпиталя Св. Духа с Музейного моста.

Первым церковным зданием, созданным Бехаймом, была **капелла Всех Святых** для богадельни состарившихся и обедневших мастеровых (Стр. 151), **Дом Двенадцати Братьев** (1506-07, у ворот Laufertor). В 1514-22 гг. Бехайм расширил и реконструировал комплекс зданий ратуши. Современники поражались красоте обновлённых Малого и Большого дворов ратуши. Сам мастер эту свою работу называл «заплатками» и для имперского города намеревался построить новую ратушу.

Считается, что капелла Хольцшюэров на кладбище Св. Иоанна была выстроена Бехаймом. Под его руководством были возведены церковные строения в Поппенройте под Фюртом. Следы творчества мастера можно найти в Бамберге и Ансбахе, к нему обращались за советами из Ульма, Аугсбурга и Регенсбурга.

Собственно, Ганс Бехайм Старший и был создателем облика средневекового Нюрнберга, именно его строения определили неповторимый стиль города.

Альбрехт Дюрер (21.05.1471 – 06.04.1528)

Жизнь знаменитого немецкого художника и выдающегося интеллектуала периода Ренессанса можно вполне достоверно восстановить благодаря его работам и написанной им семейной хронике. Отец Альбрехта Дюрера, золотых дел мастер, переселившийся в Нюрнберг из Венгрии через Нидерланды, был родом из местечка Ajtos («двери» на венгерском). Немецкое слово «Tüge» определило новое имя переселенца – Дюрер. В знаменитом знаке-

клише мастера, отмечавшем все произведения Альбрехта Дюрера, и на гербе его семьи изображены распахнутые двери. В Нюрнберге Дюрер Старший поступил на работу в мастерскую ювелира Иеронимуса Хольпера и женился на его дочери, получив таким образом права гражданина Нюрнберга.

Вскоре отец Дюрера открыл собственную мастерскую и для своей семьи снял крыло дома рядом с Главной рыночной площадью (угол переулка Waaggasse и улицы Winklerstr., дом принадлежал семье Пиркхаймеров). Здесь в 1471 г. в семье Дюреров родился сын Альбрехт, третий ребёнок из восемнадцати детей. Крестным отцом будущего всемирно известного художника стал Антон Кобергер. Он был так же, как и отец Альбрехта Дюрера, ювелиром, но организовал типографию, постепенно превратившуюся в крупное европейское предприятие.

До двенадцати лет Альбрехт учился в школе при церкви Св. Лоренца, а с четырнадцати лет, как и все его братья и сёстры, работал в мастерской отца. Его талант проявился рано, и отец отдал сына в ученики к известному нюрнбергскому художнику Михаэлю Вольгемуту. Начались опыты, нередко вызывавшие недоуменную улыбку: мальчик стал рисовать смятые подушки и простыни, сжатые в комки листы бумаги. Автопортрет, написанный Альбрехтом в возрасте двенадцати лет, считается первым европейским автопортретом (1484, Вена, Альбертина).

После окончания учения в возрасте девятнадцати лет он отправился в путешествие, чтобы познакомиться с великими художниками того времени. По пути будущий художник останавливался в Ульме, Базеле, Страсбурге и зарабатывал на жизнь, иллюстрируя книги и продавая рисунки и резные работы.

У подножия скалы с замком стоял дом отца Дюрера (на углу слева). 1939 г.

Начиналась новая эпоха в истории развития человечества, время перехода от Средневековья, когда индивидуум был ничем, к Новому времени, когда человек стал осознавать свою индивидуальность. Начиналась эпоха гуманистов, многое в жизни соотносилось уже не с Богом, а с возможностями человека. Эти черты новой эпохи в полной мере отразились в творчестве Дюрера, в его многочисленных автопортретах и в хронике его семьи. Первыми известными мастерскими произведениями Дюрера были портреты его отца (1490, Флоренция, Галерея Уффици) и матери (1490, Герм. нац. музей, Нюрнберг). В Базеле он впервые изобразил обнажённую натуру, положив начало произведениям такого рода в немецком искусстве.

Четыре года Дюрер провёл в путешествии, которое обогатило его внутренне и безвозвратно приобщило к европейскому искусству. В 1494 г. отец Альбрехта, договорившийся о женитьбе сына на дочери члена Городского совета Ганса Фрайя, вызвал его в Нюрнберг. По брачному договору Альбрехт за свою невесту Агнесс получил в приданое 200 гульденов и благодаря этому браку попадал в более высокий слой общества. Альбрехту тогда было 23 года. Послушный сын вернулся в Нюрнберг, женился, организовал собственную мастерскую, но уже через полгода уехал в Италию.

Муха на холсте

Как-то Дюрер пришёл к своему итальянскому другу-художнику, но не застал его в мастерской. У него не было с собой листка бумаги, чтобы написать записку. Тогда он взял кисточку, подошёл к картине, стоящей на мольберте, нарисовал на ней муху и ушёл.

Хозяин вернулся в мастерскую и, увидев сидящую на холсте муху, прихлопнул её ладонью и отправился обедать. Через четверть часа, подойдя к холсту, чтобы продолжить работу, художник на том же месте опять увидел муху. Раздосадованный, он снова хлопнул по холсту, но муха осталась. Тут-то он и рассмотрел, что это была нарисованная муха, и воскликнул: «Ах, только Дюрер мог это сделать! Никто другой из моих друзей-художников не смог бы так меня провести».

Если первое путешествие имело фундаментальное значение для его развития как художника, то в этот раз Дюрер отдаёт всего себя творчеству, наслаждается итальянской духовной атмосферой и открывает важные вещи – перспективу и пропорции человеческого тела. В произведениях художника теперь явственно видно понимание того, что он должен служить не только прославлению Бога. Он совершенно сознательно творит для своих современников. Среди его работ этого периода – люди, ландшафты, строения, животный мир.

По возвращении из Италии Дюрер окунается в работу. Заказы следуют один за другим, среди них – алтарь для дворцовой церкви в Виттенберге, названный позже «Дрезденским алтарём» (Художественная галерея Дрездена). Семьёй Паумгартнер Дюреру был заказан алтарь для церкви Св. Катарины в Нюрнберге. На центральной его части изображена сцена Рождества Христова, на боковых створках – святые, узнаваемые по их атрибутам, но изображающие, скорее всего, членов семьи заказчика. В 1613 г. этот алтарь купил герцог Максимилиан I Баварский. В церкви

Св. Катарини его место заняла копия, выполненная в XVII в. художником Йобстом Харрихом. Центральная часть этой копии в настоящее время находится в церкви Св. Лоренца в Нюрнберге, а оригиналом владеет Старая Пинакотекa (Мюнхен).

В 1502 г. умирает отец Дюрера, и все заботы о семье ложатся на плечи сына. Но в конце 1505 г. Альбрехт опять уезжает в Италию, где проводит два года, окунувшись в итальянский Ренессанс, в период его блестящего расцвета. В этой поездке художник посещает университетские города северной Италии Падую, Болонью и Павию и долгое время проводит в Венеции. Здесь творят Джорджоне, Лотто, Тициан. Очень возможно, что тогда в Италии Альбрехт Дюрер встречался с Леонардо да Винчи. Во многих произведениях Дюрера чувствуется влияние этого великого художника. Деньги для этого, очень важного путешествия в Италию Дюрер взял в долг у Виллибальда Пиркхаймера. Они были знакомы ещё с детства, но с годами их отношения развились в очень тесную дружбу, сыгравшую в жизни Дюрера роль, которую трудно переоценить.

Окружность, нарисованная одним движением руки

Виллибальд Пиркхаймер вместе с Дюрером сидели в приятной компании. Говорили о странных обычаях за границей, речь шла о художниках. Пиркхаймер рассказал такую историю.

Несколько лет назад папа искал художника для оформления настенной росписи нового храма Св. Петра в Риме. С этой целью он отправил уполномоченных ко всем известным мастерам Италии и предложил им сделать пробные рисунки. Тому, кто сделает лучший, будет поручена работа. Посланник папы приехал к одному знаменитому художнику. Тот выслушал предложение, взял кисть, лист бумаги и одним движением, не отрывая кисти от листа, нарисовал окружность. Однако, посланника это не устроило, и он попросил художника нарисовать что-нибудь ещё. На что мастер сказал: «Попробуйте дать такое задание любому художнику! Никто не выдержит испытание». Папа, увидев окружность, сразу понял, что перед ним великий мастер.

Такую историю рассказал Пиркхаймер. Все посмеялись, и кто-то из присутствующих сказал: «Папа не догадался взять циркуль и измерить окружность, тогда он наверняка обнаружил бы погрешность». Альбрехт Дюрер, не сказав ни слова, взял из камина кусочек угля, нарисовал одним движением окружность на стене и поставил точку в её центре: «Измеряйте, здесь не должно быть никакой погрешности!» Разумеется, окружность тотчас же была измерена. Ошибки не было.

Дюрер овладевает законами перспективы и изучает пропорции человека и животных, обращаясь к трудам древнеримских авторов и своих итальянских современников. В это время он начинает вырабатывать свои представления об идеальных пропорциях тела, о пластической его цельности, о связи человека с окружающей средой. Особое место среди его рисунков занимают эскизы лошадей. Он пытается создать каноны пропорций при их изображении.

Из Италии художник возвращается совершенно новым человеком – он образован, уверен в себе и богат. Он отдаёт долг своему другу Виллибальду. Для

художника начинается время внутреннего покоя. Он покупает дом у стен крепости – нынешний Дом-музей Дюрера. Говорят, что здесь знаменитый астроном и математик XV в. Региомонтан наблюдал звёздное небо. Сюда и переезжает художник с женой Агнесс, матерью, учениками и прислугой. Он уже бесспорно очень заметная фигура в городе, он не ремесленник, а интеллектуал. Отношения Дюрера с работодателями также изменились. Окружённый сильными мира сего, он чувствует себя с ними на равных.

Для своего родного города в этот период Дюрер выполняет две большие работы. Первая – **портреты императоров Сигизмунда и Карла Великого** (1513, Нюрнберг, Герм. нац. музей). Они предположительно украшали двери стенового шкафа в доме Шоппера на Главной рыночной площади, куда накануне праздника Святого Копья (вторая пятница после праздника Пасхи) привозили имперские сокровища (Стр. 23, 139). В день праздника их показывали народу. Вторая работа – заалтарный образ «Праздник всех святых» (1511, Вена, Музей истории искусств) для капеллы Дома Двенадцати Братьев (Стр. 148, 150-151, 173).

Между 1502 и 1511 гг. почти вслед одна за другой Дюрером были выполнены три серии гравюр на дереве – «Житие Марии», «Страсти Христовы» и «Апокалипсис». В работе над ксилографией обычно принимали участие художник, создававший рисунок для гравюры, и резчик по дереву. Поэтому качество гравюры зависело от таланта и мастерства обоих. Дюрер был первым, в мастерской которого работали резчики, обученные им и строго выполнявшие требования мастера. Резцовые гравюры Дюрера к этому времени пользовались большим успехом в среде любителей искусства разных стран. В 1511 г. Дюрер публикует и продаёт цикл гравюр «Житие Марии», посвящённый им сестре Виллибальда Пиркхаймера, высокообразованной настоятельнице монастыря Св. Клариссы, Каритас Пиркхаймер.

Дом Альбрехта Дюрера. Снимок 1939 г.

Дюрер – аристократ

Альбрехт Дюрер, знаменитый нюрнбергский художник, выполнял заказ Городского совета – расписывал стены Готического зала ратуши. День за днём работал мастер над «Большим триумфальным шествием кайзера». Кайзер Максимилиан часто и охотно посещал Нюрнберг. В один из таких приездов он зашёл в ратушу, чтобы увидеть Дюрера за работой. Кайзер осмотрел сделанное, всё ему понравилось, но он захотел, чтобы одну из фигур художник изобразил иначе. Дюрер принёс лестницу, взобрался наверх и исправил рисунок так, как хотел кайзер. Лестница при этом качнулась, кайзер испугался, позвал своего пажа и попросил придержать лестницу. Юный аристократ поклонился кайзеру, гордо поднял голову и сказал: «Я, дворянин высшего сословия, должен прислуживать простому мастеру? Это дело челяди!» Кайзер нахмурился, подхватил вновь пошатнувшуюся лестницу и сказал заносчивому юнцу: «То, что делает кайзер, для Вас не может быть унизительным».

Когда художник спустился, кайзер, обратившись к молодому аристократу и всей свите, сказал: «Альбрехт Дюрер в своём искусстве – подлинный господин и князь! Из сотни гордых аристократов я не смогу сделать одного Дюрера. Но, стоит мне только захотеть, аристократом я смогу сделать каждого своего подданного!». Он повернулся к Дюреру: «На колени!» Кайзер опустил свой меч на плечо художника и произнёс: «Теперь встань, как истинный рыцарь Священной Римской империи! Имя твоё сохраняется за тобой, так как ты сам облагородил его своим искусством! Твой цвет должен быть небесно-голубым, на гербе твоём будут изображены три серебряных щита в знак твоего искусства, прилежания и скромности».

В 1512 году кайзер Максимилиан I обратился к Городскому совету Нюрнберга с просьбой освободить Дюрера от всех текущих работ. Речь шла об участии художника в выполнении амбициозных планов кайзера. Этот грандиозный проект включал в себя несколько монументальных художественных произведений, призванных прославить династию, а также подвиги самого кайзера. Для этой цели в свою резиденцию в Инсбруке Максимилиан пригласил знаменитых художников Европы, среди них и Дюрера. Три последующих года художник служил при дворе и был занят только этой работой.

Одна из частей грандиозного проекта Максимилиана I – резная «Триумфальная арка» (3,4x2,9 метра, Лондон, Британский музей) была готова через три года. Это самое большое произведение такого рода. Состоит оно из 192-х отдельных деревянных досок, склеенных между собой. На каждой части представлена сцена из личной жизни кайзера. В этой работе были использованы как ренессансные формы, так и элементы позднеготического фасада. Дюрер выполнил основные эскизы этого богатейшего в архитектурном отношении произведения и эскизы многочисленных фигур, украшающих арку. Эту работу позже дополнили ещё две огромные, подобные ей, части проекта – «Триумфальное шествие» и «Триумфальные экипажи». По окончании проекта гравюры с изображением «Триумфальной арки» распространялись по всей империи.

В качестве вознаграждения за работу кайзер предложил Нюрнбергу освободить Дюрера от налогов. Однако Городской совет в ответ посоветовал кайзеру назначить художнику пожизненную годовую пенсию в размере 100 гульденов, как раз соответствующую сумме налогов, выплачиваемых художником в городскую казну. Кайзер не ответил. Тогда Дюрер написал письмо историографу и астроному кайзера Иоганну Стабиусу, осуществлявшему общий надзор за выполнением проекта, в котором объяснил ситуацию с неоплатой работы, сделанной «во славу империи и кайзера». Только после ходатайства Стабиуса кайзер согласился назначить художнику пожизненную пенсию.

После смерти кайзера Максимилиана I указы, принятые до момента подтверждения законодательной базы новым правителем Карлом V, потеряли силу. Так как в связи с этим событием Дюреру была временно прекращена выплата пожизненной пенсии, он, чтобы иметь средства к существованию, вынужден был продавать свои произведения и произведения учеников из своей мастерской. Его жена Агнесс для этой цели не раз ездила на Франкфуртскую ярмарку. Поняв, что подтверждение затягивается, в июле 1520 года Дюрер отправился в путешествие по Германии и Нидерландам, взяв с собой работы из своей мастерской для подарков и продажи. Огромный багаж состоял из многочисленных картин и гравюр, запечатанных в бочки для защиты их от сырости.

Он уже знаменитый художник. Пятидесятилетнего мастера на всем пути следования встречают как «гордость нации». Дюрера ждут банкеты, праздники и торжества в его честь. В благодарность за полученные от художника подарки – многочисленные гравюры на дереве и меди – епископ Бамберга снабжает его письмом, предоставившим художнику возможность беспопытного проезда. Германия была разбита на маленькие княжества, и бесконечные таможенные сборы при путешествии по ней были довольно чувствительны.

Поездка, задуманная как денежное предприятие, превращается в настоящее образовательное путешествие. В Кёльне Дюрер знакомится с Кёльской школой живописи, в Нидерландах с произведениями старонидерландских мастеров и со многими выдающимися художниками и граверами. Наконец, в октябре художник получает подтверждение о возобновлении выплаты ему пенсии, после чего в Аахене участвует в праздновании коронации двадцатилетнего Карла V и возвращается в Нюрнберг, уже навсегда. Ему оставалось прожить не более восьми лет.

Как и многие художники Ренессанса, Альбрехт Дюрер – универсальный художник. При всей многогранности творчества мастера его главное пристрастие – портреты – проходит через всю жизнь. Каждый портрет, выполненный Дюрером, – это своеобразный памятник современнику. В латинской подписи к портрету художник всегда подчеркивает значительность личности портретируемого. Мастер пытается ощутить внутренний мир изображаемого, его душевные пристрастия, поймать его тайну. В течение всей жизни он постоянно создавал автопортреты. На больших полотнах художника также часто можно найти его собственное изображение.

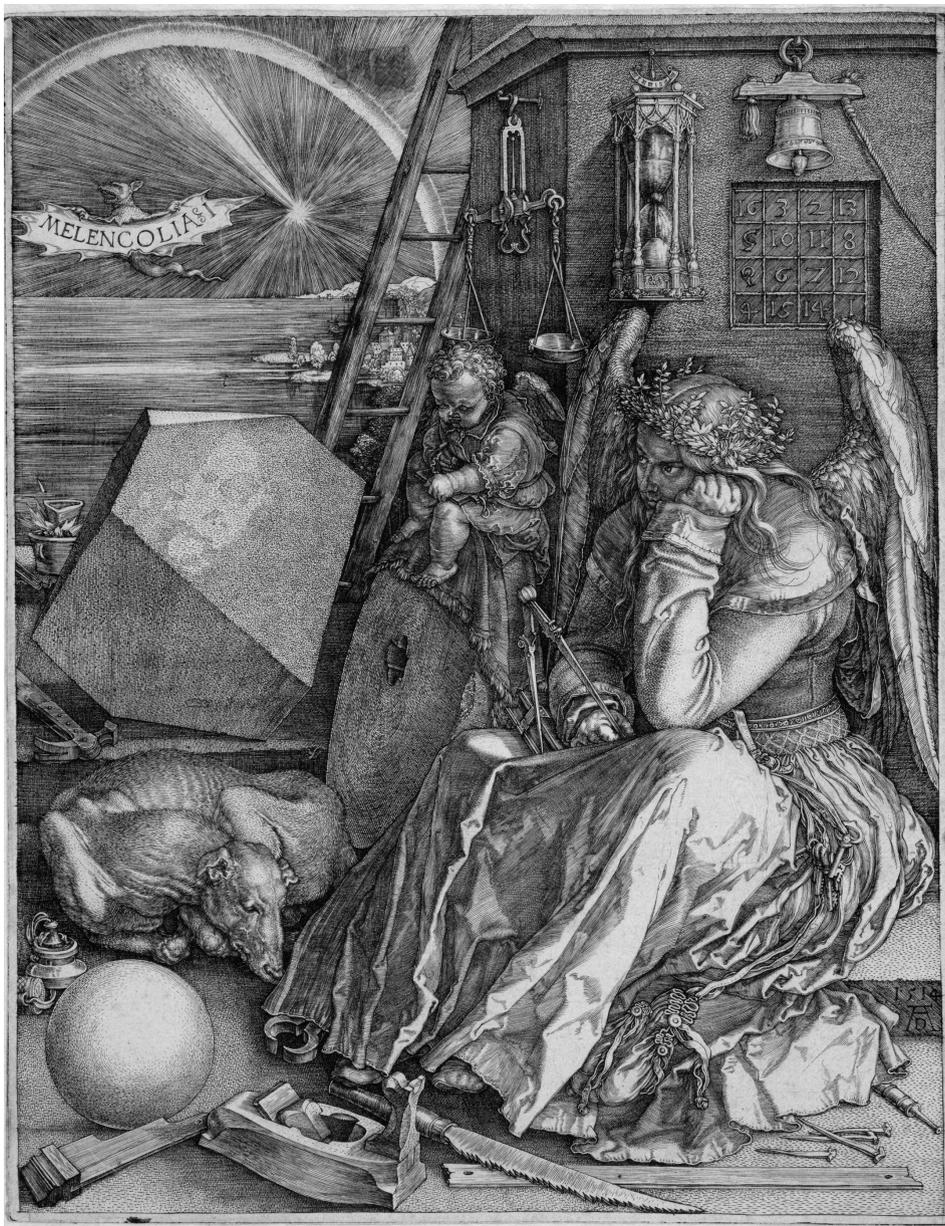
Однако форму, соответствующую силе его художественной выразительности, Дюрер нашёл не в живописи, а в графике. Предшественники Дюрера в области резцовой гравюры не ставили в своих работах проблемы света. Дюрер поставил

Альбрехт Дюрер, Святой Иероним в келье. 1513–1514 гг.

Альбрехт Дюрер, Меланхолия. 1513–1514 гг.

её впервые и с помощью сложнейшей системы штриховки ввёл свет в гравюру, таким образом подняв её до уровня высокого искусства, к которому раньше относили только живопись и скульптуру. Гравюра «**Адам и Ева**» завершает работу художника в данном направлении. Здесь он добился полной иллюзии объёмности фигур, освещенных мягким ровным светом, блики играют на обнаженных телах.

Вершиной развития гравюры на меди для Дюрера стали созданные им в 1513-1514 гг. в высшей степени загадочные, «мастерские из мастерских» работы «**Рыцарь, Смерть и Дьявол**», «**Святой Иероним в келье**» и «**Меланхолия**». Каждая из них воплотила представления художника о разных сторонах деятельности человека и явилась своеобразным символом одного из трех жизненных путей, которым, по представлениям того времени, мог следовать человек.

Идея первой гравюры «Рыцарь, Смерть и Дьявол» – каждый христианин должен быть Божьим рыцарем, борцом с царством тьмы. Рыцарь здесь – олицетворение активной деятельности, стойкости и твердости. В этом образе нашли своё воплощение такие деятели Реформации, как Мартин Лютер и Филипп Меланхтон. Лист делится на два плана. Первый – темный: сквозь мрачное ущелье движется рыцарь. Второй план залит светом. Это два разных мира, но чтобы попасть во второй, надо преодолеть мрак и ужасы первого.

В работе «Святой Иероним в келье» показан упорный труд ученого, чуждого житейской суеты и бурных страстей. В глубине за столом спокойно работает старец. Всё помещение заполнено как будто таинственным светом, проникающим через окна. Человек, пространство и предметы, его окружающие, ощущаются единым целым – всё в этой гравюре гармонично. Никто и никогда прежде с помощью резца не передал так атмосферу творчества.

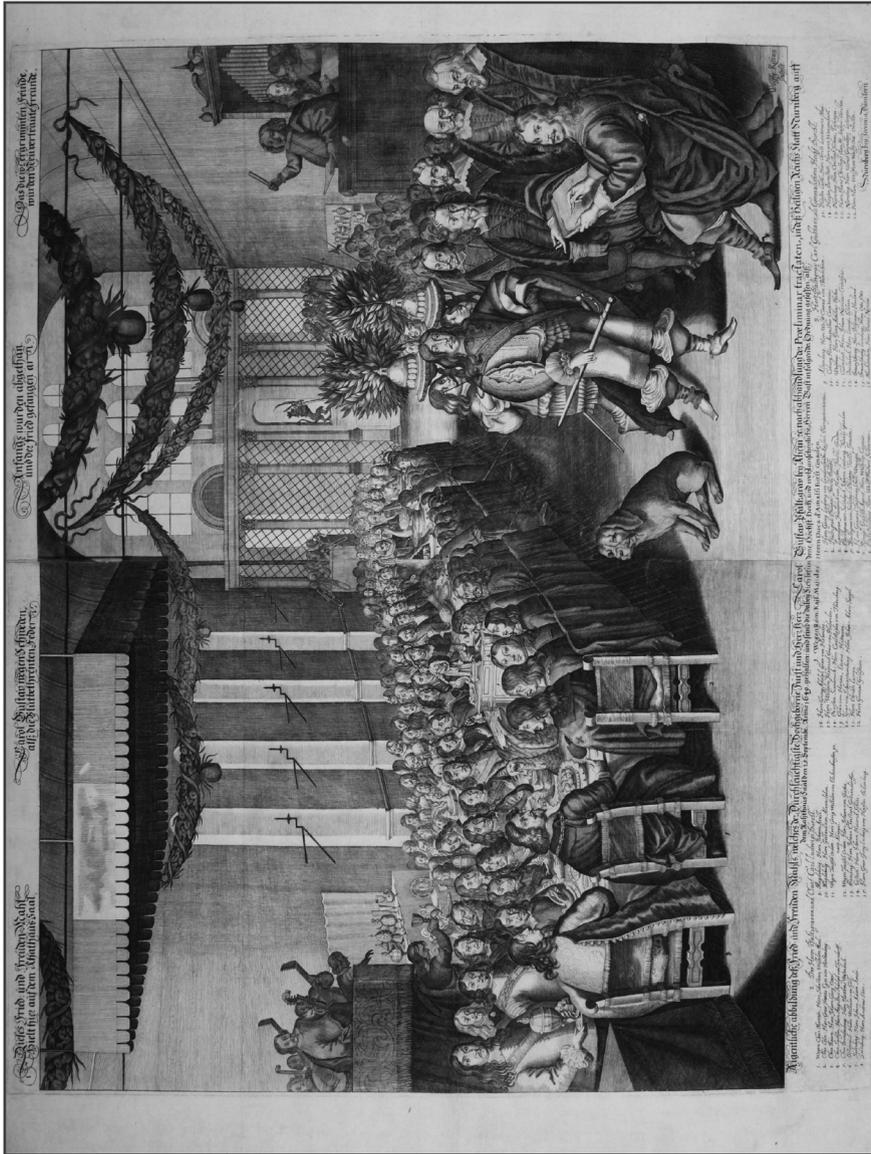
Для достижения живописности Дюреру не нужны краски. В своих гравюрах он, ступая или разряжая штриховку, не только создает иллюзию форм и объемов, но и передает фактуру разных материалов – блестящий шелк ткани, шерсть животных, текстуру дерева, гладкую поверхность лавки. С помощью коротких параллельных штришков он изображает игру света, солнечные блики, вибрирующие на поверхностях скамьи, стола, пола.

В изобилующей символикой гравюре «Меланхолия» Дюрер использовал двойное значение этого слова – болезнь, связанную с душевным состоянием, и индивидуально-своеобразное свойство психики (один из четырёх темпераментов). Как и большинство его современников, художник был убеждён, что день рождения человека и расположение звёзд в этот момент связаны с темпераментом человека, определяющим его жизненный и профессиональный путь. Толкованию этой гравюры посвящено много работ.

В последние годы жизни Дюрер и в гравюре обратился к жанру портрета. Среди портретов, исполненных резцом, выделяются изображения видных гуманистов XVI века Эразма Роттердамского и Филиппа Меланхтона.

Все произведения Дюрера, в особенности, графика, изобилуют намёками на темы магии – учение о темпераментах, астрология, алхимия, каббала и предсказание будущего. Учение о четырёх элементах, связанных с четырьмя темпераментами, в

Торжественный обед мира в Готическом зале ратуши по поводу окончания Тридцатилетней войны. Приложен список пронумерованных вельможных участников. Гравюра Ф. Килиана по картине И. Сандарта.

Нюрнберг в путевых заметках и дневниках Старого и Нового времени 1438 – 1980 гг.

Мясной мост и Деловой рынок (Herrenmarkt). Гравюра. 1670 г.

Расцвет имперского города (XV – XVI вв.)

Перо Тафюр – образованный рыцарь из Севильи
«Нюрнберг как Толедо», 1438

<...> Нюрнберг – один из самых больших и богатых городов Германии. Это очень старый город, заложенный одновременно с Толедо. Как и Толедо, он лежит в долине реки и так же велик. Здесь много ремесленников, большинство из которых работают с бронзой. Здесь была создана кольчуга, названная «нюрнбергской». В одной из церквей города хранятся священные реликвии, захваченные Карлом Великим при завоевании Иерусалима. Среди них я увидел копье с железным наконечником длиной с локтевую кость. Нам объяснили, что это – то самое копье, которым был пронзён Господь наш Иисус Христос. Я позволил себе заметить, что такое я уже видел в Константинополе. Если бы я не пришёл сюда с кардиналом и остальными не менее важными господами, то ситуация для меня оказалась бы очень тяжёлой. <...>

Эней Сальвий – гуманист, церковный политик, позже папа
«Город нориков», 1448–1458

Нюрнберг назван по имени скалы нориков (mons Noricus), у подножия которой он расположен. Этот известный крупный город между Баварией и Франконией лежит на реке Пегниц, берущей своё начало в горах Богемии. Город густо населён и застроен роскошными культовыми и гражданскими зданиями. Он превосходно защищён мощной крепостной стеной с многочисленными башнями и глубоким рвом. Но стоит город на неплодородных песчаных почвах, поэтому большинство жителей составляют ремесленники. Знаменитые нюрнбергские купцы связаны торговыми отношениями с Венецией и Фландрией, благодаря чему снабжают товарами всю Германию. Известна поговорка: «Нет ярмарок без нюрнбержцев». Изобретательность горожан и их усердие в работе приумножают богатство города. Постепенно жители скупают земли за городской стеной и начинают вести жизнь подобно аристократам, вызывая тем самым зависть соседей. <...>

Когда подъезжаешь к Нюрнбергу со стороны Нижней Франконии, то этот чудесный город предстаёт перед тобой в своём истинно величественном блеске. И это первое впечатление подтверждается, когда минуешь городские ворота, и тебе открывается красота улиц и чистота домов. Церкви его роскошны и достойны уважения. Сверху уверенно и гордо на город смотрит императорский замок, а дома жителей напоминают княжеские дворцы. <...>

Иоганн Кохлеус, немецкий гуманист и теолог
«Краткое описание Германии», 1512

Нюрнберг расположен, скажу я вам, не только в центре Германии, но и в центре всей Европы. Он одинаково далек как от Адриатики, так и от Балтийского моря, а расстояние между ними и составляет ширину Европы. На равном расстоянии отстоит Нюрнберг от Дона и от Кадиса, а это – длина Европы. <...>

Богатство Нюрнберга хорошо известно не только германцам, но и жителям далекого Лиссабона и донским скифам. Он знаменит в Польше, и Венгрии, и во всей Европе. Есть ли такой уголок на земле, куда нюрнбержцы ни привозили бы свои деньги или товары?! Они живут в Лиссабоне, Лионе, Венеции, Кракове, Вене, Кёльне, Антверпене и других торговых городах Европы, где обменом товаров кому-то помогают избавиться от нужды, а кому-то – разбогатеть. <...>

Якоб Хеллер – купец из Франкфурта

«Певческая школа майстерзингеров», нач. XVI в.

Была Троица. В комнате гостиницы я ждал, когда принесут завтрак, взглянул в окно и увидел натянутый между Св. Себальдом и ратушей канат, на нём висел щит. Я хотел было пойти к хозяину гостиницы, чтобы узнать, что это означает, как ко мне в комнату вошёл Петер Фишер Младший. Поздоровавшись, он сообщил, что сегодня в честь кайзера начинается состязание майстерзингеров, и участвовать приглашены все желающие. <...>

Мы вместе пошли к церкви Св. Катарины. Ошибиться дорогой оказалось просто невозможно, достаточно было только идти вместе с людским потоком, двигавшимся в одном направлении. Мы вошли в маленькую церковь, богато украшенную внутри. Императорскую ложу закрывал дорогой пурпурный занавес. Очень празднично выглядели заслуженные майстерзингеры, сидевшие кругом, крепкие с виду, среди них было много как длиннородых старцев, так и совершенно юных. Они были столь неподвижны и серьёзны, что напоминали собой «семь греческих мудрецов». На их праздничных одеждах из зелёного, голубого и чёрного шёлка красовались изысканные плиссированные воротники. На торжественной мессе не могло бы быть бóльшей тишины, чем здесь. Тут же сидел и Ганс Сакс со своим учителем Нунненбеком. У церковной кафедры стоял певческий стул, перед ним – низкий помост, а на нём – стол и пюпитр. Это было место для судей, которые назывались метчиками, и их было трое.

Я увидел на помосте золотую цепь «Победитель Давид» и венки с цветами из шёлка. Со стороны входа раздался шум, и появился кайзер Максимилиан со свитой. Тотчас всё пришло в движение. Старый мастер взошёл на трибуну, и со стороны судей послышалось: «Начинайте!» Это был Конрад Нахтигаль («соловей» – нем.), мастер по металлу, он страстно и нежно запел о небесном Иерусалиме и его красоте. Стало ясно, что своё имя он носит не зря. Однако песня состояла из совершенно неестественных зарифмованных фраз. Я заметил, что один из судей погрузился в Библию, второй на пальцах считал слоги, третий записывал то, что ему нашёптывали эти оба. Все мастера, сидевшие пониже, были очень внимательны и играли в дурацкую игру пальцами, пересчитывая количество куплетов. По тому, как они трясли головами, я понял, что выступающим допущены ошибки. Следующим был юноша, колокольный мастер. Темой своего стиха он выбрал миф о сотворении мира, но бедняга был так смущён, что не смог петь. Ему позволили покинуть трибуну. «Мастер провалился», – прошептал мне Фишер. О цветении трав пел теперь Леонард Нунненбек, почтенный старец в чёрном одеянии. Всё поразило в нём – от совершенно гладкой головы до белоснежной бороды. Когда он закончил

Крепость. Нюрнбергские проспекты. А. Дельсенбах.

пение, все были в полном восхищении, особенной радостью светилось лицо Ганса Сакса. Четвёртым и последним выступал молодой Михаэль Бехайм, из ткачей. Он никогда не посещал певческую школу и, если бы не Нунненбек, наверняка завоевал бы первый приз. Награждение Нунненбека золотой цепью Давида один из судей сопроводил пространством поздравлением, голова Бехайма была украшена венком, оказавшимся ему очень к лицу. Эти призы на самом деле не были подарками, а только символами праздника. Все присутствующие направились к победителям, чтобы пожать им руки. <...>

Жак Эспрэншар – зажиточный француз из Ла-Рошели

«Из книги путешествий», 1597

Город Нюрнберг без сомнения один из замечательнейших и аристократических городов Германии. Он известен всему миру. Стены его роскошных домов в большинстве украшены росписями и смотрятся как дворцы, крыши покрыты черепицей. Над городом на огромном холме возвышается древняя крепость. <...> Городская стена как с наружной, так и с внутренней стороны, красиво облицована тесовым камнем. А чтобы её обойти, потребуется не меньше двух часов. <...> В Европе Нюрнберг можно поставить вслед за Венецией, и он ещё никогда не находился в таком цветущем состоянии, как в настоящее время. <...>

Упадок города (XVII – XVIII вв.)

Галеадзо Гвальдо Приорато, посол шведского королевства

«Впечатления одного итальянца», 1663

Из всех имперских городов Германии Нюрнберг, без всякого сомнения, является самым красивым, самым большим, самым богатым, роскошным и влиятельным городом. Среди очень богато оформленных городских строений особого внимания заслуживает арсенал. В нём можно найти все виды боеприпасов и оружия, служащего как для нападения, так и для защиты. Обращает на себя внимание также огромное роскошное здание ратуши. <...> Среди множества священных реликвий, хранящихся здесь, самыми важными являются копьё, которым был пронзён Господь наш Христос, кусок Священного креста и один из гвоздей, которыми Он был пригвождён к этому кресту. <...> В городе живут купцы, торгующие по всей Европе различными товарами. Неопишуема вежливость его жителей, непревзойденно их дружелюбие и великодушие при встрече с чужеземцами. <...>

Одежда мужской половины нюрнбержцев обыкновенно чёрная, но шита из хороших тканей. <...>

Николаус Иеронимус Гундлинг, немецкий философ и юрист

«Свободный город священной Римской империи Нюрнберг», 1707

В старину по праздникам некоторые мастерские Нюрнберга, особенно мясники, исполняли свои танцы. Ныне они уже отменены. Под звуки труб и литавр мясники носили по городу на жерди огромную жареную колбасу. Последний раз это происходило 8 и 9 февраля 1658 г., когда 12 работников мясных цехов на

жерди в 49 башмаков (14 метров) несли колбасу весом – 514 фунтов. Сверху она была украшена зеленью. В левой руке мастеровые держали вилы для сохранения равновесия. <...>

Карл Людвиг фон Пёлнитц, писатель

«Сообщения», 1729

Не было ни одной лавчонки, при выходе из которой меня не проводил бы до дверей её владелец, его жена или слуга. Хозяин моей гостиницы, с которым мы видимся по двадцать раз на дню, всегда встречает меня с большими церемониями, спрашивает о моём самочувствии, а когда я ухожу, то всегда просит, чтобы я ненадолго лишил бы его маленький дом чести моего пребывания в нём. <...>

Фон Блэнвиль, гугенот, бежавший из Франции

«Книга путешествий», 1765

Я давно уже хотел рассказать об одном дурацком обычае нюрнбержцев, который меня очень раздражает. Он так нелеп, что едва ли такое можно встретить в культурной стране. <...> Если вы как полагается идёте по улице, то женщины и девочки, сидящие в мелких лавчонках, открыто глазуют на вас. Вы проходите мимо, а они уставятся на вас и хохочут во всё горло прямо вам в лицо, и на улице преследуют вас совершенно бесстыдным образом. Можно было бы, разумеется, простить эту невоспитанную чернь. Но удивительно, что и супруга члена Городского совета, и её дочери, и вообще все особы женского пола сбегаются, чтобы рассмотреть вас сквозь решётки так называемых хёрляйнов, но как только вы их заметите, то головы быстро прячутся и решётки закрываются. <...>

Ещё один странный обычай здесь – ко всем воротам города приставлен человек, который вечером взбирается на высокую башню и омерзительно дудит в ужасный горн, такой же, каким пастухи сзывают стадо свиней. Эта приятная музыка называется здесь «Garaus» (покончить с чем-то), а я бы её назвал воров, крадущим радость. Всё это означает, что желающие попасть в город должны поспешить к воротам, иначе они останутся на всю ночь за стеной. Мы уже сталкивались с этим много раз, когда после прогулок за городом сидели в многочасовом ожидании перед закрытыми воротами. А вот благородных господ никогда не потревожат эти ужасные звуки, они-то могут веселиться сколько хотят. И горнист будет ждать окончания их весёлых прогулок столько, сколько потребуется их величествам. <...>

Иоганн Генрих Вильгельм Тишбайн, художник

«Дневник одного художника», 1779

Чем ближе мы подъезжали к Нюрнбергу, тем больше одежды сельских жителей напоминали нам одежды самого Альбрехта Дюрера и персонажей его произведений. Особенно скромно одеты молодые женщины, голова, шея и грудь которых стыдливо закутаны. Так, в одном сельском трактире, где мы обедали, нас окружали как будто живые модели одной из работ Дюрера. Дочь выглядела, как юная Мария, её красивый брат – как любимый ученик Христа, нежный Иоанн, а мать – как святая Елизавета. <...>

Наконец, мы подъехали к знаменитому старому немецкому городу мастеров. Каменные стены придавали ему почтенный вид. Но сразу было видно, что город уже потерял прежние лоск и славу. Дух прилежания прежнего времени, когда здесь творили многие художники, исчез. Но не исчезли игрушки, сделанные его мастерами. Во всём культурном мире трудно найти ребёнка, не имеющего игрушек из Нюрнберга. <...>

Христоф Фридрих Николаи, писатель и издатель

«Впечатления одного критика», 1781

Господин фон Мурр сказал, что огромный венок «Благовещение» высечен из дерева Файтом Штоссом в 1518 г. И это мастерское произведение висит под самым сводом церкви Св. Лоренца, перед главным алтарём. Он прав. Надо только добавить, что оно закрыто огромным мешком. Потребовалось бы, по крайней мере, 12 человек, к тому же ещё полдня и масса всяких мероприятий, для того чтобы спустить его вниз и почистить от пыли, которая естественным образом, возможно, уже многие годы покрывает этот ужасающий мешок и, скорее всего, сами фигуры. Этот мешок – полная бессмыслица. Произведение должно висеть так, чтобы его можно было рассмотреть. Я едва мог поверить своим глазам, когда увидел, что сделали с венком. Возможно, причина в том, что фигуры, как сообщает господин фон Мурр, позолочены. Если бы кто-нибудь смог растолковать господам настоятелям церкви, что подобное произведение искусства не только ничего не потеряет, а, может быть, даже и выиграет от того, что с него сползла позолота. Это просто смешно: шедевр, делающий честь Нюрнбергу, должен висеть где-то высоко в мешке только для его сохранности! <...>

Христоф Фридрих Ринк, теолог

«Отчёт о научной командировке», 1783

14 октября. <...> Я посетил одну из многих старых церквей Нюрнберга, церковь Св. Лоренца. Она имеет две высокие башни, между ними на маленькой башенке висит серебряный колокол, который звонит только по праздничным дням. Внутри храма не так уж много достопримечательностей, разве что некоторые расписанные окна. Я поднялся на одну из башен и оттуда смог увидеть весь город. Он выглядит гораздо привлекательнее, чем Базель или Страсбург. Построен Нюрнберг регулярно, переулки прямые и широкие, много фонтанов, просторные площади. Река Пегниц делит город на две части. Этот очень живописный вид дополняют аллеи деревьев. <...>

Филипп Вильгельм Геркен, историк и публицист

«Путешествие по Швабии, Баварии и так далее», 1784

Художники и ремесленники отличаются здесь большой прилежностью. Они работают с раннего утра до позднего вечера, в отличие от аугсбургцев, которые в три – четыре часа дня уже заканчивают работу и идут пить пиво. Промышленность Нюрнберга – на самом высоком уровне, и работы мастеровых со сталью, железом и латунию – лучшие во всей Европе. <...>

Ворота Frauentor. Нюрнбергские проспекты. А. Дельсенбах.

Денис Иванович Фонвизин, русский писатель

Письма сестре из третьего заграничного путешествия, 1784

Ниренберг, 29 августа 1784 г.

25 августа к обеду приехали сюда, в Ниренберг, и стали в трактире, в котором безмерная чистота и опрятность привели нас в удивление. Все улицы и дома здешние так чисты, что уже походит на аффектацию. Сим оканчиваю теперешний журнал, которого продолжение впредь присылать к тебе буду. Прости, матушка. Мы завтра отсюда едем в Аугсбург, расстоянием на 139 верст, откуда несколько строчек к вам напишу.

Боцен, 21-22 сентября 1784 г.

Теперь стану продолжать, тебе, матушка, мой журнал, который кончился приездом нашим в Ниренберг. Сей город положением своим очень странен: стоит весь на горах и с высокого места, каков тутошний замок, кажется не иным чем, как громадою набросанных не нарочно камней; считают в нем до восьмисот улиц, что и неудивительно, если называют улицами все по горам закоулки, какие на ста шагах обыкновенно встречаются. Невзирая на узкие улицы и на множество народа, наблюдается внутри и снаружи домов чистота отменная.

В день нашего приезда, то есть 25 августа, после обеда осматривали мы замок. По древним преданиям, здешние жители верят, что построен он Нероном. Не знаю, он ли его строил, но, по крайней мере, замок достоин быть дворцом такого чудовища, каков Нерон. Вообрази на превысокой и прекрутой горе уродливое и мрачное, большое здание. Кажется, что обитавший в нем тиран сверху попираля ногами город и что сам залез так высоко для того, чтоб спрятаться от отчаяния несчастных жителей. Словом, замок таков, в каком честный человек за все престолы света жить не согласится. Мы осматривали в нем картины Альбрехта Дюрера, славного больше за старину, нежели за искусство, потому что в его время живопись в Европе была еще в колыбели. Тут казали нам модели святых вещей, ибо подлинные сохранены и никому, кроме коронованных глав, их не кажут. Художник, делавший сии модели, не имел, кажется, нужды ни в большом труде, ни в большом искусстве. Святые вещи состоят в копье, коим Христос прободен был на кресте, в крестном гвозде, в частице самого креста, в отломке яслей вифлеемских, в лоскутке скатерти, посланной на тайной вечере, и в лоскуточке лентия, коим Христос отирал ноги на умовении. Осмотрев в замке все любопытства достойное, провели мы вечер дома с банкиром Brentанием, к которому мы адресованы. Он 26 августа поутру возил нас к купцу Вильду, который имеет прекрасное собрание картин. Мы пригласили Brentания к обеду. Я нигде не видал деликатнее стола, как в нашем трактире. Какое пирожное! Какой десерт! О пирожном говорю я не для того только, что я до него охотник, но для того, что Ниренберг пирожным славен в Европе. Скатерти, салфетки тонки, чисты – словом, в жизнь мою лучшего стола иметь не желал бы. После обеда были мы в ратуше, украшенной картинами Альбрехта Дюрера. Он родился в здешнем городе, работал много, и, куда ни обернись, везде найдешь его работу. Я сделал визит Brentанию и с ним ездил в комедию. Театришка мерзкий, и зала походит больше на чулан, нежели на залу. Жар и духота были такие, что я пяти минут не устоял, и вечер провели мы одни.

*Бывший постоялый двор «Красный жеребец».
Здесь останавливался Д.И. Фонвизин.*

В Ниренберге много хороших живописцев и других художников, но они умирают с голоду, потому что покупать некому. Целое утро или, справедливее сказать, весь день 27 августа посещал я сих бедняков, лазил к ним на чердаки и много кое-чего закупил по моей коммерции и отправил в Петербург. Ходил по церквам, по книжным лавкам, смотрел славный бронзовый фонтан, за который государыня предлагала тридцать тысяч рублей, но меньше пятидесяти не продают; был в галантерейных лавках и пришел домой, устав как собака. Вечеру банкир Кнопф сделал мне визит. 28 августа поутру оба мои банкира возили меня в арсенал. В нем есть чего смотреть; воинские снаряды, уборы и одежда древних рыцарей весьма любопытны. Удивительно, как могли они таскать на себе такую тяжесть. Я не совсем бессилён, по насилу поднял копье, которым они воевали. После обеда мадам Брентания приехала к нам с двумя золовками, и мы все вечером ездили в сад к мадам Геллер, которая лицом похожа как две капли воды на княгиню Д. А. Грузинскую. 29 августа целое утро приносили ко мне из целого города картины на продажу, но я не купил ничего, видя, что считают меня проезжим богачом. В сем мнении везде обо мне остаются для того, что я русский. Во всей Немецкой земле и, сказывают, также во всей Италии слова русский и богач одно означают. После обеда мы прогуливались по городу, отправив наперед с фурманом сундуки наши в Боцен для облегчения кареты. На другой день, 30 августа (10 сентября), приходили ко мне прощаться все артисты и оба мои банкира. После обеда в два часа выехали мы из Ниренберга и, не останавливаясь нигде, всю ночь ехали. 31 августа (11 сентября) к обеду приехали мы в Аугсбург.

Вольфганг Амадей Моцарт, композитор
«Письма и наброски», 1790

В Нюрнберге мы позавтракали – уродливый город. <...>

Открытие романтического Нюрнберга (XVIII – XIX вв.)

Вильгельм Генрих Вакенродер, поэт-романтик

«Сердечные излияния одного поклонника искусства в монашеской рясе», 1793

Нюрнберг! Ты прежде всего великий и славный город! Как приятно пройти по твоим кривым переулкам, с каким детским интересом я рассматриваю твои старинные дома и церкви, где ещё сохранились следы нашего старонемецкого искусства. Как искренне нравится мне всё, относящееся ко времени, которое говорит таким простым, мощным и настоящим языком! Как тянет меня в то столетие, когда ты, Нюрнберг, был оживлённой, кишасей учениками школой искусств и когда в твоих стенах жил плодотворный и переливающийся через край Дух творчества <...> Как часто хочется мне оказаться в том времени! Как часто я оказывался в нём мысленно, когда сидел и листал старые фолианты в каком-нибудь тесном уголке твоих, Нюрнберг, почтенных книжных залов, как будто погружённых в сумерки из-за старинных окон со свинцовыми перемычками, или стоял под сводами твоих церквей, куда сквозь ма́стерски расписанные окна проникает дневной свет и освещает картины старого времени. <...>

Окна со свинцовыми перемычками были характерны для средневекового Нюрнберга. В Старом городе они и сейчас встречаются довольно часто. Технология их изготовления известна ещё с X в. Свинцовые стерженьки отливали в железных или деревянных формах, затем расплющивали в полоски. Этими полосками обертывали края заранее нарезанных кружков листового стекла, раскладывали их на большом столе, плотно пригоняли один к другому и спаивали.

«Путевые заметки», 1793

Дорогие родители, ваши последние в высшей степени драгоценные письма от 15 июня я получил до обеда в пятницу, 21 июля. Они меня очень обрадовали. Я учусь сейчас наслаждаться университетским временем, которое никогда не повторится, и проводить его не только с пользой, но и приятно. Разрешите мне ответить на Ваше письмо после того, как я расскажу о моих сегодняшних, ещё свежих впечатлениях. Я имел множество поводов пойти в Нюрнберг. <...>

Дорога туда – широкое, совершенно ровное шоссе. Весь путь можно легко пройти за три часа, делая по полторы мили в час. Только Вы не должны думать, что я шёл совершенно один. Эта дорога всегда полна движения – почтовые кареты, грузовые фургоны, бродячие мастеровые, крестьянские телеги и, наконец, цыгане и толпы нищих. Я никогда не видел так много почтовых карет, как здесь, на пути из Эрлангена в Нюрнберг. Каждые 15-30 минут слышен почтовый горн. Сельские жители одеты в основном в чёрное. <...>

Этот огромный запутанный город вы легко можете себе представить по чётким гравюрам и цветным проспектам, имеющимся у вас. К моей радости, я многое узнавал в Нюрнберге. Город имеет совершенно старинный, фантастический вид из-за большого количества чёрных готических с роскошным внутренним убранством церквей, из-за старых прямоугольных зданий, часто украшенных росписью,

Крепость. Вид с севера. Нюрнбергские проспекты. А. Дельсенбах.

скульптурами или старинными базальтовыми рельефами. Почти все дома лишены и следа современного вкуса. Ни одного новомодного фасада. Двери в домах чаще маленькие, чёрные и почти всегда заперты. Звонишь – дверь открывается, идёшь по тёмной лестнице вверх – и в комнате видишь самого хозяина. Комната оказывается очень приятной из-за библиотеки, находящейся в ней, здесь очень уютно сидеть у окна со свинцовыми перемычками, выходящего во внутренний дворик или в переулок. Разумеется, я не хочу сказать, что все дома такие, но снаружи, по крайней мере, они все выглядят старинными.

Город очень большой, но в нём очень мало жителей. Каждым домом владеет одна семья. Сто лет назад, благодаря торговле, искусству и развитым ремёслам, Нюрнберг стал цветущим городом. Сейчас всё, к сожалению, очень изменилось. Великие художники умерли, многие ценности города в течение последних 20-30-ти лет, попав на аукционы, были увезены в другие страны. Сейчас здесь мало любителей искусства, хотя раньше почти в каждом частном доме имелась небольшая коллекция художественных произведений. <...> Самому городу я не перестаю удивляться, так как здесь нет ни одного нового дома, все старые, начиная с X в. Кажется, что перелетел в древние времена и всегда ожидаешь появления рыцаря, монаха или горожанина в одеянии того времени. <...>

В Нюрнберге очень большое количество старых благотворительных учреждений, помогающих бедным. Имеется также несколько домов для бедных. Вычислено, что тот, кто получает выплаты от всех благотворительных учреждений, может в год иметь до 300 гульденов. Поэтому в Нюрнберге и округе такое огромное количество нищих. Горожане вынуждены вносить в кассу для бедных большие суммы, что является доказательством плохих законов и плохого правления. <...>

Георг Фридрих Ребманн, публицист
«Путешествия и крестовые походы», 1793

Всякий раз, когда я попадаю в этот имперский город, мне хочется плакать. Все горожане напоминают шёлковых червей, которых выращивают только для того, чтобы потом, когда они созреют, снять с них кожу. Ничего значительного, ничего великого, ничего стремящегося ввысь здесь не найдёшь. Всё выглядит суженным, уменьшенным, прижатым, полная картина пустоты и падения. Горожане очень нетребовательны, более чем посредственное существование как будто устраивает их. Желательно только облегчение кандалов, чтобы спокойнее работать на тиранов. Здесь в основном встречаешь ничего не выражающие плоские лица, лишённые какого-либо характера. Такое впечатление, что народ привык к тюрьме, и никто не нуждается в воздухе свободы. <...>

Добрые старые отцы города! Когда вы убежали от давления владетельных аристократов и князей и укрывались за этими стенами, когда ваше усердие, ваша неутомимая изобретательность вознаградила вас, тогда вы не думали, что однажды высокомерная кучка городских аристократов, называемых патрициями, железной пятой придавит ваших внуков настолько, что им придётся просить защиты у гордых соседей – князей! <...>

Здание ратуши в настоящее время выглядит скорее роскошным, чем красивым. Лепной потолок с картинами турниров, вызвавший столько шумихи, так изгибается, что, кажется, рыцари, оруженосцы и кони вот-вот упадут вам на голову. Мне не удалось увидеть здесь прекрасные формы. Замок – невзрачный, угловатый, старый. Кайзеры, жившие в этих покоях, должно быть, были очень невзыскательны. В наше время горожанин средней руки имеет лучшее жилище. Тем не менее, здесь можно увидеть превосходные картины, но они неудачно развешаны и плохо освещены, среди них известная работа Альбрехта Дюрера «Адам и Ева». Эти картины и вид, открывающийся со скалы, вознаградят вас за силы, потраченные на путь к замку. Здесь много садов, хотя почвы песчаные. Жаль только, что всюду замечаешь отсутствие вкуса или даже напротив, усматривается скорее неестественный вкус. Дома в большинстве окрашены в жёлтые, зелёные и красные цвета, на цоколях стоят отвратительные размалёванные фигуры. Короче говоря, тут понимаешь, что имел в виду Лаватер (реформатский пастор, философ и писатель из Швейцарии), говоря об «ультранюрнбергском». <...>

Ф. Р. Вильмсен, приходской священник

«Утомительное посещение», 1796

Прогулка по этому городу может вызвать не только телесный, но и душевный недуг. Поражает бесконечный вид отвратительных четырёхэтажных домов с омерзительной росписью, украшенных галереями, и огромными фигурами в бронзе и камне. Всюду в изобилии эркеры, опять же с каменными рельефами <...>

Испытываешь большое душевное и физическое напряжение, то и дело вбираясь и спускаясь по крутым улицам <...>

Крепостная стена вся облеплена убогими шалашиками. Ров, длинный ряд капустных огородов, представляет собой отрадный вид и, вероятно, благословен нюрнбержцами, выполняя и сейчас защитные функции, особенно оттого, что служит им для справления малой и большой нужды. <...>

Эрнст Моритц Арндт, писатель

«Путешествие из Байройта в Вену», 1798

Церковь Св. Себальда, или Дом, несомненно, является одним из замечательных строений эпохи ранней Готики. Когда попадаешь в её гулкой полумрак, проникаешь глубоким почтением – до священной дрожи. Поднимаешь глаза, скользя взглядом ввысь по тонким колоннам до головокружительного потолка, и так стоишь, как в лесу святых елей, через благородные кроны которых пробивается тусклый свет небосвода. Здесь всё дышит стариной и святостью. Если смелый взлёт колонн вызывает головокружение, то яркая оконная роспись с ослепительными и живыми красками переносит тебя далеко, в тот самый мир, нравы и мысли которого тут так живо представлены. <...> Даже в солнечный день здесь, несмотря на большое количество окон, царит полумрак. Стены и потолок как будто намеренно сделаны тёмными, чтобы мысли о былом глубже проникали в сердце. <...>

Ратуша, построенная в стиле Ренессанс, является, действительно, очень

красивым трёхэтажным зданием и, похоже, ещё не закончена. Но едва ли можно по достоинству оценить его истинную красоту, поскольку построено оно среди тесно стоящих готических строений. <...>

Йонас Людвиг фон Гесс, житель Нюрнберга

«Путешествие по Германии, Нидерландам и Франции», 1798

В Нюрнберге здоровый и мягкий по сравнению с остальной Германией климат, однако соотношение рождающихся и умирающих в нём жителей ничем не отличается от других крупных немецких городов. Здесь имеет место большая смертность из-за болезней лёгких, поскольку даже незначительный ветер поднимает в воздух пыль песчаных почв, окружающих город. К тому же мастеровые очень рано начинают курить, и курят много, работа у них сидячая, пиво – любимый напиток прилежных нюрнбержцев. Всё это способствует сильному их изнурению. <...>

Х. Ф. Д. Шубарт, немецкий поэт, органист, композитор и журналист

«Письма и судьбы», конец XVIII века

В Нюрнберге я увидел очень музыкальный город – церкви, дома, кладбища, переулки и улицы звучат четырехголосыми мотетами, ариями, фугами и хорами.

Готтхилф Генрих фон Шуберт, естествоиспытатель

«Письма одного философа», 1806-1854

В полдень мы, наконец, прибыли в старый огромный достойный уважения город. Весь он с почтенными церквями, величественной ратушей, роскошными фонтанами и другими выставленными на показ достопримечательностями, и даже домами в кривых угловатых улицах, стоящими вплотную друг к другу, кажется в своём единстве произведением одного и того же зодчего. <...> Сотни лавчонок полны игрушек и пряников, много замечательных фонтанов, стены почти каждого дома расписаны фресками. Сельма, да и все мы просто визжали от радости, как в детстве при раздаче рождественских подарков. Эта старина привела нас в восторг. Такой необычный город, с уютными переулками и старинными церквями, в каждом доме и на каждом углу сцены из Библии, статуи и рельефы из камня, а вокруг простодушные искренние жители, такие старонемецкие. <...>

В ярмарочный день город особенно ярок и радостен. Всюду многочисленные крестьянские повозки с горами овощей и фруктов, выращенных на песчаных почвах трудолюбивым человеческим старанием. Здесь же отдающие блеском металлические сосуды со свежим молоком. <...>

Тот, кто приедет в этот старый, большой и чистый город и проживет здесь какое-то время, вскоре заметит, что это место благословенно Богом и замечательно оно не виноградарством, не золотыми горами, не богатым рыболовством, а множеством усердных, жизнерадостных людей с искренне гражданским сознанием, в котором живёт страх перед Богом. <...>

Вид города со стороны ворот Frauentor. Нюрнбергские проспекты. А. Дельсенбах.

Пэр Даниэль Амадеус Аттерборн, шведский поэт и историк литературы
«Нюрнберг», 1817

Река Пегниц делит Нюрнберг на две части – город Себальда и город Лоренца, названных по именам его главных церквей. Река невелика, но живописна двумя своими островами. <...> В старые времена на этой реке с большой помпой проводился турнир рыбаков – нечто похожее на турнир гондольеров в Венеции в настоящее время. На берегу реки по имени Редниц, в которую недалеко от Нюрнберга впадает Пегниц, когда-то своим знаменитым лагерем стоял Валленштейн. <...>

Карл фон Хазе, историк Церкви
«Святой час», 1820

Ещё ребёнком, когда в подарок к Рождеству я получал замечательные игрушки или вкусные пряники из Нюрнберга, мне казалось, что этот город подобен небесам с ангелочками. И с этими нежно хранимыми в сердце воспоминаниями о прекрасном времени я вошёл через сводчатые ворота в старинный имперский город. Его красочные готические дома, расписанные благочестивыми, простодушными яркими картинами рассказывают о милом детстве нашего народа, об уютной его зажиточности, выразившейся в этой радостной игре и блеске. <...>

Карл Юлий Вебер, писатель и сатирик

«Германия, или письма одного немца, путешествующего по Германии», 1826

Нюрнберг раскинулся передо мной во всей своей старобытной красоте. В Гамбурге, Любеке, Бремене, Аугсбурге и в самом Франкфурте сохранилось ещё кое-что из старины, но в Нюрнберге её больше всего. Его многочисленные башни, кажется, их 365, старая крепость на высоком холме, городская стена из красноватого песчаника, четыре высокие круглые башни, поставленные по её периметру, и всё остальное будят в фантазии картины времён междоусобиц и феодального права.

Огромное полотно Сандрарта «Торжественный обед мира», на котором изображены пятьдесят персон, действительно там присутствовавших, перенесено из ратуши в галерею. Во дворе ратуши ещё сохранился достопримечательный фонтан с ангелочком и дельфинами, а также деревянные фигуры над входом в «Трактир Господ Советников». С правой стороны от фигуры судьи изображён богач с чёртом, слева – бедняк с ангелом. Очень жаль, что в наше время никто не верит ни в чёрта, ни в ангела. <...>

Рихард Вагнер, композитор
«Майстерзингер из Нюрнберга», 1835

Целью моей поездки был Нюрнберг, где в городском театре работали моя сестра Клара и её муж. <...>

Мой шурин Вольфрам, весёлый и остроумный мальй, пользуется большим расположением местных любителей театра. Я убедился в этом, когда мы однажды провели вечер в известном городском трактире. Там был один из его завсегдатаев,

мастер-столяр Лауэрманн, уже далеко не юный приземистый мужичок, очень забавно выглядевший и говоривший на незатейливом нюрнбергском диалекте. Лауэрманн мнит себя превосходным певцом и питает интерес только к тем, кто замечает его талант. Это свойство сделало его постоянной мишенью для насмешек и издевательств со стороны сотрапезников. Тем не менее, он тут каждый вечер, и каждый вечер преследуем своими весёлыми мучителями. Но разыгрывать его крайне трудно, так как «певца» надо всегда держать в уверенности, что он непревзойдённый мастер, и ни в коем случае не допустить, чтобы он, осмеянный и обиженный, покинул общество. Его безмерное тщеславие прекрасно поддавалось розыгрышу. Я, как незнакомец, тотчас был использован в этой игре. К моему изумлению, шурин представил меня ему в качестве великого итальянского певца Луиджи Лаблаша (оперный певец-бас). К чести мастерового, надо сказать, что он долго и с большим недоверием рассматривал меня, поражаясь моему молоджавому виду и особенно обнаружившемуся у меня тенору. Невероятно, но шурина удалось убедить несчастного в том, что я, при своих неслыханных гонорарах, хотел бы при встрече с завсегдагатами обычного городского трактира удостоверить, искренне ли публика столь высоко оценивает моё мастерство. Если устроить, говорил шурин, встречу «Лауэрманн – Лаблаш», то можно было бы точно узнать, кто есть кто. И выяснить, Лауэрманну у Лаблаша или Лаблашу у Лауэрманна стоило бы поучиться.

Борьба недоверия и тщеславия в этом бедном человеке пробудили во мне симпатию к нему. Я начал играть свою роль со всем мастерством, на какое был способен. По истечении почти двух часов этот странный человек пришёл, наконец, в большое волнение – сверкающие глаза уставились на меня, мускулы лица странно дергались. Он стал похож на заведённый механизм: губы дрожали, зубы скрежетали, глаза конвульсивно вращались. И вдруг из уст его вырвалась в высшей степени пошлая уличная песенка, исполненная низким, хриплым голосом. Когда же его мясистое лицо превратилось в пылающую маску, а рулады, выводимые с большим чувством, стали сопровождаться одним и тем же движением – напряжённо заводимым за ухо большим пальцем руки, сдерживаться уже стало невозможно, и все слушатели без исключения разразились оглушительным хохотом, что, конечно, привело несчастного мастера в ярость.

Жестокое издевательство и изощрённый обман окружающих довели бедного человека до крайней степени возмущения. Когда несчастный под улюлюканье сотрапезников уже приготовился покинуть трактир, меня охватило настоящее сочувствие к бедняге. Я пошёл за ним, чтобы попросить прощения и таким образом смягчить ситуацию, что на самом деле сделать было очень трудно, поскольку он воспринимал меня как нового врага, гнусно обманувшего его, притворившись Лаблашем, и это ему было особенно горько. Но мне удалось задержать Лауэрманна у выхода и даже вырвать у него обещание, что мы услышим его пение ещё сегодня. Как это мне удалось, я не в состоянии вспомнить, тому виной стало, по-видимому, воздействие алкогольных напитков. Во всяком случае, и убедительный «успех» Лауэрманна, и мои собственные ощущения в этот неслыханно длинный вечер смешались для меня в единое целое. Поиздевавшись ещё некоторое время над ним,

мы почувствовали, что просто обязаны доставить несчастного домой, для чего использовали найденную перед трактиром тележку, и в ней триумфально подвезли «победителя» к дверям его дома в чудном узком переулке Старого города.

Пришлось разбудить фрау Лауэрманн, чтобы она приняла своего супруга. Обрушив на нас проклятия, она дала нам возможность понять, в каком состоянии находятся отношения супругов. Ей, разумеется, были известны постоянные издевательства над певческим талантом её мужа, но к возмущению по этому поводу присоединились ещё страшные упрёки в адрес негодаев, подло использовавших слабость её бедного супруга и доведших его до такого состояния. И тут снова проснулась гордость оскорблённого майстерзингера. Пока жена с трудом тащила его по лестнице вверх, он с большим пылом объяснял ей значительность своего таланта и в не менее крепких выражениях призывал её к спокойствию.

На этом причудливое ночное приключение для нас не закончилось. Мы все вернулись назад и уже перед закрытыми дверями трактира обнаружили толпу парней-подмастерьев, друзей хозяина, желавших и считавших возможным для себя снова войти внутрь. Но наступил полицейский час (час закрытия ресторанов). И хозяин находился в мучительном положении – он вынужден был держать своих друзей перед запёртыми дверями, боясь их впустить, так как с ними могли бы проникнуть новые посетители, что было запрещено законом.

Атмосфера накалялась, и беспорядок из-за криков, шума и немыслимого увеличения массы ссорившихся вскоре приобрёл демонический характер. Мне показалось, что сейчас весь город придёт в волнение, и я стану свидетелем революции, о причине которой никто здесь не имел ни малейшего понятия. Но вдруг упало что-то тяжёлое, и как по команде вся толпа расступилась в стороны. Оказалось, что один из завсегдатаев трактира использовал приём старонюрнбергского боя, чтобы в толпе проложить себе дорогу домой: на мостовой без чувств лежал один из крикунов, поверженный ударом кулака между глаз. Эффект был таков, что весь народ немедленно разбежался.

Буквально через минуту после ожесточённого неистовства толпы более чем в сотню человек мы с шурином рука об руку спокойно, шутя и смеясь, шли домой по освещённым луной улицам. И я с изумлением узнал от него, что всё происшедшее, – вполне обыденное каждодневное городское событие. <...>

Готфрид Вильгельм Беккер, писатель
«Зарисовки одного путешествия», 1836

Всемирно известный автор басен, комедий, трагедий и других видов поэтических сочинений Ганс Сакс, как и многие гении, не имел счастья быть обладателем земных ценностей. Условия его жизни были так плачевны, что в конце концов Городской совет предоставил ему право торговли разливным пивом. Тогда Сакс отметил свой дом вывеской «Золотой медведь». В ходе времени, однако уже после его смерти, заведение «Золотой медведь» стало самой заурядной пивной, дом же Сакса превратился в городскую достопримечательность. Гостей города,

как правило, интересовал не «Золотой медведь», а маленький дом, где жил знаменитый поэт и сапожник. Один предприимчивый пивовар, предвидя наплыв посетителей, соединил дом Сакса с соседним домом и вывеску «Золотой медведь» поменял на «У Ганса Сакса». Получился с виду обыкновенный дом, но с портретом поэта над дверью и его подлинными вещами. Количество сочинённых Саксом больших и маленьких произведений доходит почти до шести тысяч. Из них здесь находились только пятый и последний тома. Я листал их столько времени, сколько мне позволили. Трактирщик показал камень, по которому Сакс стучал молотком, и проводил меня в комнатушку, где поэт то сочинял, то шил обувь. Маленькие окна, рабочая доска. Тесное помещение не оставляет сомнений, что оно-то и есть единственное сохранившееся. Я вдруг осознал, что посещение этого крошечного домика принесло мне больше радости, чем осмотр многих дворцов. <...>

Густав фон Гееринген, писатель

«Живописная и романтическая Германия», 1839

Нюрнберг! Бесконечно число почётных имён и титулов, которыми удостаивали тебя хроникёры всех столетий – ты всё это заслужил. Сейчас ты Баварский районный город, как и многие другие. Раньше ты был другим – ты как король, потерявший свою корону. Печать независимости всё ещё украшает твой лоб, и от твоей крепости, и от твоих башен ещё веет свободой имперского города. Любимец кайзеров, мы приветствуем тебя! <...>

Отто Фридрих Верхан, пастор

«Записки о Германии, Франции и Швейцарии», 1840

Если идти к крепости по улице Am Ölberg (Масличная гора), то в скале можно увидеть грот и в нём скульптурную группу Адама Крафта – Иисус и трое спящих юношей. Лик Спасителя поражает естественным выражением боли, а в позах и лицах юношей чувствуется сонливость. <...>

Ещё я хотел бы посвятить несколько строк лучшей и одновременно дешёвой гостинице «У Штрауса», где я проживал во время пребывания в Нюрнберге. Обедал я обычно за одним из подковообразных столов в зале, украшенном многочисленными пейзажами и гравюрами на меди. Мой первый обед состоял из следующих хорошо приготовленных блюд: суп, говяжье мясо в соусе, жареный картофель с салатом, ветчина с протёртым горохом, кислая капуста и картофель в мундире, сладкое блюдо с безе, жаркое из телятины с очищенным картофелем и салатом, жаркое из маринованного мяса со сливовым муссом. К десерту мне принесли: борсдорфские яблоки, орехи, торт, бисквит, два вида хлеба, масло и голландский сыр. Ко всему этому подавались серебряные столовые приборы и шелкунчик для орехов. За всё я заплатил 50 крейцеров. На столе стояли зубочистки – высушенный коротко оструганный ситник. В качестве напитка было предложено превосходное пиво. <...>

Подъём. Индустриализация (XIX – XX вв.)

Ганс Христиан Андерсен, сказочник *«Сочинения. Том первый», 1840*

В утреннем тумане мы вскоре увидели старый величественный Нюрнберг. <...>

После посещения дома Ганса Сакса, я отправился к Королевскому замку, очень гармонирующему со старым Нюрнбергом. Рыцарская пышность снаружи и уют внутри. Здесь высокие стены, сам двор очень мал, но огромная растущая тут липа наполняет его запахом своих цветов и делает уютным. <...> Массивные зелёного кафеля плиты с тысячами позолоченных фигурок, христианских и языческих изображений, могли бы стать сюжетом для диковинных сказок. Какие вечера мог бы здесь пережить и в мечтах провести ребёнок, когда огонь в плитах освещает таинственные настенные росписи, и в свете пламени то и дело вспыхивают и исчезают позолоченные фигурки. <...>

Мне бы хотелось в светлую лунную ночь оказаться здесь и сверху посмотреть на готический город с его башнями, услышать горны ямщиков, вспомнить всадников Валленштейна, трубивших здесь и призывавших к бою. В повисшем над лугами тумане увидел бы я шведских рыцарей, сражавшихся за свою веру. <...>

Великий Дух, оживлённый здесь Региомontanом, Дюрером и Петером Фишером, не исчез, он здесь, он и есть движущая сила этого города. <...> Нюрнберг подобен сильному старцу, в котором ещё сохранилась юношеская сила, и у которого достаточно живых мыслей для того, чтобы связать их в идею. Говорящий пример – железная дорога между Нюрнбергом и Фюртом, первая в Германии. Старый Нюрнберг был первым городом, подхватившим идеи Нового времени. <...>

Агата фон Рённенбекк, венская писательница *«Летняя поездка», 1882*

Пятница, 21 июля. Чудо из чудес! В городе Бехайма и Ганса Сакса появилось электрическое освещение! Мы остановились в одном старом отеле, его обстановка, похоже, осталась такой же, какой была при посещении города кайзером Максимилианом. Прежде всего мы отправились на выставку ремёсел. Увидели очень интересный и богатый Германский национальный музей. Если бы даже его помещения оказались пусты, стоило бы посетить это великолепное старое здание монастыря. <...>

Герман Гессе, писатель *«Посещение Нюрнберга», 1928*

В глубине души в этом готическом городе я ожидал увидеть всевозможные чудеса, надеялся на встречу с духом Гофмана или Вакенродера, но ничего такого не случилось. Город произвёл на меня ужасное впечатление, хотя только я сам в этом виноват. Я увидел поистине восхитительный старый город, богаче чем Ульм, оригинальнее, чем Аугсбург, я увидел церкви Св. Лоренца и Св. Себальда, увидел ратушу и её двор, где стоит невыразимо прелестный фонтан. Я увидел всё это. И это

Главная рыночная площадь. Нюрнбергские проспекты. А. Дельсенбах.

было замечательно. Но сейчас здесь всё перестраивается бессердечной, безрадостной и деловой городской властью. Всюду треск моторов, грохот автомобилей, всё дрожит от темпа другого времени, когда не строятся ни божественные своды, ни фонтаны, прелестные как цветы в тихом дворике. Всё выглядит так, как будто в ближайшие часы это всё обрушится, потому что теперь нет в этом надобности и уже нет души. Что за прекрасные, что за восхитительные вещи увидел я в этом безумном городе! И не только известнейшие достопримечательности, церкви, фонтаны, Дом Дюрера, крепость, но и множество мелких, случайных вещей, которые мне, в сущности, еще милее. Аптека «Zur Kugel», где я купил себе новый стаканчик для промывания глаз, расположена в большом, красивом старом доме, в витрине которого выставлено чучело маленького крокодильчика с яичной скорлупой и много других подобных вещей. Но всё это буквально ничто, так как я видел всё это в облаках выхлопных газов проклятых машин, всё закапывается, всё вибрирует от жизни, которую я воспринимаю не человеческой, а дьявольской, всё предназначено умереть, превратиться в пыль. <...>

Бедя (1935–1945)

Герман Кестен, писатель
«Нюрнбергская воронка», 1935

Странен мир, в котором мы живём. Многие желают его изменить, но неизменно обманываются в своих намерениях. Должен ли человек обладать склонностью к изменениям или, наоборот, к инерции? Приносит ли здравый смысл счастье или только глупцы попадают в царство небесное? Глупость определённо приводит к злобности, а неуверенность очень быстро перерождается в кровожадность.

«Образование – бессмыслица», – сказал министр Руст, и говорят, что он не фанатичен, как Геббельс. Оба господина министра толерантны по отношению к любимому народному писателю Адольфу Гитлеру. Этот известный оратор за последнюю неделю произнёс более дюжины речей, он говорил перед немецкими солдатами, перед немецкими бонзами, а также перед немецкими обезьянами. С последними он говорил об искусстве. Он говорил, как всегда, два часа.

Гитлер умеет даже читать и писать. Он о многом размышляет и в своих речах старается это продемонстрировать. Он говорит уже много лет, почти не прерываясь, и имеет неосценимое преимущество – слушатель в нём уверен. Его знают и ему охотно верят.

<...> В Аполлотеатре, в Нюрнберге, этот бывший художник рассуждал об искусстве. Как писала газета «Völkischer Beobachter», в первых рядах театраварьете сидела вся нацистская верхушка, в задних – теснились несколько сотен интеллектуалов, поэтов, художников, музыкантов, танцоров, профессоров и других профессуток, одним словом, тут был весь бомонд Третьего Рейха.

Гитлер говорил два часа и все два часа бессвязно. Большинство фраз содержали слова, бессмысленные в контексте речи фюрера. Слова, несомненно, были заимствованы из немецкого языка. Многие предложения были правильно построены: существительное, сказуемое, дополнение. Многие предложения

звучали понятно. Воодушевление говорившего было подлинным, проститутки аплодировали, поэты завидовали, профессора были в восхищении, художники – в опьянении, нацистские офицеры хором смеялись блестящим шуткам Гитлера. Два часа говорить и при этом продемонстрировать не только понимание искусства и человеколюбие, но и знание немецкого языка, грамматики, логики и каждого убедить в том, что это сделано с иронией! Выдающийся психолог, работающий с народными массами, хотел опробовать действие неприкрытой бессмыслицы на эти массы. Впечатляющий пример!

В Нюрнберге, одном из старейших городов Германии, знавшем лучшие времена, сохранилось много курьёзов немецкого прошлого – имперские сокровища и «железная дева», кровати, в которых спали Цоллерны, а потом Гогенцоллерны, дома, в которых Альбрехт Дюрер рисовал и Ганс Сакс писал плохие стихи, отпечаток подковы коня рыцаря-разбойника Эппеляйна фон Галлингена, известного эмигранта и логика, автора изречения «Нюрнбержцы не вешают никого, им надо было бы сначала этого кого-то поймать!» Озорник был повешен несколькими годами позже по причине использования своей старонемецкой разбойной профессии. Среди прочего хлама, который покоится в Германском национальном музее, в крепости Гогенцоллернов и в камерах пыток, на меня страннейшее впечатление произвела так называемая Нюрнбергская воронка. Этот удивительный инструмент воронкообразной формы был изобретён определённо для насильственного вливания знаний в упрямые франконские черепа нюрнбержцев, как известно, не евших эти знания ложками.

Этот способ внедрения знаний применялся год за годом, десятилетия и столетия, и это имело страшные последствия. Ранее свободный имперский город, в котором художники процветали, сапожники пели и гуманисты реформировали, был изнасилован Штрайхером (нацистский политический деятель, ярый антисемит), а Гитлер воздал городу почести. Старая Нюрнбергская воронка кажется мне культурным символом нашей современной диктатуры. Этот инструмент нужно видеть. Длинный, как весло, тяжёлый как бревно из железа. Выглядит он скорее инструментом для убийства человека, чем для превращения его в мудреца. Его огромный размер наводит на мысль о чудовищном избытке человеческой мудрости. Похоже, наши предки полагали, что настоящие идиоты, нищие духом и бедные разумом были такого огромного роста, что вместо маленькой воронки нуждались в инструменте размером с хобот мамонта.

Очень возможно, что нашего любимого рейхсфюрера уже обработали в Нюрнберге этой Нюрнбергской воронкой.

Фриц Надлер, немецкий историк литературы и писатель
«Старый Норис поражён в самое сердце», 8-15 марта 1943 г.

8 марта в городе ещё можно было выпить кофе, придерживая горячую чашку рукавом рубашки. Это так приятно согревало. Дарованное спокойствие дня не нарушил ни один налёт. Было ли это хорошим или плохим признаком? Неприятный ответ на этот вопрос пришёл поздно вечером. Около одиннадцати оглушительно загрохотали зенитки. Началась вражеская ковровая бомбардировка. Ответа с

немецкой стороны не последовало, так как опытные зенитчики вместе с орудиями были отправлены на русский фронт, как потом объяснил знакомый мне 15-16-летний школьник, работавший около двух недель помощником зенитчиков. Комментарий излишен! <...>

Трижды наступали паузы, трижды нюрнбержцы выползали из подвалов. И трижды загонялись они под землю. Около трёх ночи опять послышался шум моторов. Может быть, они хотели убедиться, достаточно ли хорошо горит город партийных съездов. <...>

С улицы Marienbergstraße было видно, что между Мёгельдорфом с востока и Фюртом с запада бушевал гигантский пожар. Я поехал на велосипеде по направлению к центру города, впереди маячила крепость, ярко освещённая огнём. Навстречу мне шли толпы бездомных людей, потерявших всё, кроме своей жизни и того, что они несли с собой. Горели почти все улицы, пересекавшие улицу Bayreutherstraße. «Томми-лётчики» сбросили тонны тяжёлых и лёгких зажигательных бомб, мин, канистр с фосфором и Бог знает чего ещё. На улице Königstraße дома горели и слева и справа. В огромном здании Mauthalle бушевало пламя, его можно было бы сравнить с Везувием – гигантские языки огня выбивались из всех бесчисленных окон здания. Стены были черны, как уголь. Никто не гасил огонь. Не было воды, не было пожарных, не было людей. Площадь Kornmarkt невозможно было пересечь – воздух здесь был раскалён. <...>

В Пегнице отражались горящие силуэты домов, не отражались в воде только бараки острова Trödelmarkt, их просто уже не было – исчезла известная нюрнберг-

Старый город в 1945 году

ская «Тремпала», блошинный рынок. Его сравнивали с парижскими рынками и даже с Лейпцигской ярмаркой. Чудный кусочек старого Нюрнберга, маленький остров между двумя рукавами Пегница, северный берег которого назывался «Маленькой Венецией», горел ярким пламенем. Ни одной капли воды из реки не пролилось на это пекло. Некому и некого было просить о помощи. <...>

В северной части Старого города царил хаос. На улицах лежали люди, задыхающиеся, обожжённые, убитые. Церковь Св. Себальда, капелла Св. Морица вместе с пятисотлетним трактиром Bratwurstglöcklein и бронзовый памятник Дюреру устояли. Из задымленного переулка Krämergasse я увидел башню Sinwellturm, возвышающуюся на скале. Незначительно повреждён осколком бомбы дом в переулке Obere Schmiedgasse, в подвале которого находится вход в бункер под скалой. Без сомнения, ничего не могло случиться с имперскими сокровищами, помещёнными сюда в первые дни войны. <...>

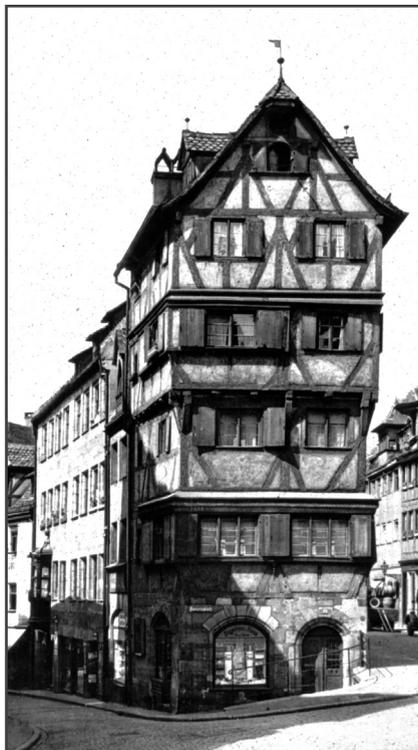
Утро 3 января 1945 г.

Этой ночью в Нюрнберге никто не спал. Город мёртв. Но жизнь продолжается, и жители бывшего Старого города, нагруженные как муравьи, подобно привидениям пробираются по узким дорожкам, проложенным среди развалин. Моя затея добраться до крепости на велосипеде была почти безнадёжной.

Кайзеровские конюшни, мощное строение Ганса Бехайма с его двойными окнами, как будто бы сдуло ветром. В нём было молодёжное общежитие. Ещё перед Рождеством здесь проводили военные учения, нюрнбергских мальчишек готовили к катастрофам. Теперь под огромной грудой камней и мусора ищут тело районного руководителя молодёжи доктора Рашке, нашедшего здесь вместе с несколькими молодыми людьми свою смерть.

Из исторического здания управления крепостью буквально высосаны камни. Остался его фахверковый деревянный каркас из толстых брёвен. Сейчас он выглядит как гигантская птичья клетка. Стоит обгоревшая Языческая башня, от башни Luginsland остался только короткий обрубок, тяжёлым каменным кубом, лежащий во рву. Башня Sinwellturm по-прежнему свысока взирает на Франконию. Галки, с криками кружащие вокруг неё, не понимают, что произошло этой ночью. Крепость превратилась в скелет. Лёгкий восточный ветер резво играет с обгоревшими кусками бумаги.

Никого нет сегодня на смотровой

Grolandhaus. Довоенный снимок.

площадке крепости. Ещё в Новогоднюю ночь я стоял здесь наверху. Из-за затемнения город выглядел очень мрачно. Только в районе вокзала можно было увидеть далёкие красные и зелёные огоньки светофоров.

Где же ратуша? Где шпили Святого Себальда? Где крыши, так уютно, подобно рыбьей чешуе с незапамятных времён покрывавшие гору, на которой стоит крепость? Сметены узкие переулки Obere и Untere Söldnergasse, исчезло старое фахверковое строение «Zum Maulbeerbaum» и всё, что для нас здесь было так мило и дорого. Уже не существует высокий фронтон здания Topplerhaus, в котором так удачно и на редкость гармонично смешались стили – готический, ренессансный, романтического историзма, чужеземный и отечественный. Нет драгоценного дворца Тухеров, нет дома Grolandhaus, который стоял на узком цоколе, расширяясь от этажа к этажу и тем самым привлекая к себе внимание архитекторов. От двора Hertelshof осталась только нижняя часть лестничной башни.

Почти весь район вокруг церкви Св. Эгидиена сравнялся с землёй. В переулке Schildgasse стоял скромный трактир, который ещё сто лет назад получил всемирную известность благодаря своему гостеприимству, несмотря на негостеприимное имя «Zum Jammerthal» (Земная юдоль). Эта вывеска оказалась символичной, судя по состоянию дома после роковой январской ночи. Вид этого места – просто пытка. Это вид на юдоль плачевную в полном смысле этого слова.

Город потерял своё лицо, свой характер, свой цвет, свою красоту. Лицо старого Нориса истерзано, разбито, уничтожено, устойчивый жизненный порядок, который спланировал горожан, разрушен до основания.

После войны

Эрих Кестнер, писатель

«Нюрнбергские хроники», 22 ноября 1945 г.

Автострада Мюнхен-Нюрнберг. <...> Мы едем на открытие процесса над военными преступниками. <...> Осенний туман висит над дорогой и над холмами. На небе, как через матовое стекло, слабо светит солнце. Среди голых, мёртвых веток деревьев каркают вороны. <...>

На краю улицы стоит американский военный автомобиль. Негр бросает деревянный ящик в костёр. Две женщины и целая орава детей греются у огня и смеются. <...>

Завтра утром должен начаться процесс над двадцатью четырьмя нацистами, обвиняемыми в смерти миллионов человек. Главный судья Джексон, основной истец, вызванный из Америки, объясняет: «Вы стоите перед судом не потому что вы проиграли войну, а потому что вы её развязали». Почему же народ на этой земле уже тысячу лет назад не проводил такие процессы? Тогда глобус был бы уже избавлен от крови и страданий. <...>

Убить одного единственного человека и убить сотню тысяч человек – разве это не одно и то же? Это ли не доблестно? Нет, это не одно и то же. Это ровно в сто тысяч раз страшнее! Эти двадцать четыре обвиняемых скажут, что они этого

не знали. А когда узнали, как они потом скажут, было уже поздно, остановить это было уже нельзя. Плохо это или хорошо, но они должны были уничтожить ещё пару миллионов человек. <...>

Кстати, обвиняются не двадцать четыре человека. Лей покончил с собой. Крупп, похоже, умирает. У Кальтенбруннера мозговое кровоизлияние. А Мартин Борман? Погиб ли он по дороге из Берлина во Фленсбург? Или где-то в немецком еловом лесу отрастил себе бороду и думает, читая газету: «Нюрнбержцы не вешают никого, им надо было бы сначала этого кого-то поймать». <...>

Утро вторника. Здание нюрнбергской юстиции окружено американской военной полицией. Проехать или пройти тут можно только по специальным пропускам. У входа стоят два часовых со штыками. Из автобусов и автомобилей поток облачённых в униформу – русские, американцы, французы, англичане, чехи, поляки, канадцы, норвежцы, бельгийцы, голландцы, датчане. Женщины в униформе. Русские – с широкими золотыми погонами. Журналисты, фотографы, адвокаты, радио-репортёры, секретарши, переводчики, морские офицеры с папками, белокурые господа в беретах английской армии с чемоданчиками, в которых они хранят чёрные мантии и белые галстуки. <...>

На первом этаже строгий контроль. На втором этаже строгий контроль. На третьем этаже дважды строгий контроль. Многих, несмотря на униформу и пропуск, отсылают назад.

Наконец, я стою в зале, где должен проходить процесс. Когда-нибудь, столетие спустя, какой-нибудь пожилой человек, окружённый изумлённой толпой туристов, будет монотонно и скучно рассказывать: «А сейчас мы находимся в историческом зале, где 20 ноября 1945 г. открылся первый процесс над военными преступниками. На правой стороне перед знамёнами Америки, Англии, Советского Союза и Франции сидели судьи этих четырёх стран. Высокий помост выглядит так же, как тогда. У противоположной стены, господа, сидели двадцать обвиняемых. В два ряда по десять человек в каждом. Позади них в белых стальных шлемах стояли восемь полицейских. Стальной шлем – головной убор двадцатого столетия, который носили в период вражды народов, называемым «войной». Слева от меня на столе под стеклянным колпаком вы можете увидеть такой шлем, адвокаты сидели перед помостом с обвиняемыми. Там, где вы, дамы и господа, сейчас стоите, размещались в то время представители прессы – репортёры известных газет, журналов и радиостанций мира. Четыре сотни мужчин и женщин, заданием которых было...». Да, так приблизительно будет рассказывать нам пожилой мужчина. Я надеюсь. И туристы всего мира будут его слушать и недоверчиво качать головами – неужели когда-то было, то, что называется «войной»? <...>

Голос обвинителя звучит как будто издалека. Переводчики бубнят за своими стеклянными перегородками. Все взгляды направлены на обвинителей. <...>

Геринг в светло-сером пиджаке с золотыми пуговицами. Отличительные знаки рейхсмаршалского звания отсутствуют. Ордена исчезли. Пиджак выглядит, как шофёрский. <...> Он похудел. Иногда он с любопытством смотрит в ту сторону, где сидят обвинители. Как только слышит своё имя, прислушивается и затем согласно

кивает. А когда обвинитель называет его эсэсовским генералом, он, смеясь, трясёт головой. Иногда наклоняется к своему адвокату и о чём-то говорит с ним. Чаще он спокоен. <...>

Рудольф Гесс изменился. Такое впечатление, что голова у него уменьшилась вдвое. Брови тревожно сомкнуты. Если он говорит с Герингом или Риббентропом, то резко встряхивает головой. Как птица. Его улыбка неестественна. Может быть, в этой голове не всё в порядке? <...>

Иоахим Риббентроп выглядит совершенно старым человеком. Он поседел. Его осунувшееся лицо – лицо больного человека. Он говорит мало. Подбородок держит высоко, словно ему стоит невероятных усилий всё это выдержать. Когда полицейский вводит его в зал, то видно, что он идёт с трудом. <...>

За американским обвинителем выступает французский. Он сообщает, какие чудовищные преступления ставятся в вину военным преступникам на территории Западной Европы. Убийства военнопленных, убийства заложников, разбой, депортация, стерилизация, массовые расстрелы с музыкальным сопровождением, пытки, лишение пищи, отравление газом, замораживание живых, механический вывих суставов, использование человеческих останков для изготовления удобрений, мыла и т.д... Море слёз... Ужас преисподней. <...> В полдень перерыв. В коридорах кишат журналисты, мантии, униформы. <...>

Около двух часов дня зал опять заполняется. Теперь очередь держать слово главному русскому обвинителю. Он зачитывает обвинения, которые предъявляются Восточным фронтом. Опять миллионы преднамеренно убитых. Опять нарушения за нарушениями Гаагского соглашения от 1907 г. Опять ад... Опять бездна...

Позже выступает английский обвинитель. Он зачитывает отдельные пункты обвинения, касающиеся этих двадцати обвиняемых. Они слушают невозмутимо. Некоторые сняли наушники и смотрят перед собой хмуро или равнодушно. <...>

Уже пять часов. Заседание откладывается. Обвиняемые стоят ещё некоторое время, разговаривая со своими адвокатами. Потом один за другим под конвоем они исчезают за коричневой дверью, ведущей в тюрьму. Завтра ещё один день. <...>

И снова я прохожу через многочисленные контрольные пункты, где снова проверяют, выхожу из исторического здания. Сердце болит после всего, что я услышал. И уши тоже болят. Кажется, что наушники были мне не по размеру. <...>

Дорога домой по автостраде. Туман стал ещё гуще. Его можно просто резать. Автомобиль еле движется. Я смотрю в окно и ничего не вижу. Только тягучий молочный туман. <...>

Теперь война, погромы, разбой, убийства и пытки сидят на скамье подсудимых. Они, гигантские и невидимые, сидят рядом с обвиняемыми. Ответственность подтягивается к ответственным. Удастся ли? Это должно получиться не только в этот раз, так должно быть всегда в будущем! Тогда война вымрет. Как чума или холера. И поклонники, и почитатели войны вымрут тоже. Как бациллы. И последующие поколения будут когда-нибудь смеяться над временами, когда миллионы убивали миллионы. Если бы такое могло случиться! Если бы когда-нибудь над нами так могли посмеяться!

Томас Манн, писатель

«Путевые заметки», 1946

Война оставила пустоты на местах некоторых замечательных архитектурных памятников в старых частях немецких городов. Но я никогда не забуду, как старый директор музея вёл нас по безнадежно разрушенному Нюрнбергу, надеясь, что мы насладимся видом города. «Это – башня, а там фонтан, – говорил он дрожащим голосом, – только посмотрите, они всё ещё стоят. Дома Дюрера и Пиркхаймера, они узнаваемы, не правда ли? Основное угадывается, главное практически сохранилось...». Ничего не сохранилось, но он уговаривал себя, что это всё ещё можно увидеть. К горлу подступили слёзы. <...>

Бенно Рейфенберг, журналист и писатель

«Западная Европа. Рисовки», 1950

Этот город продолжает дальше нести своё прошлое как затянувшееся сновидение, и благодаря диковинной прелести его строений здесь, в нашу эпоху, еще живо давно исчезнувшее время. <...>

Теодор Хойс, политик

«Германский национальный музей», 1952

Судьба Нюрнберга в последние десятилетия – Штрайхер и Гитлер, город съездов нацистов и город Нюрнбергских законов, а потом, как ответ, город Нюрнбергских процессов. Всем этим было замарано имя почтенного Нориса и таким замаранным осталось! Удивительный блеск былого, светский и образованный город, его человеческий и гуманистический дух были беззащитны перед тем, что было рядом, перед тем, что здесь произошло. <...>

Герман Кестен, писатель

«Двадцать лет спустя», 1965

Ни в одном городе мира я не чувствую себя настолько дома, как в Нюрнберге, и ни в каком другом городе мира – настолько чужим, как здесь. Старый Нюрнберг исчез так же, как мои детство и юность, которые я провёл, внутри и снаружи крепостных стен и рва этого богатого старыми традициями и отягощенного историей военных лет города.

Когда вчера под иллюзорным сиянием полной луны я шёл по улицам Нюрнберга, по его мостам и площадям, от большинства из которых не осталось ничего подлинного, кроме их имен, через этот с любовью восстановленный и только наполовину удачно отреставрированный Старый город, я опять увидел как во сне, гнетущем и восхитительном одновременно, особенно, когда смотрел на луну, старый неразрушенный Нюрнберг, Нюрнберг моего детства – где-то ещё сохранился памятник или башня, или ещё журчит колодец, иногда установленный не на своём старом месте. Кое-где ещё сохранился кусок городской стены или стоят некоторые из старых домов нюрнбергских аристократов. Там приветствуют

меня восстановленные церкви Св. Себальда, Св. Лоренца и церковь Св. Эгидиена, крепость. Тут подмигивают мне старые башни, тогда они были такими же, только теперь они не так высоки, как мне казалось в детстве. Тут ещё был город, где Вольгемут учил Дюрера, где Гегель был ректором гуманитарной, названной именем Меланхтона, гимназии, где жил атеист Людвиг Фейербах, город Петера Хенляйна и Мартина Бехайма, где была издана книга Николая Коперника, город Пиркхаймера и Тухера, Кресса и Шуккерта, где творили Файт Штосс и Петер Фишер, Адам Крафт и Ганс Сакс, где бродили Людвиг Тик и Вильгельм Вакенродер, мысленно погружаясь в романтическое Средневековье, где Грюбель влюбил Гёте в сочный нюрнбергский диалект, где такой неповторимо прекрасный Гитлер торжественно преподносил миллиону немецких девочек свои партийные съезды, под незаслуженным солнцем в не соответствующем погоде дождевике, в сапогах, не таких уж и кожаных и не таких грязных, какой была его речь, в которой только его сподвижники узнавали следы немецкого языка и где в то время со своим печатным листком «Der Stürmer» бывший учитель народной школы знаменитый Юлиус Штрайхер, наказанный за растление малолетних и сделавший немецким фирменным товаром порнографию и антисемитизм, был наиболее читаемым нюрнбергским автором.

С благородными временами и великими фигурами старого города навсегда исчезли также и новые призраки Нюрнберга. Когда я сегодня, в солнечный, ясный и радостный июльский день шёл по Нюрнбергу, я видел новый, богатый, местами элегантный, прекрасный город, который хранит свои оставшиеся в прошлом, ныне утраченные архитектурные воспоминания скорее как залеченные раны, чем как исторические памятники. Я видел свежее поколение новых нюрнбержцев, так много нюрнбержек, показавшихся мне более городскими и более симпатичными, чем те, что были раньше. На овощном рынке я видел новых зеленщиц с такими дружелюбными глазами и соблазнительными вишнями, что я не знал, улыбаются ли мне их вишни или их весёлые глаза? Я собственными ушами услышал – хороший старый нюрнбергский диалект ещё жив, я увидел Пегниц, который спокойно течёт дальше.

Большинство молодых людей в Нюрнберге не знают ничего об «Ордене Цветов на Пегнице», как не помнят они о Нюрнбергских законах. Большинство этих молодых нюрнбержцев и нюрнбежек выглядят такими здоровыми и оптимистичными, как будто бы их отцы ничего не рассказывали им о том, как их город и его жители были просто сметены варварскими бомбардировками и навсегда исчезли в пламени и пепле.

Вчера я видел очень много нюрнбержцев, которые выглядели такими вежливыми, такими человеколюбивыми, такими добродушными, приближающимися к XXI веку, может быть, столетию мира и гуманности, что было невозможно поверить в то, что большинство их отцов в середине XX века восторженно и с ликованием приветствовали самого гнусного в мировой истории массового убийцу.

Когда идёшь по цветущему и цивилизованному новому городу, то временами забываешь и о том, что в прошлом это был свободный имперский город, и о том, что двадцать лет назад он стал одним из главных городов Третьего Рейха – Рейха, который, видимо, выглядел так, как Сведенборг представлял себе ад, – просто повседневная жизнь, только обращённая к чёрту.

Ещё двадцать лет назад привратник, и поныне берущий чаевые, украшал свой мундир знаменитым собачьим жетоном со свастикой и ножницами поощряемого государством доноса обрезал нить жизни тебе или мне, как это делали богини человеческой судьбы.

Уже двадцать лет, как этот немецкий ад догорел, и многие немцы забыли о нем, как об итальянском фейерверке, вспыхнувшем и исчезнувшем, словно его никогда и не было. Многие немцы готовы себе и всей нации простить всё, чего они якобы никогда не видели и чего они якобы никогда не знали.

Выросло новое поколение. Улицы Германии полны молодым народом, родившимся после беды. Они были детьми, когда страна находилась во мраке. Все физические, моральные и интеллектуальные пытки Третьего Рейха им кажутся лишь историей, давно исчезнувшей, прямо-таки легендарной, почти неправдоподобной – как если бы они рассматривали сцены пыток на известных картинах в Германском национальном музее. Весь Третий Рейх кажется им нарисованным ужасом, эстетически несостоятельным, как плод извращенной фантазии меланхолика-художника или сны наяву мизантропа-сатирика, усиленные с помощью художественных эффектов.

Уже двадцать лет Германия живёт в светлом мире, где подавляющая часть населения больше не боится, что евреи или цыгане, англичане или французы захотят присвоить плоды труда немцев, где даже убийцы, среди которых немцы должны жить, как уверяет министр юстиции, совсем не хотят убивать, а только питают надежду, почти нескрываемую, стать министрами, то есть войти в Совет министров Германии, или стать генералами бундесвера, или судьями и государственными адвокатами, или получить литературную премию Германии, или просто вступить в органы власти, защищающие конституцию Германии. Как и все остальные народы, немцы в большинстве своём, конечно, больше добрые, чем злые и охотнее живут в мире со всем миром, чем в войне со всем миром. Как к рабству, так и к свободе народ привыкает очень быстро и забывает, как легко можно потерять эту восхитительную свободу, если ежечасно не защищать её.

Маргалит Галай, писательница из Тель Авива

«Город с черепичными крышами», 1974

Старый Нюрнберг! Город с извилистыми переулками, домами, прижимающимися друг к другу, крышами, сидящими на домах, как глубоко надвинутые на лоб козырьки, да ещё и эркерами, хёрляйнами, фонтанами и тихими площадями, делающими город спокойным и уютным. Окна этого города закрыты. Для своих жителей он всё равно, что уютный дом для семьи. Зайдёшь в какой-нибудь уголок и чувствуешь себя там так хорошо. Эта городская, чистая, украшенная цветами уютность! Мне бы хотелось жить под одной из этих крыш, позади одного из этих эркеров, мне бы не хотелось чувствовать себя здесь чужой, не принадлежи я другому миру, омываемому морем, жаркому, иудейскому, библейскому, и с ежедневной порцией нового напряжения в борьбе только за существование. В Париже можно жить, оставаясь иностранцем, и в Мюнхене, и в Риме, Лондоне, Вене, даже во

Франкфурте, если это нужно. Но в Старом Нюрнберге нужно быть нюрнбержцем, если Вы понимаете, что я имею в виду. Это интимный город, семейная, так сказать, принадлежность. Для чужеземцев же он – кусочек магии, сказочный город, ставший реальностью, страна диковинной мечты.

Страх перед уцелевшим

Разговор между Германом Кестеном и Генрихом Бёллем, 1980

Кестен: Нюрнберг старинный и знаменитый город. Имели ли Вы какое-нибудь представление о нём перед тем, как увидели его впервые?

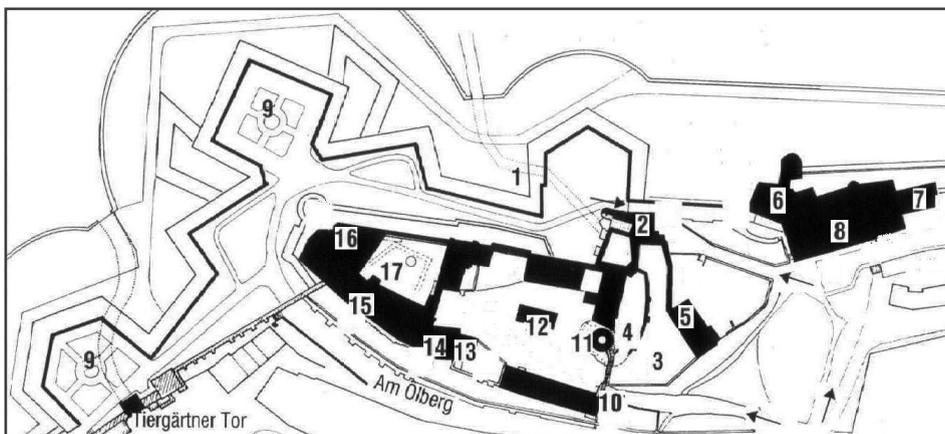
Бёлль: У меня были только ассоциации: Нюрнбергская воронка, Нюрнбергское яйцо, сохранившаяся немецкая Готика – как шкатулка с драгоценностями. Можно сказать, чисто информационно-изобразительное представление. Знакомство почти со всеми немецкими городами я начинал с вокзала. Для большинства моих сверстников во время войны единственно доступной возможностью путешествовать были различные перемещения с военным транспортом или поездки в отпуск. Через Нюрнберг таким образом я проезжал несколько раз. Я знаю вокзал, припоминаю зал ожидания, где ел сосиски. Таким было обычно моё первое соприкосновение с большинством немецких городов. Впервые я посетил Нюрнберг достаточно поздно и коротко, в 1961 г.

Кестен: Почувствовали ли Вы архитектурную или историческую красоту города? Нюрнбергу судьбой было уготовано трижды обрести мировую известность. Впервые – во времена Ренессанса и гуманизма, Альбрехта Дюрера и Пиркхаймера; второй раз его открыли романтики Вакенродер и Тик, тогда и появилось ошибочное приторно-романтическое представление о старонемецком Нюрнберге; и в третий раз – в наше время, благодаря партийным съездам и Нюрнбергским законам.

Бёлль: У меня и моей жены антипатия к старонемецкости. Это очень странно. Старонемецкие пивные, винные ресторанчики и законсервированные города, такие как Целле, Гейдельберг и Ротенбург, нас просто отпугивают. Я думаю, причина кроется где-то глубоко. После войны мы жили в одном совершенно разрушенном городе, и там нам, собственно, было очень хорошо – как это зловеще ни прозвучит, так как послевоенные руины воспринимались нами подсознательно вполне уместными. И каждый не разрушенный войной город при посещении внушал нам страх. Я помню, однажды мы были в Гейдельберге, и там нас буквально прошиб холодный пот. Это следствие нашего предубеждения к консервации типично немецкого в градостроении, даже самого прекрасного. Это же предубеждение у меня и к Нюрнбергу, его архитектуре. Хотя я мог бы вообще не иметь предубеждения к этим городам, даже если там и проходили партийные съезды. Я не думаю, что за деяния отдельных членов семьи ответственность должна быть переложена на всю семью. Кстати, разрушенного Нюрнберга я не видел. Возможно, в этом случае у меня к нему было бы другое отношение. Вы меня понимаете?

До сих пор мы, я и моя жена, избегаем не пострадавших в войну городов. Это у нас общее, так же как и восприятие войны, мы её вместе пережили. Особенно тяжело это было видеть в ГДР, где осталось очень много маленьких, уцелевших

Бургграфенбург

1. Ворота Vestnertor
2. Жилое здание служащих замка
3. Площадь Freieung
4. Потайной проход для стражников
5. Вальпургиева капелла
6. Пятиугольная башня

Строения имперского города

7. Башня Luginsland
8. Кайзеровские конюшни
9. Бастионы с дворцовым садом

Замок кайзера

10. Небесные врата

11. Башня Sinwellturm

12. Глубокий колодец
13. Языческая башня
14. Двойная капелла
15. Дворец
16. Женские покои
17. Внутренний двор замка

Двойная капелла (1170-80) – значительнейший в художественном отношении, сохранившийся практически со времен постройки памятник архитектуры крепости. В капеллу можно попасть из Рыцарского и Кайзеровского залов дворца. На самом деле это две капеллы, расположенные одна под другой с квадратным отверстием в перекрытии между ними. Нижняя – капелла Св. Маргариты, мрачная, подобная склепу, её короткие толстые колонны украшены великолепными капителями. Верхняя – Кайзеровская капелла, в противоположность нижней, имеет высокий лёгкий свод и привезённые, возможно, из Италии тонкие изящные (редкость для того времени) колонны светло-серого мрамора с ещё готическими капителями. Архитектурная концепция капелл отражает строгую иерархию жизни общества Средних веков. Когда священник у алтаря верхней капеллы

Западная сторона верхней капеллы с ложей кайзера. Довоенный снимок.

Строения во дворе замка. Крайний слева – Колодезный домик.

вёл богослужение, его слушали три различных группы обитателей дворца, каждая со своего, отведённого для неё места. Внизу, в затхлом тёмном помещении, стояли конюхи, повара, служанки, простые солдаты короля, дворовые. В верхней части – придворные с дамами. Кайзер и его семья, скрытые от посторонних глаз, могли участвовать в богослужении в маленькой, совершенно изолированной молельне на западной стене верхней капеллы.

В 1500 г. отверстие между капеллами было замуровано, и с тех пор нижняя капелла, возможно, использовалась в качестве склепа, о чём свидетельствуют находящиеся там рельефы и эпитафии. Только в 1891-92 гг. отверстие было вновь открыто и, таким образом, восстановлено первоначальное состояние капелл.

Сделка с чёртом или кольцо вокруг колонны (сага)

Работы по оформлению Кайзеровской капеллы затягивались. Уже назначили первое богослужение, а всё ещё отсутствовали четыре колонны, которые должны были привезти издалека. И тут перед священником явился чёрт и предложил ему сделку. Он пообещал взять колонны в одной из церквей Рима и доставить их прежде, чем священник закончит богослужение. Если чёрт успеет до окончания службы поставить последнюю колонну, то завладеет душой святого отца. Тот согласился. Прошла только половина богослужения, а чёрт уже поставил три колонны. С четвёртой колонной он явился, когда священник произнёс последние слова. Разозлившись, чёрт бросил колонну на пол, и она раскололась на две части. Позже её скрепили кольцом, которое и сейчас можно увидеть на ней.

Башня Sinwellturm относится, возможно, к XII в. и является Главной башней крепости Кайзербург, это единственная круглая средневековая башня Нюрнберга. В Средние века слово «sinwel» означало «круглый», от него и произошло имя башни.

Слово «gund» пришло с королём Артуром и его «Круглым столом» во времена рыцарства. Каждому школьнику Нюрнберга известно, почему дозорная Круглая башня одновременно самая высокая и самая низкая, а также самая толстая и самая тонкая. Ответ звучит так: она стоит выше всех городских башен и при этом самая низкая в сравнении с остальными, она самая тонкая из всех, но с самыми толстыми стенами.

Глубокий колодец (Tiefer Brunnen), скорее всего, был пробит в скале одновременно с возведением первого укрепления. Глубина его составляет 53 метра, что соответствует уровню Пегница. Высота столба воды – три метра. В 1563 г. для него был выстроен маленький фахверковый Колодезный домик.

Руины бывшей **крепости Бургграфенбург**, старейшей части всего комплекса на скале, лежат под холмами, по обе стороны углублённой дороги. Эта дорога ведёт от Кайзеровских конюшен к смотровой площадке, бывшей средневековой площади Freieung (Свобода). В былые времена преступник, которому удавалось добраться до этой площади, оказывался под защитой кайзера.

Пятиугольная башня считается старейшим сохранившимся строением не только крепости, но и Нюрнберга. Скорее всего, она была построена ещё до XI века, позже её усилили треугольным выступом с севера (со стороны возможной атаки) и она превратилась в пятиугольную.

Романская **капелла Св. Вальпургии** первоначально была построена в качестве башни-церкви (разновидность готового к обороне культового сооружения). После разрушения в 1420 г. её перестроили в готическом стиле. Полуразрушенная бомбардировками, капелла была восстановлена только в 1967-69 гг.

Мощное здание **Кайзеровские конюшни** было построено нюрнбергским зодчим Гансом Бехаймом Старшим в 1494-95 гг. в качестве городского зернохранилища

Самая старая площадь города. Слева Дом Пилата.

и принадлежало городу. Во время пребывания кайзера в Нюрнберге первый этаж этого здания служил ему конюшнями. На верхних этажах хранилось зерно. Над готическим порталом на южной стороне трёхэтажного фасада из песчаника можно увидеть нарядный каменный рельеф с изображением Малого герба Нюрнберга – работа Адама Крафта. Надпись свидетельствует о том, что строительство здания продолжалось ровно один год. В настоящее время это лучшая в Германии студенческая гостиница.

Башня Luginsland с четырьмя эркерами вплотную примыкающая к зданию Кайзеровских конюшен, построена для наблюдения за Бургграфенбургом в 1377 г., когда обострились отношения между городом и бургграфом, наместником кайзера.

С площадки у Пятиугольной башни, откуда через ров прыгнул разбойник Эппеляйн, можно пройти к бастионам с садами (с мая по октябрь). Здесь в 1678 г.

Отважный рыцарь–разбойник (сага)

В Германии известна старая острога, связанная с нюрнбержцами: «Нюрнбержцы никого не вешают, им надо было бы сначала этого кого–то поймать» (Die Nürnberger hängen keinen, sie hätten ihn denn zuvor).

В ходе истории некоторые профессии вдруг становились ненужными. Так, в позднем Средневековье в Германии рыцари оказались, так сказать, без работы. Прекратились Крестовые походы, власть немецких кайзеров ослабела, уже был изобретён чёрный порох, появились пушки, ружья, и рыцари со своим вооружением стали никому не нужны.

Однако образ жизни бывших рыцарей менялся очень медленно. Они жили в своих замках, собирая оброк с крестьян, работавших на их землях, беднели всё больше и больше, иногда из–за гордости, иногда из–за невозможности приобрести другую «специальность». Естественно, что богатеющие горожане вызывали у них зависть – они–то, по мнению рыцарей, и были причиной их бедности. Так постепенно рыцари превращались в рыцарей–разбойников.

Один из них, рыцарь Эппеляйн фон Галлинген, на самом деле был не рыцарем–разбойником, а скорее разбойником с большой дороги. Он был полной противоположностью настоящим нюрнбержцам, поэтому и стал легендарной личностью. Почтенные купцы Нюрнберга были для него ненавистными имперскими торговцами – «мешками с перцем», заботящимися только о соблюдении правопорядка и законов. Он же шатался по стране, зловещий, неряшливый, без определённых занятий и без средств к существованию. Своих преследователей он ловко обводил вокруг пальца, просто «садился им на голову», как надоедливое насекомое. Однажды его удалось–таки схватить. Согласно легенде, этот рыцарь–разбойник перед казнью попросил позволить ему в последний раз оседлать любимого коня. И когда ему это разрешили, то на глазах палача и собравшихся горожан он совершил невероятно смелый прыжок через крепостную стену и крепостной ров, в свободу, в свою стихию. У Пятиугольной башни на скале на парапете крепостной стены и сейчас впечатаны следы конских подков.

художник, гравёр на меди, астроном и математик Георг Христоф Айммарт основал обсерваторию. Отсюда наблюдали солнечные и лунные затмения, движение трёх комет и даже затмение Юпитера луной. Однако обсерватория просуществовала здесь всего десять лет. Бастионы пришлось освободить из-за военной угрозы. На соседней площадке с большим цветником слева есть лестница, ведущая в ров, несколько ступенек вниз по этой лесенке и слева – дверь на крытую галерею крепостной стены, откуда открывается замечательный вид на самую старую городскую **площадь Tiergärtnerplatz** под стенами замка.

Этот уголок Старого города пострадал меньше всего в бомбардировках. Поэтому маленькая площадь, в окружении многоэтажных фахверковых домов и крепостной стены, выглядит особенно романтично. Чтобы попасть на эту площадь, вернёмся на бастион, пройдем до первых ворот, повернём направо и выйдем к скале с замком. На улице Am Ölberg, идущей вдоль скалы, в тени большого, ещё довоенного, каштана, стоит самый старый фахверковый дом Нюрнберга (1338), о чём сообщает табличка на стене. Спустимся вниз по лесенке и окажемся на площади.

В бывшем **Доме Дюрера (2)**, купленном художником в 1509 г., счастливым образом уцелевшим, сейчас расположен музей. Здесь мастер жил и работал до своей смерти. Посетитель может почувствовать ту среду, в которой творил великий художник. Сохранилась в оригинале кухня (кроме утвари). Богато обставленная гостиная реконструирована в стиле эпохи Дюрера. На третьем этаже оборудована мастерская со всеми принадлежностями художника и гравера на меди, необходимыми в то время. Здесь находится воссозданный печатный пресс времени Дюрера для изготовления гравюр на дереве. Оригинальные произведения мастера, к сожалению, тут не представлены, но имеется большой выбор гравюр и копий его картин, оказавших огромное влияние на других художников.

Двор Старого города (Der Nürnberger Altstadthof), Bergstraße 19–21

В этом дворике старого Нюрнберга расположена пивоварня. Здесь варят несколько сортов пива по старинным традиционным рецептам. Медные котлы, деревянные бродильные чаны, подземные помещения для хранения готовой продукции, использование экологического сырья – всё это отвечает правилам пивоварения 1516 года. Под этим, одним из старейших, зданий города находится таинственный лабиринт нюрнбергского подземелья в скале, где ещё 600 лет назад хранилось пиво и вино. В уютный зал лучше прийти днём, так как вечером он полон постоянных посетителей. Летом можно посидеть во внутреннем дворике за традиционными длинными столами с такими же длинными скамейками, типичными для Франконии. К пиву подаётся соответствующие франконские блюда и хлеб, испечённый в собственной печи.

Огромное фахверковое строение со статуей святого Георга на углу носит имя **Дом Пилата (3, Pilatushaus)**. Это бывший дом мастера рыцарских доспехов Грюневальда. Вся средневековая история Нюрнберга связана с этой фамилией, члены которой, согласно хронике Ульмана Штримера, были издавна ответственны за снаряжение городской армии. Но один из представителей этой семьи, Герман Грюневальд, изготавливавший доспехи для воинов и снаряжение

Фигура Св. Георга

для верховых лошадей, снискал особенную известность. Возможно, о нём писал испанский рыцарь Тафур, гостивший в Нюрнберге и восхитившийся нюрнбергской кольчугой. Самым заметным представителем этой династии был сын Германа, Ганс. Он впервые применил в рыцарском снаряжении шарниры, позволившие воину почувствовать себя свободнее. Мастеру к тому же удалось значительно уменьшить вес доспехов, что расширило круг его заказчиков. Однако консервативный Городской совет не разрешал ему приобрести новое помещение для мастерской и нанять необходимое число подмастерьев. Только когда Грюневальд оказался не в состоянии выполнить заказ одного из членов Городского совета, он получил, наконец, разрешение нанимать в свою мастерскую на двух-трёх подмастерьев больше

и на строительство большого дома у стены рядом с воротами Tiergärtnerort. В 1489 г. началось возведение этого четырёхэтажного фахверкового строения, угол которого мастер позже украсил фигурой Святого Георга в рыцарских доспехах. Святой Георг почитался заступником воинов. В тот же год мастер получил престижный заказ, о котором можно было только мечтать – наследный принц Максимилиан, будущий кайзер, заказал ему новое снаряжение. Когда семь лет спустя Саксонский двор заказал Грюневальду лёгкий, богато украшенный щит для будущего Фридриха Мудрого, тогда еще десятилетнего ребёнка, мастер был уже, бесспорно, звездой своей цеховой гильдии.

После смерти Грюневальда дом много раз переходил из рук в руки, и, в конце концов, в 1851 г. он был куплен бароном фон Ауфзесом, основателем Германского национального музея. В настоящее время это роскошное здание принадлежит городу. Интересно происхождение имени дома. Расстояние от него до средневекового кладбища Св. Иоанна равно длине пути Христа от дома Пилата в Иерусалиме до Голгофы. Семь рельефов Адама Крафта «Крестный путь» стоят по улице Burgschmietstrasse, на пути от этого дома до шатровой капеллы на кладбище Св. Иоанна (*подробнее в гл. об А. Крафте*).

Особенный контраст с окружающими площадь зданиями представляет современная загадочная **бронзовая скульптура гигантского зайца**, «Hommage à Dürer» (Дань уважения Дюреру), якобы напоминающая зайца с известной акварели мастера.

От Дома Дюрера вниз ведёт улица Albrecht-Dürer-Straße с очень симпатичными домами. Дом (№ 17) бывшего нюрнбергского **златокузнеца (ювелира) и изобретателя Венцеля Ямнитцера** украшает рельеф с изображением мастера. Обязательно обратите внимание на улочки, которые будете пересекать. Улица Lammsgasse (справа) ведёт к городским воротам, раньше это была улица постоянных дворов. Торговые караваны с запада проезжали в город через эти ворота и тут же

останавливались на ночлег. Слева откроется улица Füll. Это бывший ров перед первым крепостным укреплением. Здесь жили знатные горожане, почти каждый дом имеет хёрляйн на фасаде, а крыши украшены самыми разнообразными затейливыми надстройками. Под крышей одного из домов можно увидеть, ведущую на верхний этаж типично старонюрнбергскую резную деревянную галерею.

На постоялом дворе «Roten Ross» (угол улиц Albrecht-Dürer-Straße и Weinmarkt), по тем временам фешенебельном «отеле», останавливались знаменитости, в их числе кайзер Леопольд II, король Людвиг I, Гёте и наш Денис Иванович Фонвизин.

Наша следующая цель – **Музей игрушек (4) (Spielzeugmuseum, ул. Karlstr. 13-15)**. Уже с XV века Нюрнберг славится городом игрушек. Его искусным мастерам особенно удавались изящные миниатюрные вещицы – маленькие торговые лавки, ярмарки, беседки, сараи, конюшни, городские площади и крестьянские дворы, заполненные несметным количеством деревянных человеческих фигурок. Это были миниатюрные копии людей минувших эпох, одежда и причёски которых соответствовали времени их создания. Исторический стиль соблюдался и в кукольных домиках, в мебелировке и малюсеньких предметах обихода, вплоть до тарелок, кувшинов, грелок и тазиков для бритья. Кукольные домики изготавливали не для игры, а для обучения девочек ведению домашнего хозяйства. Кроме того, аристократы охотно заказывали прославленным нюрнбергским мастерам миниатюрные копии интерьеров своих домов.

Когда у Короля Солнце, Людовика XIV, появился наследник престола, по совету военного министра он отправил гонца в Нюрнберг с целью заказать нюрнбергским мастерам целую армию оловянных солдатиков. Благодаря вмонтированным шестерёнчатым механизмам солдатика имитировали занятия строевой подготовкой. В XIX веке производство, организованное в Нюрнберге художником и гравёром Эрнстом Хайнрихсенем, снискало уже мировую славу.

По заказам русских монархов нюрнбергские мастера игрушек создавали из олова точные копии офицеров и солдат царской лейб-гвардии. Из различных источников известно, что в России в царской семье хранились уникальные собрания таких фигурок. Упоминания о нюрнбергских солдатиках часто встречаются в мемуарах кон. XIX – нач. XX в. Художник Александр Николаевич Бенуа, не имевший никакого отношения к военной службе, или граф Игнатъев, военный, или ученые Дмитрий Сергеевич Лихачёв и Борис Борисович Пиотровский, рассказывая о детстве, с нежностью вспоминали оловянных солдатиков. Некоторые образцы знаменитых нюрнбергских игрушек можно увидеть в Музее игрушек в Сергиевом Посаде.

Нюрнберг всегда был монополистом в области изготовления игрушек, поэтому

Чашепитие на улице согласно старой традиции

*Адам Крафт.
Св. Георг убивает дракона.*

естественным было именно здесь открыть Музей игрушек. Это событие состоялось в 1971 г. Город получил в своё распоряжение ветхий городской жилой дом, построенный зодчим Якобом Вольфом Старшим в начале XVII в. От первоначального здания сохранились только богато украшенный поздне-ренессансный фасад с барочным хёрляйном (1720), лепной потолок в стиле рококо в одном из его внутренних помещений и двери, ведущие в него. Четыре этажа музея, расположенного в сердце Старого города, демонстрируют сегодня всё многообразие мира игрушек от Антики до наших дней, собранных со всех уголков земного шара. Первая немецкая ярмарка игрушек состоялась в Нюрнберге в 1950 г. А с 1958 года она приобрела статус «международной» и с тех пор проводится здесь ежегодно в начале февраля.

Самое время передохнуть в кафе «Cafe-Confiserie Neef» (Winklerstr. 29), здесь огромный выбор вкусных пирожных и фруктовых пирогов. Несколько столиков стоят на тротуаре у входа в кафе, как раз напротив «Весов».

Вернёмся немного назад, пройдя по улице Schustergasse до улицы Winklerstr. На противоположной стороне улицы на здании Торговой палаты висит копия знаменитого рельефа Адама Крафта «Весы» (*подробнее в гл. об А. Крафте*).

Поднимемся к улице Weinmarkt, повернём налево и пройдем по ней к дому номер 6. Этот дом сразу после Реформации купил **Паулюс Праун (5)**, знаменитый нюрнбергский коллекционер, открывший тут художественную галерею, собрание которой изумляло и волновало умы современников, в том числе кайзера и многих немецких князей. Коллекцию составляли картины Микеланджело, Рафаэля, Тинторетто, Дюрера, Кранаха, графика Микеланджело, Тициана, да Винчи, Рафаэля и Босха. Ценная серебряная посуда украшала шкафы этого дома, здесь стояли кресла, обтянутые цветной кожей, ковры, доставленные из Турции, скатерти – из Венеции. Всё это богатство дополняли золотые кубки из наследства матери коллекционера.

Праун не имел прямых наследников, его единственная дочь ушла в монастырь. После его смерти какое-то время собрание удерживали племянники, но со временем знаменитая коллекция рассеялась по всему свету. Сохранился только дом. Как и во времена Гёте, его фасад украшает роскошный хёрляйн, а у входа висит копия рельефа Адама Крафта «Святой Георг убивает дракона». Сам рельеф погиб при бомбёжках. В часы работы магазина-ателье, расположенного на первом этаже дома, можно осмотреть внутренний дворик дома (10-12, 14-17, исключая выходные и праздники). В нём сохранились колодец XVI века глубиной десять метров и уникальная деревянная резная галерея, которая могла бы рассказать о знаменитостях со всей Европы, когда-то бывавших здесь.

В конце улицы Weinmarkt видны башни **церкви Св. Себальда (6)** (еванг.-лютер.). На просторной площади, открывающейся слева от церкви Св. Себальда, стоит **дом пастора** церкви с замечательным хёрляйном XIV в. (Копия, оригинал в Герм. нац. музее). С севера к этой площади примыкает **площадь Дюрера** с **памятником великому художнику (7)**, автор – нюрнбергский скульптор Бургшмит.

Покровителем города, выросшего у подножья крепости, считался святой Себальд. В окрестностях нынешнего Нюрнберга в середине XI века, согласно легенде, жил отшельник, почитаемый народом благодаря творимым им чудесам. Очень мало известно о его жизни, скит отшельника был в Поппенройте (деревушка рядом с Фюргом). По преданию около 1050-1060 гг. под стенами крепости он основал

Хёрляйн на доме пастора

Капелла Св. Морица и знаменитый трактир «Bratwurstglöcklein». Так простояли они тут вместе 631 год. До 2 января 1945 года.

Фрагменты внутреннего дворика Дома Прауна

капеллу Св. Петра, ставшую дочерней по отношению к церкви Св. Петра и Павла в Поппенройте. Согласно завещанию отшельника, его тело после смерти следовало положить на телегу, запряжённую двумя волами, и похоронить там, куда волы привезут её. Волы привезли телегу к капелле Св. Петра и остановились. В ней и был похоронен отшельник Себальд, канонизирован он был только в 1425 г.

В середине XIII века на месте этой капеллы, у стен крепости, началось строительство церкви Св. Себальда, старейшего храма нынешнего города. Сначала между 1230 и 1273 гг. была возведена двуххорная построманская базилика (два святых – Пётр и Себальд). Боковые нефы храма построены в 1309 г. уже в готическом стиле. В период 1361-1379 гг. части восточного хора были заменены мощным хором в стиле высокой Готики.

Внешнее оформление церкви Св. Себальда – это лучший пример немецкой Готики в Нюрнберге. Первые четыре яруса башен с маленькими оконными

отверстиями ещё романские. Пятый ярус в 1345 году перестроен в готическом стиле, окна увеличены в духе времени. В заключение, около 1483 года был воздвигнут шестой ярус с колокольней, со звуковыми окнами и галереями. Таким образом было достигнуто оптическое равновесие с мощной крышей восточного хора. Между башнями вперёд выступает романский хор, три его больших окна появились к началу XIV века. Среднее из них украшает полое бронзовое Распятие (1625), изготовленное литейщиком Иоганном Вурцельбауэром. Это – копия деревянного распятия, выполненного по заказу семьи Штарк, одной из аристократических семей Нюрнберга.

Святой Христофор у западного портала церкви

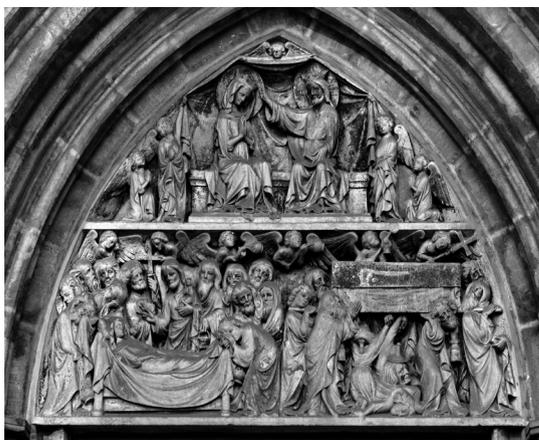
Северный фасад церкви Св. Себастьяна

Оригинальное распятие висело у входа на кладбище церкви Св. Себастьяна на арке, которая соединяла дом настоятеля церкви и **капеллу Св. Морица**. После обрушения арки изготовили бронзовую копию распятия и поместили её на среднем окне западного хора.

Капелла Св. Морица была разрушена в 1945 г. Контуры её плана можно увидеть и сейчас на брусчатке площади с северной стороны церкви Св. Себастьяна. С севера вплотную к капелле примыкал всемирно известный пятисотлетний трактир «Bratwurstglöcklein», в 1945 г. он вместе с капеллой погиб при бомбёжке.

Церковь Св. Себастьяна имеет 4 боковых (два с севера и два с юга) и два башенных западных портала. На северной стороне, прежде всего, бросается в глаза нарядный **Венчальный портал** со статуями пяти разумных и пяти неразумных дев. Разумные девы, ведомые Иисусом, изображаются всегда улыбающимися, неразумные же выглядят отчаявшимися.

Далее на северной стороне следует **портал Девы Марии**, в его тимпане рельефы, представляющие сцены Коронации, Успения и Погребения Девы Марии. Готические окна, относящиеся к XIV в., увенчаны декоративными остроконечными фронтонами, за ними скрывается старый романский неф с полуциркульными арочными окнами. На южной стороне церкви – **портал Трёх Волхвов** и **портал Страшного Суда**.

Портал Девы Марии

Для размещения в городе любых произведений изобразительного искусства требовалось особое разрешение Городского совета. В 1492 г. купцу Маттэусу Ландауэру и попечителю церкви Себальду Шрайеру (две семьи, связанные родством) на внешней стороне восточного хора церкви Св. Себальда было позволено поставить фамильную усыпальницу с вечно горящей поминальной лампадой. **Рельеф «Страсти Христовы»** для украшения усыпальницы был заказан Адаму Крафту. Согласно договору, для исполнения заказа Адам Крафт должен был разыскать устойчивый к непогоде твёрдый камень. Похоже, это условие было выполнено добросовестно. Более пятисот лет этот рельеф находится здесь, в нише стены. (*подробнее в гл. об А. Крафте*)

Сюжеты изображений снаружи и внутри церкви не случайны. Присмотревшись, можно понять, что рельеф Крафта был не просто украшением гробницы. Очень необычно представлена история Христа: справа налево. Возможно, это связано с тем, что гробница лежала на пути религиозных процессий, огибавших хор церкви по часовой стрелке. В XIV веке этот путь был отмечен рельефами Страстей Христовых на десяти контрфорсах восточного хора. В 1890 г. их заменили копиями из известняка. Продолжением сюжета усыпальницы Шрайер-Ландауэр на пути религиозной процессии, возможно, служил рельеф Крафта в тимпане портала южной башни, выполненный на пожертвование семьи патрициев Оертель. Тема не была, разумеется, персональным желанием заказчика, а определена местом расположения. На рельефе объединены сюжеты двух легенд – «Обретение Святого Креста» императрицей Еленой (слева) и «Возвращение Святого Креста» византийским императором Ираклием (справа).

У этого портала стоит огромная фигура мученика Христофора – одна из немногих сохранившихся нюрнбергских скульптур периода поздней Готики (оригинал в Герм. нац. музее). Святой мученик Христофор – покровитель путешественников, попавших в беду, изображался всегда великаном с посохом и ребёнком на плечах. Тимпан портала северной башни свыше 700 лет оставался пустым. С 1988 г. он заполнен рельефом, автор – нюрнбергский скульптор Хайнц Хайбер.

Внешне эта церковь в ходе её истории почти не претерпела изменений в противовес её внутреннему убранству, особенно пострадавшему в период Барокко. Но реставрация 1888-1906 гг. ликвидировала последние признаки барочного стиля. Позднероманский средний неф храма кажется необычно высоким из-за галереи трифория с его романскими аркадами. Над западным хором (рядом со входом справа), вверху под сводом находятся императорские хоры, или императорская ложа. Здесь самая лучшая акустика.

Большинство фигур у колонн главного нефа относится к 1340-50 гг. Внутреннее убранство церкви связано с его внешним оформлением. Например, отражением фигуры святого Христофора снаружи является фреска с его изображением внутри церкви. Фигура святой Елены с крестом у первого правого пилона центрального нефа – отражение темы на тимпане портала южной башни. В середине XIV в. над могилами плитам часто ставили скульптуры. Фигура «Страдающий Христос» (ок. 1370) у первой левой колонны главного нефа отмечала надгробие семьи Хольцшюэров, и ещё в XVIII в. под ней находилась могила этой семьи.

Считается, что каменный рельеф на втором правом пилоне центрального

нефа справа, представляющий Крестный путь Иисуса Христа, выполнен Адамом Крафтом в 1506 г. по заказу патриция Петера Харсдёрфера. На южном пилоне триумфальной арки при переходе из центрального нефа в восточный хор висит мемориальное полотно-эпитафия, посвящённая Карлу IV Хольцшюэру. Это копия работы Альбрехта Дюрера «Оплакивание Христа» (ок. 1498-1500). Оригинал находится в Германском национальном музее.

В XIII-XIV вв. в пластике и в живописи монументальный стиль сменился так называемым «мягким» стилем. Атмосферу того далёкого времени передаёт фигура святой Катарины (ок. 1320), находящаяся у одного из пилонов главного нефа церкви слева. До Второй мировой войны она стояла снаружи, у портала Страшного Суда. Один из пилонов хора с этой же стороны украшен изображением Мадонны в «лучезарном венце» (ок. 1425-1430, грушевое дерево). Это произведение неизвестного нюрнбергского мастера, выполненное в том же «мягком» стиле.

В восточном хоре находится главное сокровище церкви – **рака с мощами святого Себальда**. Декоративный, украшенный серебряными чеканными гербами империи и города ларь из позолоченной меди, предназначенный для хранения останков святого, был готов в 1397 г. В 1508 г. нюрнбергский литейщик Петер Фишер Старший получил заказ от Городского совета на изготовление бронзовой гробницы. На создание этого шедевра у мастера с его сыновьями ушло больше десяти лет, и с 1519 года гробница является достойным обрамлением готического ларя с мощами святого Себальда. Высота её 4,71 метра. Продольные стенки тумбы, на которых покоится ларь, украшены четырьмя рельефами со сценами из жизни святого. В нише с западной стороны сооружения прячется фигура святого Себальда, а с восточной стороны в рабочем платье изображён автор, Петер Фишер Старший. Многочисленные фигуры гробницы были изготовлены сыновьями мастера. На основании расположены скульптурные изображения четырёх античных и библейских героев (Нимрода, Тезея, Самсона и Геракла) и четырёх главных добродетелей (Мудрость, Смелость, Благоразумие, Справедливость). На узких колонках перед пилонами стоят фигуры двенадцати апостолов, над ними на фиалах помещены статуи двенадцати пророков.

Между средними колоннами галереи восточного хора находится алтарь. Он стоит на месте главного средневекового алтаря церкви. Сцена Распятия над ним создана известным нюрнбергским резчиком по дереву и скульптором Файтом Штоссом. Ещё одно из интереснейших сокровищ церкви на стене восточного хора того

Фигура святой Катарины

Средний неф церкви Св. Себастьяна

же автора – каменный глубоко выработанный рельеф-триптих («Тайная Вечеря», «Моление на Масличной горе» и «Взятие Иисуса Христа под стражу»). В правой части триптиха на ножнах меча мастер датировал произведение (1499) и поставил знак мастера, на верхней части ножен – своё зашифрованное имя. Высеченные из дуба скульптуры Марии и Страдающего Христа над рельефом составляют с ним одно целое и также выполнены Файтом Штоссом (*подробнее в гл. о Ф. Штоссе*).

Витраж среднего (Кайзеровского) окна галереи хора выполнен на пожертвова-

ние кайзера Максимилиана I, возможно, по эскизу Альбрехта Дюрера. Под соседним окном слева, витражи которого были также обновлены по эскизам Альбрехта Дюрера, в обрамлении многочисленных фигурок находится сакраментальная ниша (сооружение для дарохранительницы), после алтаря – важнейшее литургическое место во всей церкви. Рельеф Адама Крафта (усыпальница семьи Шрайер-Ландауэр) расположен снаружи хора точно позади сакраментальной ниши. Получить такое место для усыпальницы было особенно почётно.

Великолепная роспись по стеклу остальных окон восточного хора выполнена в XIV-XVI вв. на жертвования патрициев Нюрнберга. У северной стены хора висит поминальная лампада (1657) аристократической нюрнбергской семьи Тухер. Здесь же на стене мемориальная доска, где упоминаются члены этой семьи, начиная с 1326 года до сего дня. Рядом на стене нельзя не заметить триптих-эпитафию настоятелю церкви Лоренцу Тухеру, главную работу художника Ганса Зюсса фон Кульмбаха, ученика Альбрехта Дюрера. Она выполнена под несомненным итальянским влиянием. Вверху справа над ней на консоли стоит монохромная фигура апостола Андрея, выполненная Файтом Штоссом (ок. 1506, липа, *подробнее в гл. о Ф. Штоссе*).

Сейчас трудно себе представить, что в 1945 г. при прямом попадании бомбы обрушились весь свод хора и крыша церкви. Первое богослужение в полностью восстановленной церкви состоялось только в 1957 г.

На улице Burgstraße, ведущей к крепости, когда-то жили великие люди Нюрнберга: Михаэль Вольгемут – учитель Дюрера, Хартманн Шедель – автор самого крупного в мире первопечатного издания, Иоганн Георг Нойдёрфер – создатель немецкого готического шрифта, издатель Антон Кобергер и, наконец, здесь вырос гениальный сын Альбрехта Дюрера Старшего, дом которого стоял последним по левой стороне улицы, перед самой скалой. На пересечении улицы Burgstraße и переулка Brunnengäßchen (напротив Фембохауса) ещё можно найти остатки строений Доминиканского монастыря середины XIII века.

Бомбёжки Второй мировой войны в этом районе пережил только **Фембохаус (8)**, ныне здание **Городского музея**. Этот единственный в Нюрнберге полностью сохранившийся городской жилой дом в стиле Ренессанс построен в конце XVI в. В 1734 году сюда переехала самая крупная картографическая фабрика империи,

Рака с мощами святого Себастьяна

основанная Хофманом. Здесь издавались первые точные географические карты. Дом носит имя купца, владевшего им в XIX в. За его роскошным фасадом в настоящее время размещены ценные экспонаты из почти тысячелетней истории Нюрнберга. Фембохаус со своим оригинальным внутренним убранством знакомит посетителей с буржуазной культурой жилища времени Барокко. Экскурсия начинается на самом верхнем этаже с «озвученной» модели города 1939 г. Здесь можно посмотреть 50-минутный очень динамичный фильм Norigama, представляющий историю города в стиле поп-арт.

В центре Старого города чуть выше Главной рыночной площади вытянулось роскошное здание **Городской ратуши (9)**. Стиль его можно определить как поздний Ренессанс или как раннее барокко. При строительстве ратуши пришлось учитывать неровность рельефа. Здание, четырёхэтажное с южной стороны, с северной стороны превращается в трёхэтажное. По-видимому, в ограниченном пространстве средневекового города не нашлось более подходящего места для строительства этого импозантного здания. И оно со своим роскошным фасадом стоит как-то застенчиво в тени хора церкви Св. Себальда, немного мрачноватого, хотя и относящегося ко времени высокой Готики.

Очень глубокое подземное помещение с девятью отдельными камерами напротив хора церкви Св. Себальда ещё в XIII в. принадлежало монахам Цистерцианского монастыря из Хайльсбронна. В XIV в. Городским советом оно было перестроено в тюрьму, и в подземном помещении ратуши, позже построенной на этом месте, оказались тюрьма (Lochgefängnis) и камера пыток. Старейшей частью комплекса зданий ратуши является расположенный с южной стороны знаменитый **Готический зал (10)**, здание с готическими окнами и со ступенчатым фронтоном (1332-40). В те времена он считался самым большим светским залом севернее Альп, как принято говорить в Германии.

С северо-востока к этому зданию примыкает позднеготическое строение «Трактир Господ Советников» (1514-1515, Ганс Бехайм). В 1520 г. Городской совет решил провести основательную реставрацию Готического зала. Альбрехт Дюрер вместе со своим другом гуманистом Виллибальдом Пиркхаймером разработал иконографическую программу для росписи стен. Дюрер выполнил эскизы для мебели, в том числе эскизы трона и светильника. В мастерской Фишеров была отлита бронзовая решётка для ратуши Аугсбурга. Заказчик по каким-то причинам не взял её, и Городской совет решил установить решётку в западной части Готического зала, где заседал суд. В 1613 г., почти через сто лет, настенная роспись зала была отреставрирована, а его цилиндрический свод облицован деревом. Мастер Ганс Вильгельм Бехайм изготовил для зала три роскошных деревянных светильника. Здесь, в этом зале, кайзер на троне принимал присягу горожан. Здесь 3 марта 1525 года для проведения религиозной дискуссии собралась политическая и духовная элита города. Это был один из начальных моментов реформы церкви. 25 сентября 1649 г. торжественным обедом в Готическом зале ратуши отмечалось окончание Тридцатилетней войны. Это событие запечатлено на картине Сандрарта (Стр. 67). Она висит сейчас в Городском музее в Фембохаусе. Участники торжественного обеда в прямом смысле были пронумерованы художником – он приложил к картине две доски с именами персон, соответствующих этим номерам.

Всё внутреннее оформление Готического зала было уничтожено во время пожара 1945 г. В настоящее время о былой имперской мощи города напоминают только гербы по краям свода (имперский и 7 гербов курфюрстов). На восточной стене зала висят два каменных рельефа. На левом изображён кайзер Людвиг IV Баварский (XIV век), покровитель Нюрнберга. На правом – символические фигуры: Норимберга, передающая «старшей сестре», могучей Брабанте (историческая область на месте нынешней Бельгии), в подарок меч, перчатки, пояс и книгу. Нюрнберг один раз в год приносил дары Брабанте и потом весь год мог вести беспошлинную торговлю с её городами. Исторический Готический зал продолжает служить городу, здесь проходят праздники и церемонии награждения.

В 1616 г. Городской совет Нюрнберга решил возвести новую ратушу в духе времени – по образцу итальянских дворцов. Однако здание получилось не вполне итальянским, за что мы должны быть благодарны гениальному зодчему Якобу Вольфу Младшему, спланировавшему этот четырёхфлигельный комплекс. Впервые в архитектурной истории города с вертикально ориентированным готическим типом зданий появился монументальный, вытянутый по горизонтали дворец с совершенно неизвестными в Италии башенками. Благодаря этим надстройкам, напоминающим готические эркеры на крышах Нюрнберга, ренессансно-барочное здание ратуши не контрастирует с городскими строениями. Старая ратуша с Готическим залом была сохронена, новые корпуса примыкают к ней с северной стороны.

Якоб Вольф Младший, автор проекта новой ратуши, был сыном городского архитектора Якоба Вольфа Старшего, участвовавшего в создании моста Fleischbrücke (Мясной мост) и Дома Пеллера. Городской совет отправил молодого мастера

Готический зал ратуши. Довоенная фотография.

Ратуша

*Центральный портал
ратуши*

в Италию для изучения «нового искусства». Первым его заказом по возвращении в Нюрнберг было здание городского строительного управления, построенное незадолго до Тридцатилетней войны, в 1615 г. Это здание ещё и сегодня занято Городским департаментом по строительству (Bauhof, юго-запад Старого города). Успешное завершение первого заказа определило следующий – возведение новой ратуши. В своём проекте Якоб Вольф использовал лучшие элементы уже построенного им здания: рельефную облицовку углов (рустика), обрамление портала и окон, одним словом, всё очарование южной архитектуры, пленившей его в Италии.

Мастер находился в расцвете творческих сил. Это был человек, любящий жизнь, общительный, весёлый, не было трактира, в который он, проходя мимо, не зашёл бы. В архиве сохранился документ, где всем предписывается «воздерживаться от попок с мастером Якобом Вольфом». Но предупреждения не помогли, и, в конце концов, Городской совет отстранил мастера от руководства строительством. Вскоре стало ясно, что без автора работа над ратушей не движется, и его вновь пригласили её возглавить. При этом «мастеру Вольфу запрещено посещать попойки и трактиры», но «разрешено выпивать ежедневно пол-литра вина». Жене мастера предписано следить за мужем, не позволяя ему принимать спиртное выше назначенной меры. Эти указания были выпущены в июле 1619 года,

а в феврале следующего года Якоб Вольф ушёл из жизни, оставив своей семье огромные долги.

С большой вероятностью можно сказать, что в бюсте под гербом империи над главным порталом ратуши он увековечил себя. Прошло три года, прежде чем строительство ратуши было закончено, да и то без восточного флигеля. В Европе началась страшная война, названная впоследствии Тридцатилетней. Понадобилось

несколько десятилетий, чтобы достроить задуманный Якобом Вольфом комплекс. Его главный фасад украшают три портала с колоннами тосканского ордера, треугольными фронтонами и красочно выполненными гербами (имперский и два городских). Над центральным порталом покоятся две мощные женские фигуры: Справедливость с мечом и весами и Мудрость с зеркалом и ветвью кипариса. Четыре буквы (P.L.E.G.) на картуше над орлом, означающие «Prudentia, Lege et Gratia» (лат. – Благоразумие, Закон и Милость), вместе с пеликаном, разрывающим свою грудь, чтобы кровью напоить птенцов, – символы, под знаком которых правил Городской совет. Имперский герб над центральным порталом был выполнен Кристофом Ямнитцером, внуком известного златокузнеца Венцеля Ямнитцера.

Над крайними порталами возлежат фигуры аллегорий четырёх великих властителей мира. Над северным – Нинус с двукрылым львом, олицетворяющий «город», (Ассирийско-Вавилонская империя) и Кир Великий с медведем (Персидское государство). Над южным порталом – Александр Македонский (Великий) с четырёхкрылым и четырёхголовым леопардом (империя Александра Великого) и Цезарь с десятирогим волком (Римская империя).

Со второй половины XVI в. большой двор ратуши украшает **фонтан с очаровательной бронзовой фигуркой ангелочка** с флажком. В центре уютной, закрытой со всех сторон небольшой площади у здания Старой ратуши стоит **фонтан Gänsemännlein («Мужичок с гусями»)**. Автором этих двух фонтанных скульптур был нюрнбергский литейный мастер Панкрац Лабенвольф. Наш «Мужичок» настолько хорош, что Гёте, страстью которого была бронзовая пластика, заказал копию, которая и стоит в центре Веймара. Копии фонтана стоят также в замке Хоэншвангау, Майнингене и в Люцерне (Швейцария).

Мужичок с гусями

На **Главной рыночной площади (11)** господствует **церковь Богоматери (12)**, Фрауэнкирхе, римско-катол.). После сожжения синагоги, стоявшей на этом месте, на щедрые пожертвования кайзера Карла IV здесь началось строительство церкви «во славу и хвалу императорской власти, в честь Матери Божьей и во спасение мирян». На праздничной процессии и торжественной службе в честь её открытия в 1356 г. присутствовал сам Карл IV (Стр. 22-23).

Эта церковь предназначалась для важных государственных церемоний, о чем свидетельствуют портик с балконом и поистине царственный её фасад, украшенный многочисленными гербами, среди которых – герб Священной Римской империи, гербы семи курфюрстов, имевших право избирать императора, а также городские гербы Нюрнберга и Рима. Её строительство связано с такими политическими событиями, как коронация Карла IV в качестве императора Священной Римской империи (1355) и принятие им свода законов «Золотая булла» (1356). Западный

хор церкви, императорский, был освящён в честь святого Михаэля, не только предводителя Божьей рати против сил тьмы, но и ангела-хранителя немецкой нации и покровителя императора и империи. Предание гласит, что по меньшей мере однажды – при рождении сына Карла IV Вацлава (Венцеля) в Нюрнберге – с балкона Фрауэнкирхе народу показывали имперские сокровища. С 1424 г. они постоянно хранились в Нюрнберге и ежегодно выставлялись на публичное обозрение с помоста, специально выстраимого на площади (Стр. 23).

Ступенчатый фронтон церкви украшен пятью рядами ниш, в которых раньше стояли 36 статуй, ни одна из них не сохранилась. Колокольная башенка была поставлена во время реконструкции церкви в 1506-09 гг. В этот период в работах над её фасадом принимал участие нюрнбергский скульптор Адам Крафт. Фасад украшают часы, каждый день в полдень оглашающие начало представления – под бой колоколов открываются дверцы, появляются семь курфюрстов, они проходят три раза мимо кайзера и присягают ему на верность.

Кайзер Карл IV, верный традициям Карла Великого, при строительстве этой церкви взял за образец капеллу в Аахене (Дворцовая капелла – место коронавания германских королей). Эта церковь с двумя боковыми нефами и императорским хором в плане представляет собой квадрат. Роскошный притвор Фрауэнкирхе отделан пышным ажурным орнаментом и оснащен тремя порталами. Главный портал ведёт в просторное помещение зальной церкви с тремя нефами одинаковой высоты. Приглушённый свет, проникающий через узкие высокие окна, освещает восточный хор. Витражи нижних ячеек среднего окна (Кайзеровского) датированы 1358 г. и причисляются к старейшим витражам Нюрнберга. Главный алтарь (1445-1450) был выполнен неизвестным нидерландским мастером на пожертвование семьи Тухеров, братьев Антона и Павла, для церкви Августинского монастыря. На правой створке изображены два святых – Павел и Антоний. Отец Альбрехта Дюрера водил сына в

Предвоенная зимняя сказка в Нюрнберге

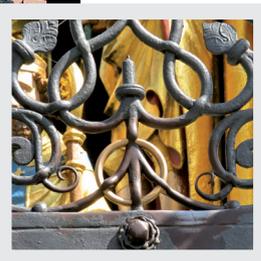
Августинский монастырь и показывал ему этот алтарь. В пространстве хора перед алтарём в каменный пол впечатано изображение шестиконечной «Звезды Давида» в память о событии 1349 г.

В церкви Богоматери можно увидеть две работы Адама Крафта. На северной стене – эпитафия семье Перингсдёрфер (1500, песчаник, в XIX в. раскрашена маслом), перенесённая сюда из Августинского монастыря при его сношении в 1816 г. Слева у входа в хор – эпитафия семье Ребекк (1500, «Коронование Марии», песчаник, раскрашена маслом), первоначально находилась в Доминиканском монастыре. На стенах сохранились остатки фресок XIV-XV вв. Если со стороны алтаря посмотреть в направлении входа, то вверху увидим изумительную кружевную массверковую балюстраду ложи кайзера, переходящую в пространство хора Св. Михаэля.

Уже более шестисот лет над колодцем в северо-западном углу Главной рыночной площади стоит 19-метровая ярко раскрашенная готическая башенка из песчаника, сужающаяся кверху тремя уступами. Это архитектурное сооружение было создано каменотёсом Генрихом Бехаймом между 1385 и 1392 гг. В XV веке его раскрасили, покрыли позолотой и назвали **«Прекрасным колодцем» (13, Schöner Brunnen)**. Здесь вблизи можно рассмотреть массу архитектурных готических деталей. Тут и краббы, и фиалы, и крестоцветы, и готические балдахины над фигурами. «Прекрасный колодец» для людей позднего Средневековья был одновременно Библией, энциклопедией и основным законом. В то время ещё не было книгопечатания, и народ жил в мире, наполненном знаками и символами, смысл которых был известен тогда каждому. В христианской средневековой символике число восемь означало счастливое начало – духовное возрождение, крещение или воскресение – и было символом нового союза и одновременно символом счастья. Это число положено в основу конструкции «Прекрасного колодца». Он стоит на восьмиугольном трехступенчатом основании. На самом верхнем

Главная рыночная площадь с фонтаном Нептун. Довоенная открытка.

Прекрасный колодец

урвне расположены восемь фигур, символизирующих праведную власть – Моисей с двумя скрижалями и семь пророков (Исаия, Иеремия, Даниил, Иезекииль, Иоиль, Амос, Осия). На следующем уровне парами на консолях стоят семь курфюрстов и девять идеализированных героев всех времён – Гектор Троянский, Александр Великий и Юлий Цезарь, Иуда Маккавей и царь Давид, Иисус Навин и король Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский.

Эта картина, отображающая средневековое понимание истории и олицетворяющая государственный порядок Римской империи, снизу дополнена восемью сидящими фигурами – четыре евангелиста (Матфей, Марк, Лука, Иоанн) и четыре отца римской церкви (Амвросий Медиоланский, Иероним Стридонский, Аврелий Августин Блаженный, Григорий Великий). В качестве служителей Божественного познания у основания пирамиды расположены фигуры, олицетворяющие семь свободных искусств: Цицерон (Риторика), Пифагор (Музыка), Эвклид (Геометрия), Никомах (Арифметика), Донат (Грамматика), Аристотель (Диалектика), Птолемей (Астрономия). Сократ с книгой (Философия) сидит тут, скорее всего, для поддержки общей концепции, опирающейся на число восемь.

«Прекрасный колодец» много раз реставрировался. В 1587 г. для него была выкована затейливая железная ограда-решётка. Плохо сохранившиеся, выветренные временем остатки скульптур оригинала хранятся в Германском национальном музее. В начале Второй мировой войны копия «Прекрасного колодца» (1897-1902) на Главной рыночной площади была одета в бетон и поэтому благополучно пережила бомбёжки. На юго-западной и северо-восточной частях ограды вставлены свободно вертящиеся кольца. Наиболее популярное из них «золотое кольцо». Говорят, что если его покрутить и при этом загадать желание, то оно обязательно сбудется.

Имперские сокровища. Адам Дельсенбах.

Имперская корона

*Император
в парадном одеянии*

Святое копьё

Одиссея фонтана «Нептун»

Кроме церкви Св. Эгидия, о времени Барокко в Нюрнберге напоминает фонтан «Нептун», сто лет назад украшавший Главную рыночную площадь, а ныне находящийся в Городском парке, в северной части города. Стиль Барокко завладел Европой после окончания Тридцатилетней войны, когда её большие города уже имели пышные фонтаны. Только Нюрнберг не обладал ничем подобным, и Городской совет, несмотря на тяжелейшее финансовое положение, решил в честь окончания этой страшной и долгой войны выделить колоссальную по тем временам сумму (22 тысячи гульденов) для создания фонтана. Его предполагалось установить на Главной рыночной площади. Авторами проекта были скульптор Георг Швайгер и мастер бронзового литья Христоф Риттер. В качестве материала использовались отслужившие свой век орудия из арсенала. Это было символично – превратить орудия войны в памятник миру. У основания высокого постамента с величественным Нептуном высотой 2,5 метра на фигурах дельфинов и морских драконов должны были резвиться тритоны, а на тумбах – гордо восседать огромные, выше человеческого роста nereиды. На морских конях (не коньках!) – всадники. Но всему этому великолепию не суждено было в то время красоваться на Городской рыночной площади Нюрнберга. Затраты, необходимые для ввода фонтана в действие, казна города уже была не в состоянии выдержать. Поэтому все части готового фонтана сложили в подвал Городского департамента по строительству. За небольшую плату интересующиеся, в основном гости города, могли осмотреть великолепные бронзовые фигуры, покрытые пылью. «Самый роскошный струйный фонтан во всей Германии», – писал о нём фон Блэнвиль в своих заметках. Иоахим фон Сандраг отдал ему должное в своей «Немецкой Академии искусств». Он считался самым красивым фонтаном севернее Альп.

Продолжая испытывать нужду в средствах во второй половине XVIII в., власти города пытались продать кому-то это сооружение, ставшее уже знаменитым в Европе. Среди потенциальных покупателей были Екатерина Великая, король Франции, один польский князь и король Пруссии, но запрошенная сумма была слишком велика. Наконец, в 1796 году из Петербурга пришло сообщение – Павел I, только что вступивший на русский престол после смерти своей матери, готов купить фигуры знаменитого фонтана. Через год груз был упакован и доставлен в гавань Любека за счёт царской казны. Затем был перевезён в Санкт-Петербург на корабле. Многофигурная композиция «Нептун» после реконструкции вписалась

Нептун в Петергофе

в художественный облик Петергофского дворца. Выглядит она совсем не так, как замыслилась авторами. Фигуры поставлены в широкую чашу на некотором расстоянии от фигуры Нептуна, а постамент с властелином моря слишком низок.

Во время Второй мировой войны гитлеровцы, захватив Петергоф, обнаружили этот фонтан, между прочим, не спрятанный, как все остальные фонтаны, а стоявший под обстрелом с двух сторон. Фонтан был разобран и отправлен в Нюрнберг. Вместе с остальными ценностями города он благополучно пережил тяжёлое военное время в кунстбункере под скалой. После окончания войны ящики с частями фонтана американцы передали в руки их владельцев, и в декабре 1947 г. скульптурная группа была вновь доставлена в Петергоф. В 1956 г. фонтан, смонтированный на прежнем месте, был введён в действие.

В Нюрнберге, однако, воспоминание об этом памятнике времени Барокко осталось живо и после его продажи. В течение XIX в., когда экономическое положение города улучшилось, власти не раз пытались выкупить фонтан, но попытки были безуспешными. В 1902 г., благодаря щедрому пожертвованию торговца хмелем Людвиг Гернгросса, копия вожделенного фонтана, наконец, украсила Главную рыночную площадь. Пожертвовав крупную сумму, Гернгросс поставил только одно условие – фонтан должен быть установлен на Главной рыночной площади, как он планировался более двухсот лет назад. Удивительным образом этот барочный фонтан вписался в окружённую готическими зданиями площадь. Но 30 лет спустя по воле нового повелителя фонтан исчез с площади. Табличка на его цоколе гласила, что он создан на средства почётного гражданина города. Всем было известно, что этот почётный гражданин являлся лицом иудейского вероисповедания. К тому же на теперь уже переименованной площади Адольфа Гитлера фонтан мешал партийным собраниям и шествиям, и в 1934 г. его перенесли на нынешнюю площадь Вилли Брандта (недалеко от жел. дор. вокзала). Он стоял напротив здания, в котором базировался наместник Гитлера во Франконии, гауляйтер Юлиус Штрайхер. Хотя фонтан во время войны не был укрыт, скульптуры не были повреждены в воздушных налётах.

В 1962 г. в связи с перепланированием окружения площади многострадальный фонтан установили у пруда в Городском парке. С тех пор здесь, за пределами Старого города, в нелепой чаше (барочный оригинал ещё хранится где-то) прозябает редко кем замечаемый, не настоящий, но выглядящий как настоящий, знаменитый «Нептун» с трезубцем в руках. А в Петергофе стоят настоящие фигуры, но на низком широком постаменте, и выглядит фонтан совсем не так, как настоящий.

Нептун в Нюрнберге

Кристкиннд и Рождество

В Средневековье дети получали подарки не в Рождественский сочельник, как сейчас это принято, а в День Святого Николауса, 6 декабря, или в День Невинных детей, 28 декабря.

Протестанты отказались от римско-католической формы почитания святых, и с большой вероятностью можно сказать, что именно Лютером вместо Николауса была изобретена символическая фигура Кристкиннда, под которой подразумевался ангел, а вовсе не младенец–Христос. Теперь в разных областях немецко-говорящего пространства 25 декабря рождественские подарки раздают детям Николаус или Кристкиннд – аналоги нашего Деда Мороза.

Традиция проведения Рождественской ярмарки сложилась к началу XVII века. Имеется документ 1737 года, в котором почти всех нюрнбергских ремесленников обязывают представить свой товар на Рождественской ярмарке. В XIX веке эта традиция потеряла своё значение. С приходом к власти национал-социалистов в 1933 году праздник Рождества вернулся на Главную площадь, уже в преображённом,

«романтическом» виде, и был использован для создания образа Нюрнберга, хранителя исторических традиций Германской нации. Тогда же утвердился порядок его проведения. В день святой Барбары, 4 декабря, Кристкиннд, ангел с золотыми локонами и золотыми крыльями, открывал праздник чтением «пролога» с балкона церкви Богоматери. Всё это сопровождалось пением детского хора и звоном колоколов. В роли Кристкиннда тогда выступала актриса. После войны праздник постепенно приобрёл большую популярность, и из-за огромного количества гостей начало было перенесено на последнюю пятницу ноября, за четыре недели до Рождества. С 1969 года на роль Кристкиннда в Нюрнберге раз в два года выбирается юная горожанка. В этот день на празднично украшенной площади она торжественно открывает знаменитую по всей Германии нюрнбергскую Рождественскую ярмарку (Christkindlesmarkt). Всё пространство площади заполняется живописными торговыми палатками. С утра до позднего вечера четыре недели здесь идёт бойкая торговля – ёлочные игрушки, сладости, «Lebkuchen» – знаменитые нюрнбергские пряники, рецепту которых уже 500 лет, «Zwetschgengmännle» – небольшие человеческие фигурки из сушёных слив и ореховой скорлупы, типично нюрнбергские миниатюрные колбаски – размером в палец и весом, согласно предписанию, 23 грамма каждая. По мере приближения к Рождеству накал возрастает. Всё больше народа, всё меньше места на площади, все с любопытством разглядывают витрины бесчисленных палаток, что-то жуют, пьют горячий глнтвейн из специально изготовленных кружек, с меняющейся каждый год картинкой уютного Рождества на них. Удержаться и не купить что-то невозможно. Туристы приезжают со всей Германии и из-за рубежа.

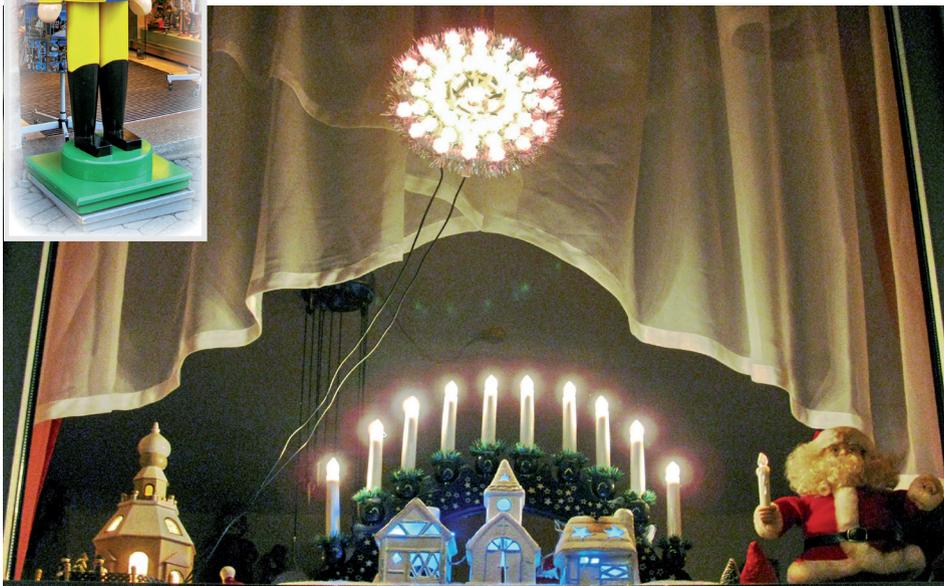

Рождество

Весёлая толчея, звон колоколов церкви Богородицы, радостные лица и снег для красоты, если нюрнбержцам удастся договориться с небесами.

Рождественский светильник на подоконнике

Церковь Св. Эгидия. 1938 г.

Пройдём мимо Старой ратуши, уже известного нам «Мужичка с гусями» и «Трактира Господ Советников» мастера Бехайма Старшего (тыльная сторона здания Новой ратуши, примыкающего к зданию Старой ратуши). На улице Theresienstr. повернём направо и пройдем до Theresienplatz. Тут стоит помпезный **памятник «мореходу» Мартину Бехайму (14)**. Чуть впереди налево открывается площадь Egidienplatz с церковью Св. Эгидия и конным памятником императору Вильгельму I. Здесь стоял знаменитый Дом Пеллера.

Церковь Св. Эгидия (15) (еванг.-лютер.) является единственной барочной церковью Нюрнберга. Она стоит на месте когда-то бывшего здесь хозяйственного королевского двора, а позже шотландского доминиканского монастыря. Начало строительства церкви лежит во тьме

веков, однако известно, что в середине XII века трёхнефная романская базилика с одним поперечным нефом, главным хором и двумя апсидами была готова. Четыре столетия она служила монастырским храмом. В период Реформации монастырь при участии Филиппа Меланхтона был преобразован в учебное заведение, а его церковь стала проповеднической. После пожара 1696 года от бывшего монастыря остались только хор, одна башня и часть нефа церкви. При реконструкции в 1711-1718 гг. использовали уже стиль барокко. Во время Второй мировой войны церковь Св. Эгидия была основательно разрушена. Сейчас внутреннее помещение церкви наполнено воздухом и выглядит много светлее прежнего. Барочную роспись Донато Полли восстановить не удалось. Только хор удивляет своей прежней барочной красотой. Картина «Оплакивание Христа» (копия одной работы из мастерской Ван Дейка), висящая сейчас на южной стене нефа, – это всё, что осталось от огромного барочного алтаря.

Три боковых капеллы, в которые можно попасть через поперечный неф, в своём средневековом оформлении ярко представляют историю строительства церкви Св. Эгидия. **Капелла Св. Вольфганга** (1437) первоначально служила мирским целям. Её роскошный сетчатый свод, разрушенный во время Второй мировой войны, восстановлен во всей своей красоте. Внутреннее убранство капеллы составляют несколько скульптур из дерева, среди них – эпитафии, мемориальные доски, гербы и части одного створчатого алтаря из мастерской Файта Штосса. Отсюда можно пройти в романскую **капеллу Св. Евхария**, возникшую, вероятно, в 1120-30 гг. и являющуюся старейшим отчасти сохранившимся строением всего комплекса. Алтарь Св. Катаринины относится к XV-XVI вв. На месте разрушенного романского хора капеллы Св. Евхария в XIV в. была возведена готическая капелла Марии, или

капелла аристократической нюрнбергской семьи Тетцель, пожертвовавшей деньги на её строительство. Без сомнения, сокровищем храма является эпитафия семье Ландауэр – рельеф, выполненный Адамом Крафтом. Тема его – «Коронование Марии». Этот рельеф до пожара стоял в клуатре (галерее) монастыря Св. Эгидиена. Сейчас – в **Тетцель-капелле**. Витражи церкви относятся к старейшим витражам Нюрнберга.

Рядом с церковью Св. Эгидия скромно стоит здание старой **гимназии Меланхтона (16)**. Благодаря Реформации, были пересмотрены основы средневекового школьного образования, и в 1526 г. в Германии открыли три первые гимназии – в Магдебурге, Айслебене и Нюрнберге. Старая, принадлежавшая монастырю Св. Эгидия, школа уже в 1469 г. насчитывала 253 ученика и имела очень хорошую репутацию. В ней и открыли Нюрнбергскую гимназию. В 1575 году её перевели в тихий городок Альтдорф в окрестностях Нюрнберга, в 1578 году преобразовали в Академию, а позже – в университет. Теперь этот университет находится в Эрлангене. В помещении бывшей гимназии на площади Egidienplatz в XIX в. была открыта Баварская Королевская гимназия. В 1808-1816 гг. её ректором был философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель. В Нюрнберге в его жизни произошли два важных события – он женился на дочери члена Городского совета Тухера и закончил своё главное произведение «Наука логики».

К трёхсотлетию юбилею гимназии перед порталом здания горожане установили памятник Филиппу Меланхтону, гуманисту и реформатору, другу Лютера и основателю гимназии. Автором памятника был молодой нюрнбергский скульптор Якоб Даниэль Бургшмит. Из левого рукава каменной фигуры Меланхтона

Дом Пеллера и церковь Св. Эгидия. Довоенная открытка.

выглядывает бронзовая кисть руки. Дело в том, что весёлые бурши дважды отламывали эту кисть. В конце концов, автор памятника отлил кисть из бронзы, продемонстрировав тем самым мастерство литейщика, и глубоко укрепил её в каменном рукаве.

С начала XVII в. до конца Второй мировой войны украшением площади Egidienplatz был **Дом Пеллера (17)**. Не существовало ни одного горожанина севернее Альп, кто построил бы для себя столь роскошное здание в стиле Ренессанс. Никто не смог бы выбросить столько денег для своего жилого дома, как это сделал Мартин Пеллер (Стр. 65-66), купец, контролировавший, в сущности, всю торговлю льном в центре Европы. По воспоминаниям современников, он обладал манерами князя, умом учёного и изворотливостью дипломата. Его женитьба на дочери очень богатого купца Бартоломеуса Виатиса была отпразднована с такой помпой, что Городской совет усмотрел в этом нарушение городских законов и наложил штраф на бесстыдно демонстрировавшего своё богатство выскочку.

Похоже, что Пеллер не принимал всерьёз определённый законом порядок. Из-за своих махинаций он не раз предстал перед судом Нюрнберга и Аугсбурга. Однажды его даже приговорили к пяти дням тюрьмы, но в последнюю минуту ему удалось откупиться. Он имел поразительный инстинкт и всегда наилучшим образом удовлетворял потребности своих клиентов. На Пеллера работало около 10 тысяч мастеров, подмастерьев и прядильщиков. Его караваны, тянувшиеся по дорогам Европы между Амстердамом и Болоньей, везли не только ткани, но и воск, и цитрусовые, и пряности.

В качестве архитекторов для постройки своего, ставшего вскоре знаменитым

Внутренний двор Дома Пеллера, каким он будет после восстановления.

на всю Европу, дома Пеллер пригласил Якоба Вольфа Старшего и Петера Карла, лучших зодчих города. Обращённые к улице фасады домов в Нюрнберге всегда были очень скромны. Своё богатство владелец мог показать только в оформлении внутреннего двора. Поэтому естественно, что при возведении такого роскошного дома застройщик натолкнулся на противостояние соседей. Городской совет не мог согласиться со столь откровенной демонстрацией состоятельности владельца. Но деньги правят миром, и эта проблема была решена. Два льва и герб застройщика с его девизом «cum Deo» (с Богом) украшали пышный фасад дома высотой в 31 метр. Фронтон венчала скульптура Юпитера. Не менее роскошным было заднее строение, соединённое с основным зданием галереями. Строительство продолжалось 10 лет, до 1610 года.

Пеллер был очень доволен своим домом, при входе в который казалось, что попадаешь в один из дворцов Флоренции, Венеции или Рима. Для внутреннего оформления владелец также не пожалел денег. Большой зал был расписан известным нюрнбергским художником Паулем Ювенелем. В музее Фембохаус можно получить приблизительное представление об интерьере Дома Пеллера и увидеть лучшие части его внутренней обстановки, выполненные в венецианской манере. Там же представлены некоторые работы Пауля Ювенеля.

Во Вторую мировую войну Дом Пеллера был почти полностью разрушен. Позже восстановили первый этаж дома и галереи внутреннего двора, реконструировали также часть холла с позднеготическим сводом. Эти законсервированные руины являются свидетелями роскошной архитектуры эпохи великих негоциантов. В настоящее время здесь располагаются городская библиотека и городской архив. В часы работы библиотеки (в рабочие дни до 15.30) можно осмотреть то, что осталось от внутреннего двора Дома Пеллера, и бронзовую фигурку стреляющего из лука Аполлона (оригинал в Городском музее). В 2007 г. известный всему Нюрнбергу предприниматель Диль в день своего столетия внёс в кассу объединения «Друзья Старого города» полмиллиона евро на восстановление внутреннего двора Дома Пеллера. Через год от Городского совета было получено разрешение на проведение работ. Восстановление когда-то знаменитого на всю Европу двора проводится исключительно на пожертвования.

После бомбёжек и пожаров 1945 г. на совершенно голом холме Эгидиенберг возвышался только памятник императору Вильгельму I. Если подойти к нему поближе, то можно увидеть отверстия от осколков в животе коня.

В 1488 г. на месте бывшего рва Первого городского укрепления с северо-восточной стороны церкви Св. Эгидия город построил **семь рядов фахверковых домов** по три в каждом ряду (**18, Sieben Zeilen**). Эти однотипные строения, прототипы социальных домов нашего времени, были задуманы, чтобы заманить в Нюрнберг ткачей из Швабии. На одном из них, единственном восстановленном, сегодня можно прочесть: «Дом построен в 1488-89 г. для ткачей. Первый ткач – Георг Шварц, последний ткач – Конрад Штреб, 1869 г. В 1945 году дом был разрушен, в 1966 – восстановлен».

Старинная нюрнбергская аристократическая семья Тухеров владела в городе многими домами. В качестве летней резиденции семьи патрициев обычно использовали имения за городом.

Замок Тухеров со стороны сада

Только Лоренц II Тухер был исключением, свой **дворец с садом (19, Tucherschloß, Hirschelgasse 9-11)** он построил в пределах городской крепостной стены. Это экстравагантное строение возникло между 1533 и 1544 гг. Оно соединило формы нескольких архитектурных стилей – романского, позднеготического и стиля итальянского Ренессанса. Но главный фасад всё-таки выдержан в нюрнбергской архитектурной традиции, он относительно прост, единственное его украшение – хёрляйн. Фасад, обращённый в сад, выглядит в архитектурном отношении богаче и даже украшен башней. До разрушений в войне этот дворец с его роскошной внутренней обстановкой служил примером культуры жилища времени раннего немецкого Ренессанса.

В 1945 г. бóльшая часть дворца была разрушена. Но через 20 лет семья восстановила своё владение. В 1998 г. здесь был открыт музей, где сегодня можно получить практически полное представление о жизни этой могущественной и влиятельной семьи. Воссозданная тут атмосфера прошлого времени настолько аутентична, что, кажется, бывшие его обитатели только что покинули своё жилище.

Теперь спустимся вниз по улице Landauergasse и окажемся около башни с часами Lauferschlagturm. В начале XVI в. купец **Маттеус Ландауэр** после смерти жены основал здесь богадельню, **Дом Двенадцати Братьев (20, стр. 150-151)**. От всей богадельни сохранилось только одно здание – помещение капеллы Всех Святых, в настоящее время принадлежащее гимназии. Для алтаря этой капеллы Альбрехт Дюрер написал заалтарный образ – «Праздник всех святых» (Вена, Музей истории искусств), а также выполнил эскизы алтарной рамы и витражей трёх её окон. Это знаменитое полотно представляет собой видение мира христианами в Средневековье. В восстановленном после разрушений помещении капеллы на месте оригинала висит копия этой работы Дюрера. У входа в гимназию стоит памятник городскому жестянщику и поэту Конраду Грюбелю.

Вдоль Пегница

Первые мосты между городами на правом и левом берегах Пегница появились в начале XIV в. Это были огромные камни и насыпи. Позже, когда оба города, разросшихся на разных берегах, объединили одной стеной, число мостов увеличилось. Они не просто соединяли два берега, каждый имел своё собственное назначение, о чём говорят их старые названия. Хотя Пегниц никогда не был судоходной рекой, он играл важную роль в развитии города. На его берегах теснилось множество мельниц, использовавших энергию воды в самых различных ремесленных производствах.

Река с двумя островами (Schütt и Trödelmarkt) и многочисленными мостами придаёт неповторимое очарование Старому городу, имеющему два центра и два сердца. Пройдёмся по берегам Пегница и его островам с востока на запад, от крепостной стены до крепостной стены.

Стрелковый Дом Господ (21, пр. берег Пегница) был построен в бывшем крепостном рве Второго кольца укрепления в 1583 году. Здесь упражнялись

в искусстве стрельбы из арбалетов господа, имевшие право быть избранными в Городской совет. Рядом с домом для этих целей был сохранён кусок рва. Трёхэтажное здание из песчаника с высокой крышей и фронтоном, украшенным волютами, в своём архитектурном облике соединяет элементы Ренессанса и характерные элементы нюрнбергской архитектуры – эркеры на крыше. До XIX в. интерьер Стрелкового Дома украшала бронзовая фигурка стреляющего из лука Аполлона, отлитая Панкрацем Лабенвольфом (оригинал в наст. время – в городском музее Фембохаус). Эскиз выполнил Петер Флётнер, нюрнбергский скульптор, золотых дел мастер, резчик по дереву и художник одновременно. Городская знать отмечала здесь свои праздники, здесь танцевали и кутили. Девятого ноября 1797 г. со своими нюрнбергскими друзьями в Стрелковом Доме отужинал Иоганн Вольфганг Гёте.

Доминиканский женский монастырь Св. Катарины (22, лев. берег Пегница) был построен за Второй крепостной стеной в самом конце XIII века. У его западных ворот (ул. Peter-Vischer-Straße) ещё сохранился небольшой фрагмент монастырской стены. С внешней стороны этих ворот в нише слева стояла фигура Св. Катарины (сейчас в Германском национальном музее). Монахини ткали замечательные гобелены и переписывали книги, ухаживали за огромным садом. Знаменитый Паумгартнер-алтарь Дюрера (Мюнхен, Старая Пинакотекa) был заказан для церкви этого монастыря. С 1662 г. в здании монастыря помещалась Художественная Академия, созданная Иоахимом Сандрартом. Выдающимся учеником этой Академии, без сомнения, был нюрнбергский художник Иоганн Адам Дельсенбах. А ещё раньше помещение монастырской церкви с совершенно изумительной акустикой избрали для своих соревнований майстерзингеры.

В 1938 году в любимый город Третьего Рейха нацисты «навечно» доставили из Вены имперские сокровища (Стр. 23). Местом их хранения стала бывшая церковь монастыря Св. Катарины, но к началу Второй мировой войны их переместили в бункер под скалой. Во время Второй мировой войны церковь была разрушена, позже её руины законсервировали как памятник войны. Летом здесь проходят концерты и спектакли на открытом воздухе. В частично восстановленном здании монастыря размещена Городская библиотека.

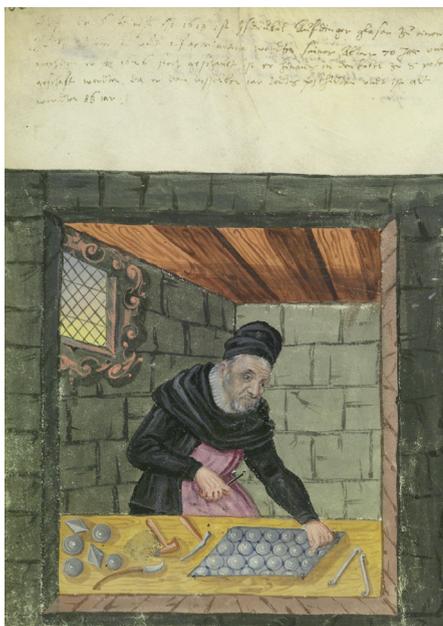

Руины церкви Св. Катарины

Из Домашней книги богаделен «Двенадцать братьев» (Стр. 148, 173)

Конрад Хекман, плотник, 1692 г.

Асдрудал Аусдингер, стекольщик, 1613 г.

Леонард Штангер, трубач, служил на трёх городских баинях, извещая о времени, 1758 г.

Ганс Том, продавец сыра, 1513 г.

Капелла Всех Святых. Гравюра Г. Х. Вильдера. 1836 год.

Стоит зайти в библиотечное кафе «*Zeitungs-Café Hermann Kesten*», находящееся в здании, принадлежащем когда-то монастырю Св. Катарины. Вход с улицы *Peter-Vischer-Straße*. Приятно посидеть за чашечкой кофе и почитать свежие газеты не только в маленьком зале кафе, но и в бывшем монастырском садике, обрамлённым ажурными окнами бывшей галереи-клуатра. Здесь очень уютно и почти всегда можно найти свободный столик.

Сенной мостик (23, Neubrücke) соединяет левый берег Пегница с островом Schütt. На острове стоят две башни, когда-то бывшие частью Второй крепостной стены города. Здесь были городские ворота. Высокая башня служила мужской тюрьмой, в маленькой взвешивали товар купцов, проезжавших через эти ворота. Мостик Spitalbrücke соединяет остров Schütt с правым берегом. Тут стоит памятник, посвящённый сожжённой синагоге. До 1938 года она высилась на восточной стороне площади Hans-Sachs-Platz. После войны в этом районе не сохранилось ни одного дома. Огромный, заросший дикими травами пустырь горожане называли Себальдовской степью. В бомбардировках погиб в числе прочих и дом поэта **Ганса Сакса**. Сейчас **памятник поэту (24)** стоит на площади в окружении современных домов напротив условно восстановленной церкви Госпиталя Св. Духа.

Дед Конрада Гросса (ок. 1284-1356), основателя **Госпиталя Св. Духа (25)**, правый берег Пегница), и его отец, которого называли «великим и богатейшим», служили у бургграфа и благодаря умному правлению значительно увеличили как бургграфское имущество, так и своё собственное. Семья настолько быстро

разбогатела, и их богатство было столь велико, что ходили слухи о найденном ими кладе. Конрад Гросс был придворным банкиром кайзера Людвига Баварского и пионером капиталистического способа ведения хозяйства. Он брал проценты за денежные займы, что было запрещено церковью. В его судьбе отразились противоречивые течения той эпохи – борьба между императорской властью и папством, поставившая многих перед тяжёлым выбором – верность немецкому королю или церкви. Кайзер и его приближённые в то время были прокляты папой, в Нюрнберге даже на какое-то время запретили проведение официальных богослужений.

Маленький музыкант

Конечно, глубоко верующий Гросс боялся за свою душу, и поэтому, открыв несколько богаделен и больниц в округе Нюрнберга, обрёл известность самого щедрого благотворителя средневековой Европы. В 1331 г. он купил луг на берегу Пегница, чтобы построить там больницу для бедных, позже превратившуюся в богадельню и названную Госпиталем Св. Духа. Здесь, согласно заповедям Христа, действовали правила – «любить ближнего и помочь ему в несчастье, больных лечить, голодных накормить, жаждущих напоить, голых одеть, бездомных и дряхлых принять». В начале XVI века в богадельне обитало около трёхсот обездоленных. Церковь, освящённая в честь Св. Духа, и Госпиталь были самым большим благотворительным заведением периода Средневековья.

В Госпитальной церкви в ларе, висевшем на цепи под сводом хора, более 370 лет хранились имперские сокровища. Надгробие Гросса (в виде стола) в северной части Большого двора Госпиталя представляет идеализированный портрет молодого мужчины в рыцарском облачении и с моделью церкви в руках. Здесь же можно увидеть скульптурную группу «Распятие», завершавшую **цикл «Крестный путь» Адама Крафта**. Раньше она находилась у входа на кладбище Св. Иоанна (*подробнее*

Корабль дураков

в гл. об А. Крафте). А в Малом внутреннем дворике, в который можно попасть и из переулка Spitalgasse, стоит интересный **фонтан с забавной бронзовой готической фигуркой маленького музыканта** (ок. 1380). Это старейший из сохранившихся образцов искусства бронзового литья в Нюрнберге (оригинал в Германском национальном музее).

С 1341 г. и до сего дня Госпиталь находится под управлением городских властей, его основные корпуса служат домом для престарелых. Церковь во Вторую мировую войну сгорела дотла, её тем не менее восстановили, и теперь здесь студенческое общежитие. До сих пор существует благотворительный фонд Госпиталя Св. Духа, помогающий горожанам в трудных жизненных ситуациях. В настоящее время этот комплекс с

его внутренними двориками выглядит так, как он выглядел в XVI в. Вот только современная стилизованная бронзовая скульптура мецената Конрада Гросса (1968) с учредительной грамотой в руках на углу дома, у Музейного моста, возвращает нас в современность.

На пути от моста к Главной рыночной площади стоит бронзовая скульптурная группа, всегда вызывающая интерес у тех, кто её видит впервые. Это «**Корабль дураков**» (26) (1984-87), автор – доктор Юрген Вебер. Тема этого произведения связана с европейским бестселлером XVI в. «Корабль дураков» Себастьяна Бранта, моралистической сатирой позднего Средневековья.

Брант в своей поэме показал человеческие слабости, пороки и глупости в надежде пробудить сознательность. Мачта – символ зачахшего, мёртвого древа знаний. На лицах фигур – страх и беспокойство. Надежда остаётся для тех, кто вернётся к Богу. Ещё с одной большой работой доктора Вебера в Нюрнберге мы встретимся позже.

*...В ночь и в тьму
Мир погружен, отвергнут богом,
Кишат глупцы по всем дорогам,
Жить дураками им не стыдно,
Но признанными быть обидно.
«Что делать?» – думал я.
И вот решил создать дурацкий флот
Галеры, шхуны, галиоты,
Баркасы, шлюпки, яхты, боты.
А так как нет таких флотилий,*

*Всех дураков чтоб захватили,
Собрал я также экипажи,
Фургоны, дроги, сани даже.
Глупцам нет счета в наши дни:
Как мухи суестья, они
На корабли спешат, летят –
Быть первыми и здесь хотят.
Их всех, которые тут есть,
Представить вам имею честь...*

Перевод Льва Пеньковского (1965).

Францисканский монастырь (левый берег Пегница) был основан бургграфом вместе с патрицием Конрадом Вальдштромером в 1224 г. В Германии монахи нищенствующего ордена францисканцев звались «босоногими» из-за сандалий, которые носили на босу ногу. Они посвящали себя страждущим, их монастырь находился на входе в город – при въезде на нынешний **Музейный мост** (27, Museumsbrücke), который раньше назывался Barfüßerbrücke (мост Босоногих).

В ходе Реформации монастырь прекратил своё существование, с 1563 г. монастырская церковь стала протестантской, а в его строениях расположился сиротский дом. В настоящее время сохранилась только восточная часть высокого хора церкви. Её можно распознать в силуэте здания банка NuroVereinsbank (с контрфорсами) в переулке Findelgasse.

Монастырь кармелитов, основанный в 1287 г., находился в районе нынешней улицы Adlerstraße (левый берег Пегница). В 1525 году монастырь был распущен, а его имущество перешло городу. Для этого монастыря Файт Штосс выполнил свою последнюю большую работу – алтарь «Поклонение Волхвов», находящийся в настоящее время в кафедральном соборе Бамберга (*подробнее в гл. о Ф. Штоссе*).

От скотобойни, или **Мясного Дома** (28, правый берег Пегница), построенного в 1571 г., к настоящему времени сохранилась только нижняя часть внешней стены. Чтобы прикрыть лавки скотобойни, простирившиеся до самой воды, на углу дома в 1599 г. был построен ренессансный портал с внушительной фигурой быка на нём. Огромные стада этих животных со времён Средневековья гнали по дорогам Европы для снабжения продовольствием больших городов империи. На бронзовой

доске наблюдатель обнаружит глубокомысленное изречение на латыни: «Omnia habent ortus suaque incrementa sed ecce quem carnis numquam bos fuit hic vitulus» (Все вещи имеют своё начало и своё продолжение, но этот бык, которого ты видишь, никогда не был телёнком). Здесь, в самом узком месте русла Пегница два его берега соединены арочным мостом. Это **Мясной мост (29, Fleischbrücke)** (1596-98). При весенних наводнениях мосты здесь были всегда под угрозой разрушения. В 1595 г. после особенно массивного и быстрого таяния снега Городским советом было принято решение о строительстве арочного моста без промежуточных опор. Двадцать мастеров из Нюрнберга, Регенсбурга и Праги представили свои проекты

на конкурс. В качестве прототипа был взят мост Риальто через Гранд-канал в Венеции. После долгих споров Городской совет позволил нюрнбергским мастерам Петеру Карлу и Якобу Вольфу начать осуществление рискованного проекта.

Мост строился три года, в болотистой почве на каждом из берегов укрепили 2123 дубовых свай, в большинстве с железными концами. На них уложили огромное количество массивных блоков из песчаника. Только недавно при очередной реставрации

моста подсчитали, что для укрепления каждого берега было использовано 2300 тонн камня. Арку устанавливали два месяца. Критический момент настал 18 сентября 1598 г., когда удаляли строительные леса. Перед глазами многочисленных скептически настроенных зрителей Петер Карл вместе со своими помощниками, став под мост, выбил деревянные клинья лесов. В хронике так отражено это событие: «Вдруг весь деревянный подмост упал в воду, мост всей своей тяжестью со страшным треском опустился на несколько футов и застыл. Всё сооружение счастливым образом удалось в задуманной форме».

От здания бывшей скотобойни пройдем по берегу и по **мосту Точильщиков (30, Sleifersteg)**, перейдем на **остров Trödelmarkt (Толкучка)**. На этом маленьком острове был блошинный рынок, знаменитая Тремпала.

Верхний Карлов мост (31) (1728, Obere Karlsbrücke) ведёт с острова на левый берег Пегница. На месте этого моста раньше стоял деревянный мостик ABC-Brücke, на котором теснились маленькие будочки-лавчонки, названные по буквам алфавита.

Дни города-побратима Венеции в Нюрнберге. Мясной мост.

На левый берег Пегница с острова Trödelmarkt также можно попасть, пройдя по живописному деревянному **мостику Палача (32, Henkersteg)**. Здесь на западной оконечности острова совершенно обособленно жил городской палач, так как его профессия причислялась к позорным. В настоящее время здесь открыт Музей истории права.

Августинский монастырь, основанный в начале XIII в., располагался за первой крепостной стеной города Себальда, между берегом и нынешней улицей Augustinerstr. (правый берег Пегница). Монастырь принял ранние реформаторские идеи, здесь уже в 1516-17 гг. с проповедями против продажи индульгенций выступал учитель Лютера Иоганн Штаупиц. В 1524 г. монастырь прекратил своё существование.

На **площади Unschlittplatz (33, левый берег Пегница)** стоит одно из **бывших городских зернохранилищ (Unschlit-**

Фонтан «Музыкант с волынкой»

thaus), построенных Гансом Бехаймом Старшим. Его подвальный этаж – бывший ров, часть Второго кольца укрепления. Имя своё (Unschlitt – сало) это здание получило в связи с тем, что здесь долгое время готовили сырьё для мыла, свечей и колёсной мази, для чего мясники обязаны были сюда сдавать сало. На западной стене дома Unschlittthaus находится **фонтан в виде женской маски**, относящийся к 1400 году (оригинал в Германском национальном музее). **Фонтан «Музыкант с волынкой»**, стоящий на площади Unschlittplatz, был создан в первой половине XVI в. Выполняя заказ отцов города, Панкранц Лабенвольф отлил бронзовую фигурку музыканта по одной старой деревянной модели (оригинал в Германском национальном музее).

Если с **Максова моста (34, Maxbrücke)** бросить взгляд на крепостную стену, то можно увидеть устланный деревянными досками **Цепной мост (35) (1824, Kettensteg)**. Этот первый железный висячий мост Германии, сконструированный механиком Иоганном Георгом Купплером, воспринимался в то время как выдающееся техническое достижение.

На западной оконечности острова Trödelmarkt, у моста Палача на берегу реки находится очень симпатичное кафе «Am Trödelmarkt», где в окружении живописных средневековых строений можно не только выпить кофе, но и перекусить.

Винный Сарай (36, правый берег Пегница), одно из самых замечательных фахверковых строений Нюрнберга, был заложен на месте бывшего рва Второго кольца укрепления между мостами Maxbrücke и Henkersteg в 1446 г. Тогда оно ещё стояло за крепостной стеной и служило госпиталем. На Страстную неделю (последняя неделя перед Пасхой) больные лепрой могли получить здесь приют на три дня. Прокажённые всегда жили только на милостыню. Они носили специальную одежду с трещоткой, чтобы их сразу можно было узнать, приблизиться к остальным людям им запрещалось. Считалось, что эта болезнь является Божьей карой, и больные ею должны нести свой крест самостоятельно. В Страстную неделю прокажённые приходили в этот дом, жили здесь, их обследовали врачи, их кормили и одевали.

При ежегодно возрастающем количестве стекающихся к городским стенам страждущих, число которых порой достигало двух тысяч, возникла опасность проникновения в город врагов под видом больных. Это было время Первой Маркграфской войны. Так благородная акция постепенно заглохла, и дом на Пегнице превратился в винный склад. Вплоть до Тридцатилетней войны здесь хранились франконские, рейнские и некарские вина. Винный рынок располагался поблизости, на месте нынешней улицы Weinmarkt, и торговцы вином могли хранить в Винном

История Каспара Хаузера

Бывшая рыночная площадь Unschlittplatz стала знаменитой благодаря необычному событию, случившемуся здесь 26 мая 1828 г. между 4-мя и 5-ю часами пополудни. На углу площади у дома номер 8 неизвестно откуда появился странный молодой человек, бормотавший, запинаясь, на старобаварском диалекте: «Я хочу стать таким же ротмистром, как мой отец». На вид ему было 16–17 лет, назвал он себя Каспаром Хаузером. В руке он держал письмо, адресованное одному из офицеров стоявшего в городе полка. Письмо было написано от имени бедного поденщика, обремененного большой семьей, к которому будто бы мальчика подкинули и которого он в глубокой тайне воспитал. В записке матери, приложенной к письму, было сказано, что она бедная девушка, мальчик рожден ею 30 апреля 1812 г., имя его Каспар, а отец его, служивший в кавалерии, умер.

Юноша почти не умел говорить и не имел представления о самых элементарных вещах, однако мог написать свое имя. По его ногам было заметно, что обувь их не касалась. Ко всякой пище, кроме хлеба и воды, он выказывал отвращение. Из расспросов выяснилось, что с раннего детства его одевали только в рубашку и штаны, держали в темной конуре, в которой нельзя было даже вытянуться во весь рост. История найдёныша стала источником всевозможных предположений. Думали, что он плод преступной любви, сын духовного лица или знатной дамы; наконец, считали его жертвой какой-нибудь интриги из-за наследства.

Столь же таинственные обстоятельства, при каких он внезапно появился на площади Unschlittplatz в Нюрнберге, сопровождали и его смерть через пять лет в Ансбахе. 14 декабря 1833 г. неизвестный пригласил Каспара в дворцовый сад, пообещав открыть тайну его происхождения, и там ударом ножа ранил его, что стало причиной смерти юноши. На могиле Каспара Хаузера в Ансбахе можно прочесть следующую надпись: «Его происхождение неизвестно, полна тайны его смерть».

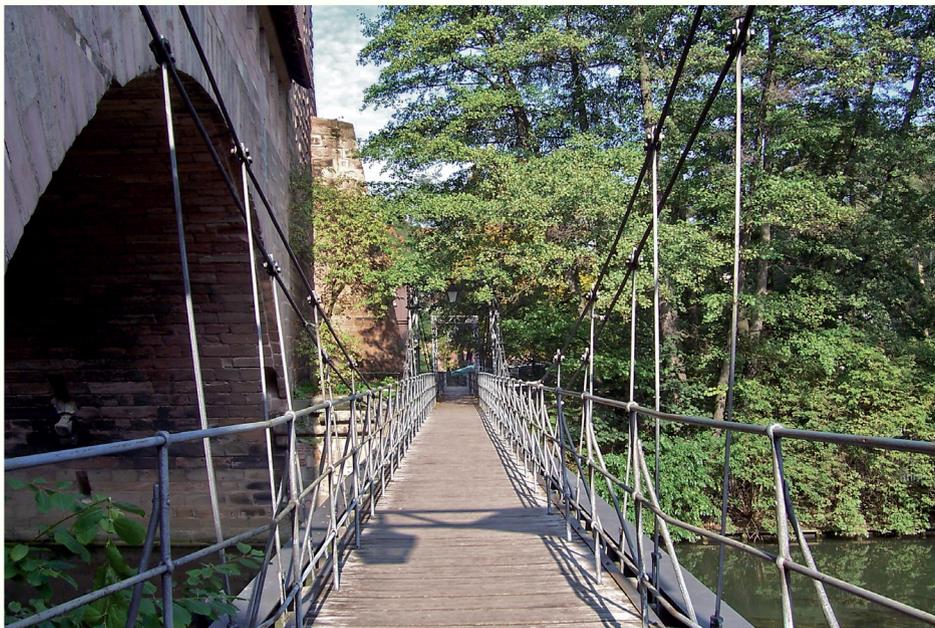
Позже появилось несколько посвящённых ему монографий. Их авторы пытались доказать, что Каспар являлся законным сыном Великого герцога Баденского Карла-Фридриха и его первой жены. Его вторая жена якобы, желая предоставить своему сыну баденский престол, подменила Каспара больным ребенком, скончавшимся через несколько дней. В 1996 г. сравнение генетической структуры крови с одежды Каспара Хаузера и крови некоторых родственников Великого герцога Баденского доказало, что гипотеза о его родстве с этой семьёй несостоятельна.

Немецкий писатель Якоб Вассерман (1873–1934) посвятил этой загадочной истории один из своих романов («Каспар Хаузер», 1908).

Сарае не распроданное на ярмарках вино. Позже это здание какое-то время служило госпиталем для бедных, а в настоящее время это студенческое общежитие, которое вместе с водонапорной башней и арочным мостом-укреплением через правый рукав Пегница образует один из самых романтических уголков старого Нюрнберга.

Винный сарай

Цепной мост

Мост палача

Фонтан Тритон (37), задуманный в 1684 г. в честь победы над турками, представляет собой фигуру морского демона Тритона, сына Посейдона. Фонтан стоит на площади Махplatz с 1687 г. Во время войны скульптура сильно пострадала, но позже была восстановлена. Считается, что этот фонтан является копией фонтана Тритон на Пьяццо Барберини в Риме (1642-43, Лоренцо Бернини). Однако римский пышнотелый тритон, немного сгорбленный и явно уставший, с трудом держит на голове сосуд, из которого выбивается струя воды. А нюрнбергский тритон вырывается из чаши, у него напряжённый торс, он красив, молод и полон жизни. Уж никак нельзя сказать, что он является копией измученного римского.

С 1821 г. на юго-восточном углу площади Махplatz стоит **классический фонтан, посвящённый Альбрехту Дюреру и Виллибальду Пиркхаймеру**. Автор – нюрнбергский архитектор Карл Александр Хайделёфф. Открытие фонтана было приурочено к 350-летней годовщине рождения Дюрера. Поверхность колонны из песчаника украшена гербами города и круглыми медальонами из бронзы с

Фонтан «Тритон»

изображениями Дюрера и Пиркхаймера, выполненными скульптором и литейщиком Бургшмитом. Проект аналогичного фонтана Сакса-Фишера на северо-западном углу этой же площади никогда не был осуществлён.

Здесь совсем рядом, ближе к крепостной стене, направо ответвляется живописнейший переулок **Weißgerbergasse (38)**, ведущий к церкви Св. Себастьяна. Сюда заглянуть надо обязательно.

Город Лоренца (Южная часть Старого города)

Церковь Св. Лоренца (39) (еванг.-лютер.) была главной церковью южной части города. Первое упоминание о капелле, освящённой здесь в честь святого Лаурентиса, дочерней по отношению к церкви Св. Михаэля в Фюрте, относится к 1235 г. Дьякон и попечитель бедных одной христианской общины в Риме по имени Лоренцо принял мученическую смерть на решётке над постоянно поддерживаемом огне костра. Это было во время преследования христиан при кайзере Валериане в 258 г. Позже дьякон Лоренцо был причислен к лику святых. В XIII в. святой, на немецкий лад названный Лóренцем, внезапно стал очень популярен в Германии. Обычно он изображался с решёткой в руках, атрибутом его мученической кончины. Церковь Св. Лоренца начала строиться в том же веке на месте, по-видимому, той самой романской капеллы Св. Лаурентиса. Трёхнефная базилика – её старейшая часть.

В период правления кайзера Карла IV город развивался так интенсивно, что пришлось передвинуть крепостные стены и возвести новые фортификационные сооружения. Число верующих выросло, и возникла необходимость расширить церковь. Между 1385 и 1430 гг. разрушили позднероманские боковые нефы и возвели широкие нефы в стиле высокой готики. Больше сорока лет ушло на строительство расширенного восточного хора, который был закончен и освящён в 1477 году.

Раньше каждая церковь представляла собой маленькое государство. Большие церкви имели не только дом пастора и дом пономаря, но и школьное здание, церковный двор со стеной, капеллами и пасторским садом. Всё это было и у старой церкви Св. Лоренца. Внимательный наблюдатель не может не заметить на бульваре мостовой со стороны восточного хора маркировку, повторяющую линию стены хора. Это граница старого кладбища, оно располагалось вокруг церкви до 1518 г.

Почти в каждом издании, посвящённом западноевропейской архитектуре, приведена фотография нарядного западного фасада нюрнбергской церкви Св. Лоренца. Это несомненно творческая кульминация внешнего оформления готических церквей. Изысканную центральную секцию фланкируют две мощные башни, цоколь каменного яруса украшает окно-роза диаметром больше десяти метров – одно из замечательнейших ажурных окон европейской Готики, впервые появившихся во Франции. Собственно окно расположено позади ажурного внешнего венца, лучи которого соединяются внахлест и создают впечатление движения. Вся красочность этого окна открывается наблюдателю, если смотреть на него изнутри храма. После полудня солнечные лучи проникают в церковь сквозь витражи стёкол, и тогда всё в храме на некоторое время погружается в таинственный мягкий свет.

Церковь Св. Лоренца. Нюрнбергские проспекты. А. Дельсенбах.

Фрагмент западного портала церкви

Портал отделён от розы ажурной галереей, а сверху возвышается филигранный фронтон, богато украшенный фиалами. Под фронтоном гербы Богемии (в честь кайзера Карла IV) и Силезии (в честь его третьей супруги Анны). Их наличие здесь позволяет предположить, что роскошная парадная сторона Городской церкви могла быть оформлена на пожертвования кайзеровской пары. В тимпане главного портала церкви изображены сцены из жизни Христа. Слева – Рождение и Поклонение Волхвов, справа – избиение младенцев в Вифлееме и двенадцатилетний Иисус в храме. Выше – Страсти Христовы и Страшный Суд. Это Библия, исполненная в камне.

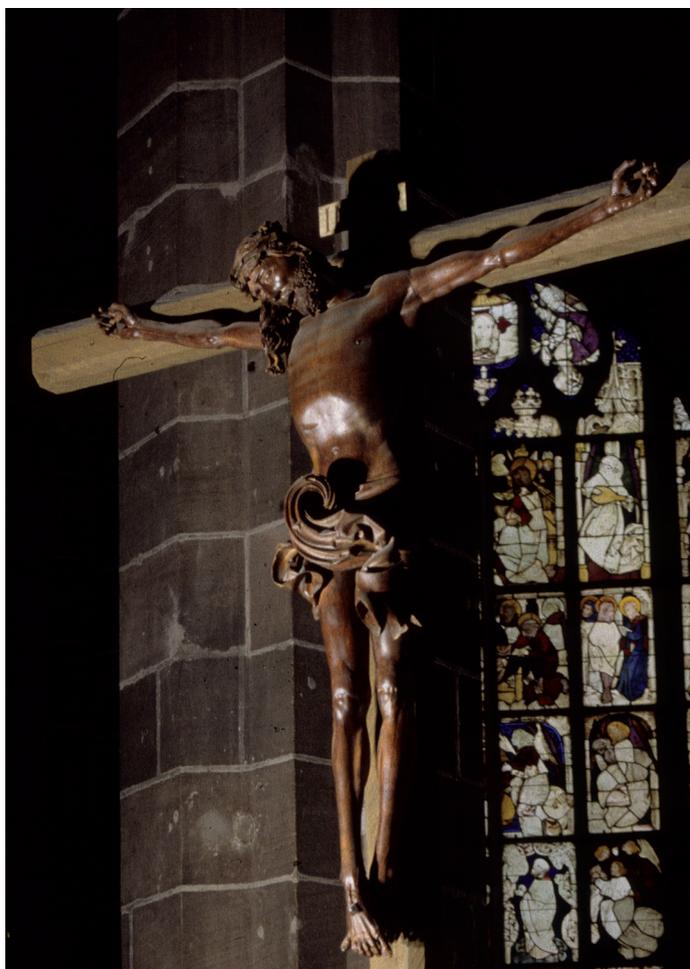
В арке, обрамляющей тимпан, размещены статуи четырнадцати пророков и двенадцати апостолов. В нижней части портала по обе его стороны – группа

скульптур, среди которых покровители церкви святые Стефан и Лоренц (каждый со своим атрибутом мученической кончины), Адам и Ева, Мария и архангел Гавриил. Венчальному portalу с северной стороны церкви соответствуют две ризницы с южной её стороны, расположенные друг под другом.

Слева от Главного портала в стену вставлен уже проржавевший железный стержень (цоколь северной башни) – эталон длины могильного камня на городском кладбище (1,67 метра), принятый Городским советом. Такова длина надгробья Христа в Иерусалиме, которое, по преданию, в XVI в. измерил нюрнбергский патриций и купец Кетцель. Зодчие Нюрнберга ввели новую меру длины «Нюрнбергский башмак» (27,83 сантиметра) – одна шестая часть принятого эталона.

Церковь Св. Лоренца в своём внутреннем убранстве ориентирована на аскетический идеал монашеского нищенствующего ордена. Тонкие пилоны переходят в рёбра, которые смыкаются в кассетном звёздчатом своде. Плотно следуют друг за другом ячейки ребристого крестового свода нефов. Галерея с ажурной, кажущейся кружевной, массивной балюстрадой между двумя рядами готических окон охватывает полный света хор. Ниши боковых нефов – бывшие капеллы, каждая из них украшалась на деньги набожных жертвователей. Первое впечатление от внутреннего облика церкви ошеломляющее. Одного посещения недостаточно, чтобы осмотреть это вполне музейное богатство. На фоне позднеготической архитектуры в глаза бросается, прежде всего, изобилие сакральных предметов и произведений искусства. Почти все эти сохранившиеся свидетельства веры относятся к дореформационному времени и связаны с католическими обрядами. Лютер высказывался против иконоборчества, и хорошие христианские иконы слу-

Распятие (1516–1520), Файт Штосс, церковь Св. Лоренца, Нюрнберг.

Самое позднее из Распятий, выполненных художником, уже монохромное изображение. Круговорот складок набедренной повязки Христа напоминает одеяние Рафаэля в скульптурной группе Рафаэль–Тобиас (Стр. 175).

жили ему образцом истинной веры. Под защитой Городского совета эти раритетные произведения избежали уничтожения в период религиозной смуты в 1525 г., так как все они были созданы на пожертвования семей членов Городского совета или их предков. К счастью, через 400 лет эти ценности, своевременно спрятанные в бункере в скале, были спасены от разрушения ещё раз.

В церкви хранятся 13 алтарей, попавших сюда за последние несколько столетий из разрушенных церквей и расформированных монастырей. В центре левого (северного) нефа нельзя не заметить богатую ложу-капеллу, принадлежавшую семье Имхоффов. В 1470 г. богатый купец и аристократ Ганс Имхофф Городским советом был назначен попечителем строящейся церкви Св. Лоренца. Им и была

запланирована эта капелла. До Реформации в церквях не было скамеек для прихожан, все, кроме тех, кто принимал участие в богослужении в этой ложе, стояли.

Старейшей скульптурой в церкви, а может быть, и в Нюрнберге является фигура Богородицы с младенцем Христом (1280-90) у одной из колонн северной стороны главного нефа. На ней ещё можно увидеть следы позолоты. К этому единственному в своём роде произведению нюрнбергской пластики в 1360 г. слева были добавлены фигуры трёх Королей (Волхвов), символизирующих три известных в то время континента. Ближе всех к Мадонне стоит коленопреклонённый король Бальтазар, олицетворяющий старую Европу. Король Мельхиор среднего возраста символизирует Азию. Третий экстравагантно и модно одетый король Каспар представляет самый молодой в то время континент Африку.

Бронзовый светильник, висящий в центре главного нефа, **был отлит в мастерской Петера Фишера** в 1487 г. Двенадцать его свечей соответствуют апостольским фигурам, стоящим у колонн главного нефа (ок. 1380-90). При переходе в хор над Триумфальной аркой висит большое Распятие (ок. 1400), а в хоре церкви господствуют два выдающихся произведения искусства – **венок «Благовещение» Файта Штосса и сакраментхаус Адама Крафта**.

25 апреля 1493 г. Ганс Имхофф заключил договор с «мастером Адамом Крафтом, скульптором». Предметом договора был сакраментхаус. Заказчик сам детально разработал иконографическую программу, которую Крафт блистательно и неповторимо исполнил за три года. На основании всего в один квадратный метр возвышается сооружение из серого песчаника высотой более 18-ти метров, достигающее свода и там закругляющееся. О значении фигур, держащих сакраментхаус, можно лишь строить догадки. Это фигуры трёх мужчин разных возрастов. Считается, что в центральной Крафт изобразил себя (*подробнее в гл. об А. Крафте*).

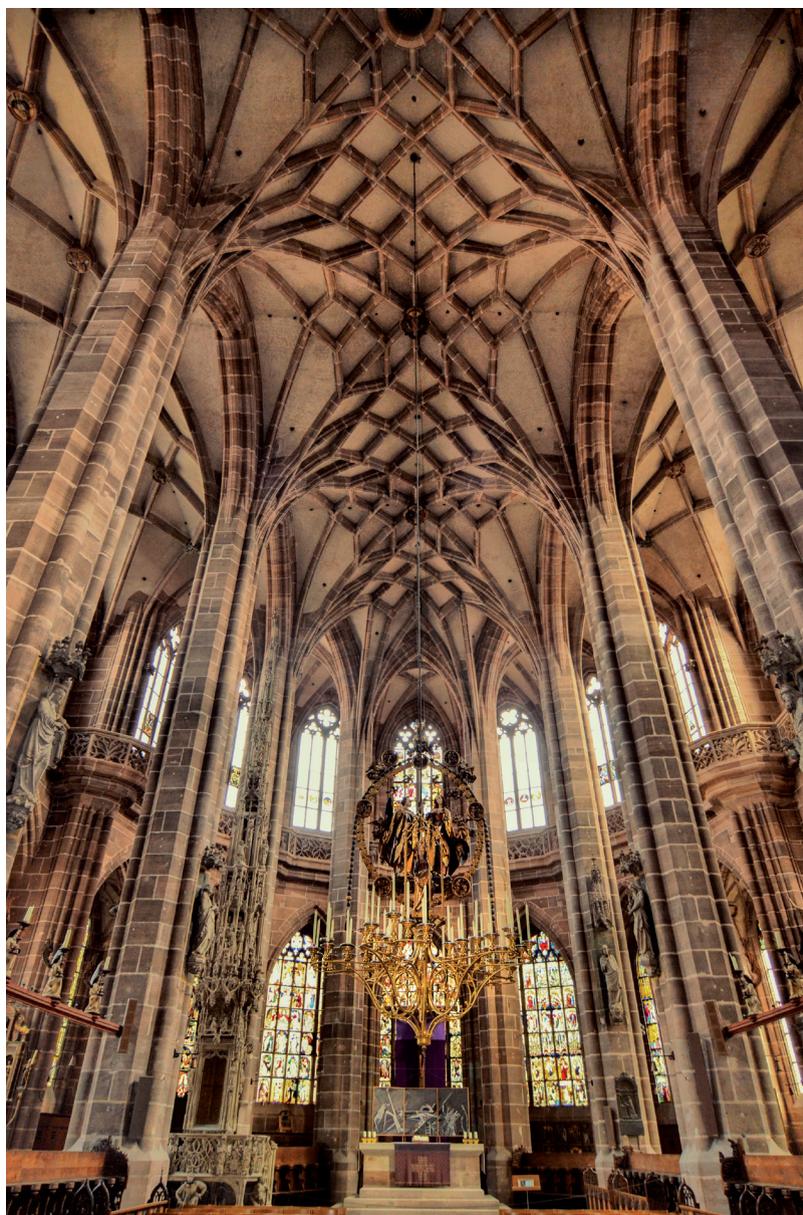
Рассматривая ажурную балюстраду сакраментхауса, едва ли можно поверить, что узор высечен из камня. Её украшают семь фигур святых, среди них фигуры святых Лоренца и Себальда. В ларце за позолоченными решётчатыми дверцами в виде освящённой просфоры хранилось «тело Христа». Скульптурные сцены, размещённые выше, – рассказ о Страданиях, Смерти и Воскресении Христа.

Огромный позолоченный венок «Благовещение» в центре хора выполнен Файтом Штоссом на пожертвование патриция Антона II Тухера, богатейшего и занимающего высокое положение в городе (*подробнее в гл. о Ф. Штоссе*). Штоссу к этому времени уже было около 70 лет. Всего 15 месяцев ушло у него на исполнение этого заказа. Композиция подчинена структуре чётков: фигуры Девы Марии и архангела Гавриила обрамлены венком из 55 позолоченных роз, разделённых на 5 групп по 11 штук в каждой. Дева Мария, услышав от архангела Гавриила известие, от неожиданности роняет книгу Ветхого завета, что символизирует приход Нового времени. Правую руку она непроизвольно прижимает к груди, как это сделал бы любой франконец в изумлении, воскликнув «Allmächt!» (Боже всемогущий!). На пяти маленьких медальонах венка представлена жизнь Христа: Рождество, Поклонение Волхвов, Воскресение, Вознесение Христово, Сошествие Св. Духа на апостолов. На двух медальонах вверху – Моление Марии перед смертью и Успение Марии. Венчает сцену фигура Бога-отца, держащего в руках земной шар.

Сакраментхаус в хоре церкви Св. Лоренца. Адам Крафт.

Хор церкви с Венком «Благовещение» Файта Штосса.

Висящий рядом железный позолоченный «Светильник Марии» был отлит специально для освещения «Благовещения» в литейной мастерской Пульмана. Он также имеет структуру чёток и состоит из пяти кронштейнов, на каждом из которых стоят 11 подсвечников. В каждой группе один из подсвечников поставлен чуть выше остальных десяти. Светильник венчает фигурка Марии с лилией, символом чистоты (Файт Штосс, липа).

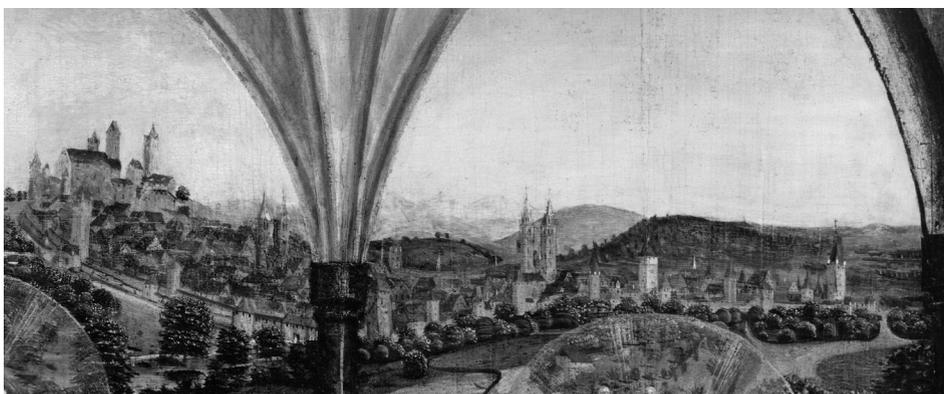
У современного алтаря висит «Распятие» (Файт Штосс, липа, стр. 163). На кресте человек в расцвете сил, виден каждый его мускул и каждый шип в венце, один из них впился в бровь. Распятие выполнено на несколько лет позже венка «Благовещение», когда господствовал другой стиль, поэтому изображение уже монохромно.

У северной стены хора находится **алтарь Деокаруса**, старейший в церкви. Деокарус (ум. 832), духовный отец кайзера Карла Великого, был настоятелем монастыря в городе Херриден в Альтмюльталь. Община церкви Св. Лоренца почувствовала себя обделённой, когда в церкви на северном берегу Пегница появились мощи святого Себальда. Но случай помог общине в осуществлении их мечты. При взятии городка Херриден (битва короля Людвига Баварского с Фридрихом Красивым из династии Габсбургов) благодаря одному бдительному нюрнбержцу удалось спасти от поджога военный лагерь. В порыве благодарности Людвиг предложил нюрнбержцам выполнить любую их просьбу. У горожан было только одно горячее желание – иметь мощи местного франконского святого, известного не только в округе. В 1316 г. король подарил городу взятые из имперского монастыря в Херридене мощи святого Деокаруса. Так как основная часть мощей святого хранилась в Риме в церкви Сан-Лоренцо, то община церкви была очень горда, когда получила такой дар от короля. Святого Деокаруса почитали не менее, чем святого Себальда. Событие принятия мощей отобразено на створках пределлы алтаря и на его оборотной стороне. Как выглядел сам алтарь в то время, можно увидеть на левой створке пределлы. Этот алтарь был освящён в 1437 г. При переходе Нюрнберга к Баварии останки святого были отправлены в епископство Айхштетт (Бавария), а ларец был переплавлен и продан.

Интересен **алтарь Св. Иоанна**, следующий за алтарём Деокаруса, самый поздний из собранных в церкви Св. Лоренца. Раньше он стоял у перехода из центрального нефа в хор и служил для причащения. В центре алтаря размещена группа «Тайная вечеря» с фигурами из чистой глины. Алтарь был выполнен на пожертвования семьи Имхоффов, герб которой украшает нижнюю его часть, а освящён – в честь святых Иоанна Крестителя и Иоанна Евангелиста, их скульптуры фланкируют основной корпус. За решёткой видны реликвии – локтевая и лучевая кости человеческого скелета. С этим алтарём связана одна легенда. После окончания какого-то большого праздника в доме Имхоффов слуга не досчитался одного из серебряных

Роза западного портала в обрамлении органных труб.

Фрагмент Креуль-алтаря. Самое раннее изображение Нюрнберга.

кубков. Хозяин заподозрил его в краже, и беднягу казнили. Позже кубок нашли. Подавленный этим происшествием, хозяин пожертвовал деньги на алтарь и в память о невинном слуге пожелал вставить в алтарь бранные останки несчастного. Эта история, разумеется, является вымыслом. Алтари посвящались только святым. Здесь речь идёт об останках «кельнских мучеников» святых Гереона и Григория Мавра, привезённых из Кельна одним из членов семьи Имхоффов. Оба были офицерами Фиванского легиона (конец III в.), отказавшегося выполнить приказ убивать христиан. Святые изображены на створках пределлы алтаря. Дельфины с маковыми коробочками в зубах (марка экзотических товаров торгового дома Имхоффов) символизируют спасение. С этим алтарём связана ещё одна история. При его очередном перемещении раскололись две фигурки из группы «Тайная вечеря» (1420). Неизвестный мастер, восстанавливая одну из них (в первом ряду справа), изобразил её с кошельком. Таким образом, получился второй, фальшивый, Иуда с написанным на его лице страданием в преддверии предательства.

На средней створке **Креуль-алтаря** (1482, под центральным окном хора) имеется самое раннее изображение Нюрнберга, где отчётливо видны крепость на горе, шпили церквей Св. Лоренца и Св. Себастьяна и башня Weißer Turm, тогда она была ещё белая. Это один из первых заалтарных образов, фоном которого стал пейзаж. На более ранних святые всегда изображались на однотонном золотом фоне, цвете Божественной основы.

Алтарь Трёх Волхвов (1460 г., южная стена хора) является одним из самых красивых в этой церкви, выполнен, возможно, Гансом Плейденвурфом. В произведениях этого самого известного в Нюрнберге художника, работавшего здесь ещё до появления Михаэля Вольгемута, чувствуется влияние нидерландской художественной школы. Картины алтаря представляют собой детально изображённые жанровые сцены, тема которых – Рождество Христово. Все детали, разумеется, символичны.

У правой колонны Триумфальной арки (при переходе в хор) стоит **алтарь Св. Катарини**, расписанный Михаэлем Вольгемутом в 1485-90 гг. На одной из южных колонн центрального нефа за Триумфальной аркой висит большая картина – копия центральной части створчатого алтаря кисти Альбрехта Дюрера. Тема

его – Рождество Христово. Оригинал алтаря, заказанного Дюреру нюрнбергской патрицианской семьёй Паумгартнер, находится в Мюнхене в Старой Пинакотеке. На копии, сделанной через сто лет, почему-то отсутствует посох святого Иосифа.

На южной стене нефа церкви нельзя не заметить богато, в готическом стиле, оформленный вход в ризницы (1519). Судя по дате, работы велись под руководством нюрнбергского зодчего Ганса Бехайма Старшего. Ризницы соединены винтовой лестницей, встроенной в башню. Маленький эркер напоминает эркеры на домах в переулках Старого города. Фасад аристократического дома в церкви? Не странно ли? Но раньше люди в церкви чувствовали себя как дома. На старых гравюрах в церкви можно увидеть детские коляски и собак. Разумеется, в соответствии с церковными традициями фасад украшен скульптурами Девы Марии и святого Иоанна.

Эффектно расписанные витражи окон хора носят имена жертвователей – кайзера (центральное окно) и патрициев Нюрнберга. Наброски к витражам (легенда о святом Лоренце) первого окна в южном нефе, если считать от входа, выполнены Альбрехтом Дюрером и его учеником Гансом Зюссом фон Кульмбахом. Витражи в этой церкви – совершенно отдельная тема, поэтому ограничимся упоминанием одного окна – третьего слева, если считать от центра хора, роспись которого была выполнена на пожертвования нюрнбергских патрициев братьев Риттер. Как и многие патриции Нюрнберга, они осуществили паломническое путешествие в Иерусалим. Роспись, рассказывающая наглядно историю возникновения израильского народа, была выполнена после благополучного возвращения братьев в Нюрнберг в 1479 году. Здесь и Господь, передающий Моисею скрижали с десятью заповедями, и море Красное, и традиционные в те давние времена головные уборы еврейского народа воронкообразной формы.

Аристократические семьи Нюрнберга обладали правом размещать в церкви Св. Лоренца гербовые щиты в память об умерших членах рода мужского пола. Такие щиты висят в церкви повсюду. В 1495 г. власти города ограничили их размер и форму. Строго подчёркивалось, что они должны быть информативными и не выделяться из общего ряда.

На одной из южных колонн хора висит эпитафия пастору Антону Крессу (1513), этот рельеф на меди предположительно является работой Петера Фишера Младшего. На симметричной колонне хора с северной стороны, точно напротив сакраментхауса, висит рельеф, посвящённый живущему в Америке потомку семьи Кресс фон Крессштайн, который своими пожертвованиями очень поддержал восстановление церкви, разрушенной во Вторую мировую войну.

Как молчаливый символ мира в западной части церкви стоит огромный колокол весом 60 центнеров, самый тяжёлый и старый в церкви. Он был отлит в XIV в. и служил набатом. Во время Второй мировой

Эпитафия Антону Крессу

Нассауэрхаус и Фонтан Добродетелей.

войны колокол был основательно повреждён. Надпись на латыни на нём гласит: «En ego campana numquam pronuntio vana, ignem vel festum, guerram seu funus honestumi» (Разве я не тот колокол, который никогда не звонил по незначительному поводу).

Помещение церкви с его огромным объёмом требует соответствующего звучания музыки. Звуки двух органов издавна заполняли храм, но только в 1937 году состоялось освящение нового, третьего инструмента. Разрушенная в войне церковь была восстановлена, к 1952 году восстановили главный орган, и теперь его трубы обрамляют знаменитую розу западного портала. Лаурентис-орган позже разместили на северной стене главного нефа, там, где с 1444 до 1721 г. висел его готический предшественник. Несколько лет шла интенсивная творческая работа

по созданию в церкви системы трёх органов. 26 июня 2005 г. состоялся концерт-освящение Стефанус-органа, он висит теперь под сводом хора, над ризницами.

Наискосок от церкви Св. Лоренца возвышается **Нассауэрхаус (40)**, совершенно необычный дом, похожий на крепость. В Средневековье богатые купцы возводили такие дома-башни для жилья. В городах северной Италии они встречаются довольно часто. В Нюрнберге это единственный сохранившийся пример дома, построенного в романском стиле. Узкие окна таких домов-крепостей раньше выглядели как бойницы. Под высокой четырёхскатной крышей между тремя башенками тянется галерея с парапетом в виде крепостной стены с зубцами. Восточный фасад дома украшает один из самых красивых хёрляйнов Нюрнберга (1420). Если иметь в виду подвальное помещение и два нижних этажа, относящихся к концу XII в., то это старейший жилой дом города.

Богатый горожанин Ульрих Ортлиб приобрёл этот дом в 1427 г. Известно, что в 1431 г. он предоставил кайзеру Сигизмунду кредит в 1500 гульденов, и последний в качестве залога отдал ему свою корону. Кайзер оставил расписку, обязуясь вернуть долг в течение четырёх месяцев, в противном случае, корона остаётся у Ортлиба, значилось в расписке. Долг кайзером был возвращён в срок, и корона вернулась к

владельцу. А гордый Ульрих Ортлиб смог, достроив верхний этаж, украсить свой дом венцом из гербов. На парапете галереи под крышей среди гербов империи, кайзера, папы, семи курфюрстов, Нюрнберга и церкви Св. Лоренца красуется и герб рода Ортлибов. Имя дома связано с недоразумением: в более поздние времена историю с заложенной короной приписали королю Адольфу фон Нассау (1292-98). Около двух столетий Нассауэрхаус принадлежал аристократической семье Шлюссенфельд. С 1709 г., после смерти последнего представителя этого рода, согласно его завещанию, домом владеет благотворительный фонд «Schlüssel-felder».

С северо-западной стороны церкви Св. Лоренца, точно напротив дома Нассауэрхаус, в блистательное время Ренессанса был поставлен роскошный **фонтан Добродетелей (41)**, созданный в мастерской талантливого литейщика Бенедикта Вурцельбауэра. Место для него было выбрано сознательно – вблизи главного портала церкви, рельеф тимпана которого предвещает Страшный суд. Водные струи фонтана символизировали силу, помогающую людям вести чистую и безгрешную жизнь, дабы избежать загробного наказания. Над восьмиугольной чашей фонтана возвышается бронзовая колонна, на нижнем ярусе – скульптуры семи добродетелей со своими символами в средневековом представлении. Вера с крестом, Надежда с якорем, Любовь с детьми – добродетели по христианской теологии. Главные добродетели по Платону: Мудрость (Терпение) с ягнёнком, Смелость (Мужество) со львом, Благоразумие (Умеренность) с кувшином. Справедливость с весами и мечом возвышается над всей композицией. За её спиной прячется журавль – символ бдительности.

О **монастыре Св. Клариссы** напоминает **церковь Св. Клары (42)** (римско-католическая) на улице Königstr. 64. Время расцвета ордена Св. Клариссы благодаря его знаменитому скрипторию (мастерская, где в западноевропейских средневековых монастырях переписывались книги) относится к началу XVI в. Каритас Пиркхаймер (1467-1532, в миру Барбара), одна из самых образованных гуманисток Германии, 54-я настоятельница женского монастыря Св. Клариссы в Нюрнберге, как и её брат Виллибальд, родилась в Айхштетте. Для получения духовно-религиозного образования отец отправил двенадцатилетнюю девочку в монастырь Св. Клариссы. В шестнадцатилетнем возрасте под именем Каритас она была принята монахиней, дав обет целомудрия, нестяжания и послушания.

Немецкий писатель-гуманист Конрад Цельтис (1459-1508) назвал её «лучшим украшением немецкой земли» и посвятил ей поэтический цикл «Житие Марии», который был иллюстрирован Альбрехтом Дюрером. В период Реформации в 1525 году Городской совет Нюрнберга, попытался закрыть монастырь, но натолкнулся на сильное сопротивление монахинь. Башня Silberturm – всё, что осталось от когда-то цветущего монастыря, – как ничто другое в Нюрнберге напоминает о насилии, сопровождавшем Реформацию.

Поддержку Каритас нашла у своего брата Виллибальда, и с его помощью в ноябре 1525 г. состоялась знаменитая дискуссия поборницы свободы вероисповедания с Филиппом Меланхтоном, ближайшим сторонником Лютера. Высокообразованные представители двух сторон установили, что их мнения в решающих вопросах христианской веры совпадают. Монастырь не был закрыт, но

Церковь Св. Клары и здание бывшего зернохранилища Маутхалле

приём новых монахинь был запрещён. Каритас управляла монастырём до своей смерти в 1532 г. Монастырь просуществовал до смерти последней монахини (1594). С 1854 г. храм является филиалом католической церкви Богоматери. В своём внутреннем убранстве он имеет богато украшенный резной алтарь со сценами Страстей Христовых (1517). Сцена Распятия, Мадонна в хоре и алтарь Девы Марии относятся к 1500 г. В 1959 г. было открыто место погребения Каритас Пиркхаймер. Для знаменитой настоятельницы нашлось место в церкви Св. Клары, и через год состоялось перезахоронение тела. У входа в хор справа, рядом с алтарём, можно увидеть могильную плиту с простой надписью «Caritas Pirckheimer 21.3.1467 – 19.8.1532». За ней стоит выветренный надгробный камень с едва распознаваемой надписью «Caritas Pirckheimer». В марте 1945 г. во время бомбардировок церковь была частично разрушена, восстановлена к 1954 г.

Церковь Св. Марты (43) (еванг.-лютер.) по улице Königstr. 79 с принадлежащим ей госпиталем была построена за крепостной стеной в 1385 г. и служила прибежищем для паломников. В течение года здесь останавливались и получали еду и питьё до 6000 пилигримов. С 1572 по 1620 г. здание находилось в распоряжении нюрнбергских майстерзингеров. Витражи церкви относятся к старейшим в Нюрнберге (XIV-XV века). С 1800 г. церковь принадлежит евангелической общине.

На линии бывшей крепостной стены Второго укрепления западнее мощного здания **Mauthalle (44)**, построенного как зернохранилище, стоит здание с двумя полукруглыми башнями, украшенными рустикой и увенчанными луковичными главами. Оно было построено в 1588 г. и служило входом в помещения **бывшего арсенала (45)**. Сейчас здесь находится полицейский участок. Здания арсенала были расположены на месте бывшей крепостной стены и тянулись тогда вплоть до нынешней улицы Färberstr.

Арсенал (слева) и здание Аполлотеатра за ним. Справа – здание Маутхалле.

В XV-XVI вв. Нюрнберг был европейским центром производства оружия и доспехов. Это отразилось на огромном многообразии ремесленных специальностей, обслуживающих армию. В Нюрнберге работали мастера рыцарских панцирей, полировщики брони, мастера мечей и копий, ножей и клинков, шпорных дел мастера, оружейные мастера и так далее. Уже с 1780 г. Городской совет начал распродавать богатейшее собрание орудий и оружия, так как экономика города находилась в плачевном состоянии. Только в 1888 г. благодаря покупке Германским национальным музеем некоторых образцов нюрнбергского вооружения и военной техники небольшая часть драгоценных экземпляров вернулась в арсенал.

Конрад Мендель, один из членов нюрнбергской патрицианской семьи, влиятельной в период 1350-1450 гг., основал маленькую богадельню (**Дом Двенадцати Братьев**) на площади Kornmarkt, недалеко от здания нынешнего Германского национального музея. В ней жили всегда 12 (по образцу двенадцати апостолов) престарелых и больных нюрнбергских ремесленников, честно, без долгов проживших свою жизнь и на старости лет получивших здесь кров, пищу и платье. Здание не сохранилось, но осталась «домашняя» иллюстрированная книга этой богадельни, где за своей работой был изображён каждый живший здесь престарелый мастер (Стр. 150). Такая же книга велась и в богадельне Дома Двенадцати Братьев, основанной и построенной приблизительно через 150 лет купцом Маттеусом Ландауэром у башни Lauferschlagturm.

Поводом для основания **монастыря картезианцев** (кон. XIV в.) для нюрнбергского патриция и купца Маркварда Менделя стала смерть жены во время эпидемии чумы. Монахи этого ордена полностью порывали с миром. Их единственным занятием было обрести и удержать непосредственное общение с

Файт Штосс

Святой Рохус, 1523, (Стр. 31)

В одной из капелл хора церкви Сантиссима Аннунциата, Флоренция. Это единственная немецкая скульптура, удостоенная чести упоминания в выдающейся книге Джорджо Вазари «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1550).

Вазари ввёл понятие маньеризма как высокой степени грациозности, уравновешенности и утончённости в искусстве. Его мнение, а назвал он эту работу «чудом из дерева», особенно важно в этом случае, так как его оценка относится к позднеготической скульптуре. Вазари не мог видеть скульптурной группы «Рафаэль–Тобиас», иначе и она наверняка попала бы в его анналы.

Файт Штосс

Рафаэль–Тобиас, 1516, Германский нац. музей, Нюрнберг. (Стр. 31)

В Ветхом Завете упоминается архангел Рафаэль. Его образ тесно связан с историей Тобиаса–сына, главного героя «Книги Тобиаса». Эти персонажи были очень популярны в Италии в то время. Ослепший милосердный иудей Тобиас отправляет своего одноимённого сына на остров Родос за целебным средством. Тобиас–сын по пути встречает юношу, готового сопроводить его в путешествие. Это архангел Рафаэль, он помогает Тобиасу отыскать рыбу, жёлчь которой исцеляет его отца.

Богом. Поэтому первые строения Картезианского монастыря, в отличие, например, от францисканцев, появились вдали от больших дорог – между землями Тевтонского ордена и монастырём Св. Клариссы. Позже Картезианский монастырь оказался между Второй и Третьей крепостными стенами.

В 1383 г. состоялось освящение монастырской церкви. В её хоре был погребён основатель монастыря Мендель. Малый монастырский двор был готов уже в 1405 году, но ризница, галерея (клуатр) с монашескими кельями и хозяйственные постройки возводились до середины XV в. В 1525 г. в связи с Реформацией монастырь прекратил своё существование. В 1857 г. его здания, находившиеся в очень плохом состоянии, были переданы **Германскому национальному музею (46)**. Монастырский зал для собраний оказался навсегда потерянным в результате разрушений в период Второй мировой войны. Посетители Германского национального музея могут осмотреть восстановленные после войны Малый и Большой монастырские дворы с частями сводчатой галереи (клуатра) монастырской церкви.

Этот один из самых интересных музеев мира был основан по инициативе барона фон Ауфзеса в 1852 г. и посвящён искусству и культуре Германии. (Стр. 73). Среди экспонатов музея – несколько произведений Дюрера, старейший из сохранившихся в мире глобус, старейшее в мире личное огнестрельное оружие. Самый старый кукольный домик, представленный в коллекции музея, относится к 1610 г., здесь даже можно рассмотреть настенную роспись – сцена соблазнения монахини монахом. В лапидарии собрана средневековая скульптура. В музее можно найти резные работы Файта Штосса и Тильмана Рименшнайдера, кровати с балдахином, счёт, выставленный Адамом Крафтом за сакраментхаус, старейший список немецких дворянских родов (выполнен для Ганса IV Имхоффа в Венеции), римские пряжки и произведения народного искусства Богемии, огромная коллекция музыкальных инструментов и коллекция фарфора, произведения немецкого скульптора, графика и писателя Эрнста Барлаха и австрийского художника и писателя Оскара Кокошки и так далее, и так далее.

Одним из ценнейших экспонатов музея является работа рейнско-мозельских мастеров по эмали (XII век) – медный позолоченный браслет, знак королевской власти, который надевался на предплечье или пришивался выше локтя к рукаву парадного одеяния. Это так называемая армилла.

Среди имперских сокровищ, хранившихся в Нюрнберге более 370-ти лет, имелись две армиллы, относящиеся ко времени правления Фридриха Барбароссы (XII век). Это были художественные композиции на тему библейской истории: «Рождение Христа» и «Подношение даров». Обе армиллы бесследно исчезли в 1796 году, когда сокровища переправляли из Нюрнберга через Регенсбург в Вену, спасая от революционных французских войск. К счастью, их изображения сохранились на гравюрах Иоганна Адама Дельсенбаха. (Стр. 187)

В 60-е годы XIX века археологом и историком искусств, директором московского Румянцевского музея Г. Д. Филимоновым среди «хлама» в одном из Переяславских монастырей Владимирской губернии был найден медный позолоченный браслет на тему «Распятие». Парный ему браслет «Воскресение»

был обнаружен в ризнице Владимирского Успенского собора. После революции оба браслета попали в Эрмитаж, откуда советским правительством в 30-е годы были проданы на Запад для приобретения валюты. Оба оказались в частных собраниях. Теперь «Воскресение» хранится в Лувре, а «Распятие» в 1978 году на аукционе Сотбис приобрел Германский национальный музей. (Стр. 187)

По мнению немецких экспертов, обе эти армиллы были изготовлены мозельскими мастерами по заказу императора Фридриха Барбароссы и относятся приблизительно к 1180 году. Неясно, составляли ли они с двумя исчезнувшими одно целое. Скорее всего, эти две пары были изготовлены разными мастерами. История появления армилл на Руси неизвестна. Существует множество гипотез, по одной из которых их связывают с именем князя Андрея Боголюбского. Однако, князь был убит в 1174 году, ранее предполагаемой даты изготовления армилл.

Вход в современное здание Германского национального музея находится на **улице Прав Человека (47)**. На 27-ми белоснежных колоннах и трёх круглых плитах на земле этой короткой улицы выбиты на разных языках статьи из Всеобщей декларации прав человека. Дуб в этом ряду символизирует остальные, не упомянутые здесь, языки. (Стр. 210)

Среди других больших и интересных музеев Нюрнберга можно назвать **Музей транспорта и коммуникаций** и **Музей индустриальной культуры**. Музей транспорта и коммуникаций расположен недалеко от вокзала, Lessingsstr. 6, в двухфлигельном здании, построенном в 1914-23 годах в стиле позднего немецкого Ренессанса. Это старейший транспортный музей на немецко-говорящей территории, в основу которого легло собрание моделей Королевской Баварской государственной железной дороги. Позже он включил в себя и экспонаты, касающиеся почтового дела. Точная копия локомотива «Adler» является одним из главных экспонатов.

Два предпринимателя, Иоганнес Шаррер и Георг Платнер, с помощью партнеров собрали стартовый капитал, необходимый для прокладки трассы, покупки в Англии паровоза и одного вагона, – дух изобретательства и рационализаторства, характерный для жителей Нюрнберга, взял свое. Между тем, Людвиг I предпочел финансировать строительство канала между Дунаем и Майном. Из Англии локомотив в разобранном виде доставили по воде через Роттердам в Кёльн, затем погрузили на повозки и отправили в Нюрнберг. Машиниста тоже выписали из Англии. В день открытия первой железной дороги толпы восторженных жителей Франконии выстроились вдоль новой трассы Нюрнберг – Фюрт. Железный «Адлер» проследовал мимо зрителей со скоростью 26 километров в час, время пути составило четырнадцать минут.

В музее, помимо этой копии, выставлен оригинальный пассажирский вагон 1835 года. Особый интерес и восторг вызывают роскошные вагоны баварского короля Людвига II. Рядом с этим сказочным составом выставлены скромные вагоны, которыми пользовался «железный канцлер» Отто фон Бисмарк. Отдельная часть экспозиции посвящена роли и месту Германской имперской железной дороги в годы национал-социализма и Второй мировой войны – от обеспечения военных действий, снабжения военных заводов и фабрик до транспортировки миллионов жертв Третьего Рейха в концентрационные лагеря.

Церковь Св. Якоба

Церковь Св. Элизабет

Фонтан «Семейная карусель»

Церковь Св. Якоба (48) (еванг.-лютер., площадь Jakobsplatz) принадлежит к старейшим храмам города. О маленькой романской капелле, принадлежавшей Тевтонскому ордену и расположенной рядом с одним из двух хозяйственных королевских дворов, впервые упоминается в документах 1209 г. Новый храм на её месте начал строиться в 1283-90 гг., при этом старались по возможности сохранить облик и план старой капеллы.

Главный алтарь церкви (ок. 1370) считается старейшим алтарём Нюрнберга. Его украшают декоративный готический фронтон и ещё более ранние изображения, выполненные на золотом фоне. Особого внимания заслуживает замечательная скульптурная группа «Оплакивание Христа» на правой торцевой стене нефа (дерево, ок. 1500). Рядом стоящий алтарь Двенадцати Апостолов относится к началу XVI в., его правый рельеф вставлен позже. Над ним – сцена Распятия с фигурами Марии и Иоанна по сторонам. На южной стене нефа висят четыре створки алтаря, выполненные около 1490 г. в мастерской Михаэля Вольгемута. На левой торцевой стене церкви над алтарём семьи Хагельсхаймеров (1516) висит скульптура «Богоматерь с Младенцем и святой Анной» (ок. 1505) из мастерской Файта Штосса.

Готический хор нынешней церкви относится к XIV в. Здесь собирались на богослужения рыцари Тевтонского ордена. На стенах можно увидеть клятвенные щиты, они использовались для подтверждения рыцарского происхождения на церемониях присяги при вступлении в орден. Ещё и сегодня некоторые старые надгробные плиты рыцарей, как, например, надгробие Конрада фон Эглоффштайна (ум. 1416), напоминают о времени, когда церковь служила этому ордену. С 1250 до 1261 гг. его членом был миннезингер и поэт Тангейзер. Считается, что он погребён в этой церкви. При реставрации 1824-25 гг. в основу внутреннего убранства церкви лёг стиль барокко. После войны здание было восстановлено в 1962 г.

На месте, где сейчас возвышается церковь **Св. Элизабет (49)** (римско-католическая, площадь Jakobsplatz), стояла капелла госпиталя Св. Элизабет Тевтонского ордена. После Реформации она являлась единственным католическим островком в евангелическом городе. В XVIII в. орден решил на месте скромной готической капеллы выстроить новое представительное здание церкви. Но со временем католическая община, выкупившая церковь в 1885 г., выстроила на её месте храм в стиле классицизма. Это единственное крупное здание Нюрнберга, выстроенное в этом стиле. Огромный зелёный купол церкви, увенчанный крестом Тевтонского ордена, кажется здесь, на фоне готических церквей, чем-то чужеродным. На посетителя производит сильное впечатление круглое внутреннее помещение церкви с огромными мраморными колоннами, держащими мощный купол храма. В нишах вдоль стен стоят фигуры 12 апостолов. Мраморный алтарь был закончен только в 1900 году.

*Поблизости, по улице **Zirkelschmiedgasse 26**, находится уютный рестораник **Zum Gulden Stern** (К золотой звезде), где по традиционному рецепту на огне из буковых поленьев жарятся нюрнбергские колбаски. Тут всегда можно отведать франконские вина. Этот старый трактир со всей его обстановкой был восстановлен в 1980 г. нюрнбергским общественным объединением Друзья Старого города.*

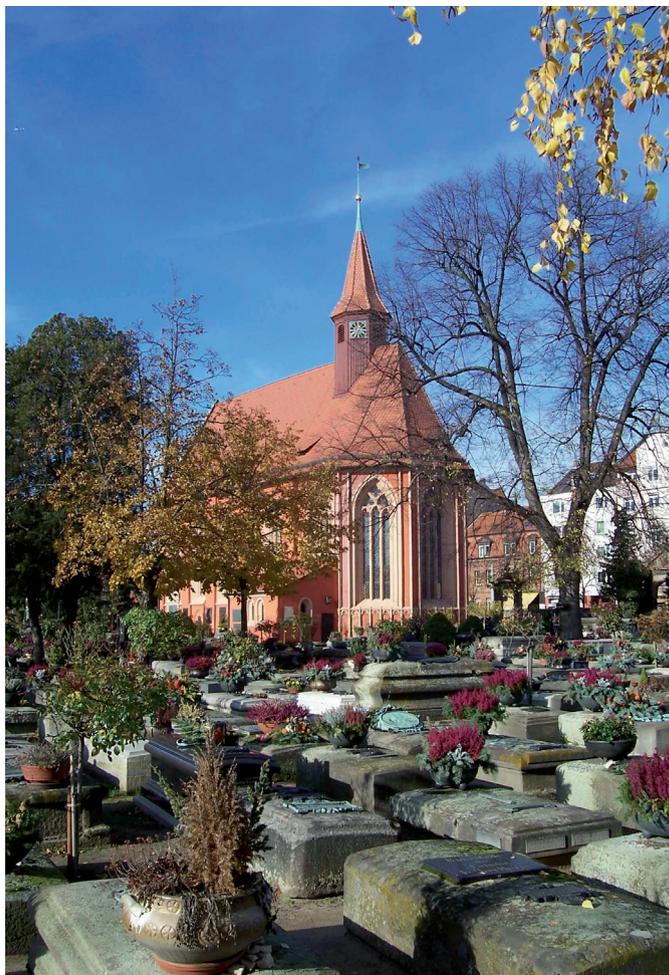
Разрушенные в войне башню *Weißer Turm* и барбаканы (две круглые башенки снаружи ворот, покрытые шатровыми крышами) город смог восстановить в 1977 г. Для строящейся здесь станции метро *Weißer Turm* была необходима вентиляционная шахта диаметром шесть метров. Так для прикрытия этого отверстия в мостовой на площади *Ludwigsplatz* возник **фонтан «Семейная карусель» (50)**. Его гипсовую модель выполнил брауншвейгский скульптор доктор Юрген Вебер. Мы уже видели его работу «Корабль дураков» недалеко от Главной рыночной площади. Уже во время установки скульптурной группы вокруг неё начались ожесточённые споры. Её находили безвкусной и вульгарной. Тема сооружения – поэма Ганса Сакса «Горько-сладкая супружеская жизнь». Фонтан представляет собой карусель с шестью платформами. На каждой платформе – группа бронзовых скульптур-сцен из супружеской жизни. На кукурузном початке – фигура танцующего Ганса Сакса, у его ног – фигуры богини Венеры, козла и нимфы (символы мужского и женского союза). С противоположной стороны на мраморном сердце выбит год создания, имя скульптора и фрагмент поэмы Ганса Сакса. Рядом, справа от него, пеликан, вырывающий сердце из своей груди, символизирует мать, готовую для своего ребенка на всё. И тут же безучастный ко всему отец. Интересны две аллегии «Супружеские цепи» и «До гробовой доски», изображенные в самом что ни на есть прямом смысле.

За стенами Старого города

Средневековое кладбище Св. Иоанна (*Johannisfriedhof*)

История нюрнбергского предместья *St. Johannis* началась в 1234 г., когда на бывшей торговой улице, ведущей во Франкфурт, построили странноприимный дом для прокажённых. Таких домов перед крепостными воротами в Нюрнберге было четыре. Церковь Св. Иоанна, по-видимому, бывшая капелла лепрозория, впервые была упомянута в документах в 1377 г. Альбрехт Дюрер на одной из своих акварелей изобразил её рядом с двухэтажным зданием лепрозория и хозяйственными постройками. Жителей северной части города хоронили на кладбище вокруг церкви Св. Себастьяна. А жителей южной – на кладбище вокруг церкви Св. Лоренца. В 1518 году, когда надвигалась очередная эпидемия чумы, Городским советом было принято решение о переносе кладбищ за городскую стену. Место для захоронения жителей города Себастьяна отвели восточнее церкви Св. Иоанна (предместье *St. Johannis*), так возникло кладбище Св. Иоанна. Для захоронения жителей города Лоренца служило кладбище Св. Рохуса (*Rochusfriedhof*), расположенное чуть южнее нынешней площади *Plägger*. Святой Рохус – защитник при эпидемиях.

Старейшая часть кладбища Св. Иоанна расположена между церковью и шатровой капеллой Хольцшюэров. Правила для могильных плит и эпитафий, принятые в 1519 году, действуют ещё и сегодня. Надгробные плиты пронумерованы, размер их ограничен (1,75x0,85x0,35 метра). Более 1600 из них покрыты знаменитыми бронзовыми эпитафиями, которые украшены надписями, гербами, орнаментальными или фигурными изображениями, часто говорящими о профессии умершего. Эпитафии XVI в. были выполнены в основном в мастерской Фишеров. Вот несколько примеров захоронений, номера выбиты на плитах:

389 – профессия булочника, изображены крендель, булка–плетёнка, каравай хлеба и три булочки;

495 – профессия литейщика (мастер бронзового и латунного литья), изображены горшки, ступки и мушкеты;

501 – изображён гончар, сидящий в своей мастерской, вокруг него – кувшины, горшки, кружки.

На этом кладбище покоятся останки Файта Штосса (248), Альбрехта Дюрера (649), Венцеля Ямнитцера (664), Виллибальда Пиркхаймера (1414), Людвига Фейербаха (75, новая часть кладбища).

На главной аллее, в центре старой части кладбища, нельзя не заметить монумент из песчаника, возвышающийся в виде плоской семиметровой плиты. Это захоронение Вольфганга Мюнцера (929), очень богатого нюрнбержца, совершившего паломническое путешествие из Венеции в Иерусалим в 1556 г. На обратном пути он попал в плен и два года работал на галерах. Только через три

года он смог освободиться и с турецким паспортом вернуться на родину. После этого непростого путешествия Мюнцер воздвиг монумент из песчаника, на плоскости которого рассказана история его путешествия. Среди множества фигур, высеченных на камне, можно увидеть воскресшего Христа, под которым изображены не римляне, как это принято, а четыре испуганных турка. Вольфганг Мюнцер не имел наследников и в своём завещании распорядился ежегодно в день святого Вольфганга (31 октября) из оставленного им наследства одевать в новое платье сто пожилых мужчин. Это кладбище считается самым знаменитым и самым красивым средневековым кладбищем в Европе.

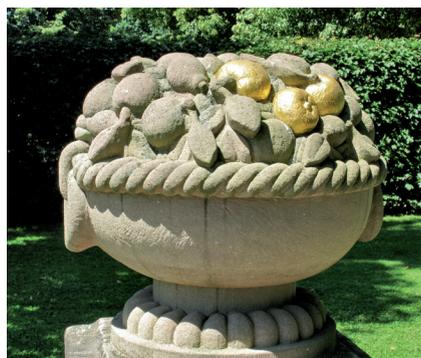
Надгробие Венцеля Ямнитцера

Кладбище Св. Рохуса не так знаменито, как кладбище Св. Иоанна, но ни в чём ему не уступает. Иоганн Пахельбель и Петер Фишер похоронены здесь, хотя на этом кладбище редко можно найти захоронения нюрнбергских аристократов или знаменитостей. Тут покоятся нюрнбергские мастеравые и находится единственное захоронение нюрнбергских детей из сиротского дома. На этом кладбище около тысячи бронзовых эпитафий.

В 1518 году семья Имхоффов, принадлежащая к аристократическим семьям, имеющим право быть избранным в Городской совет, испросила разрешения построить здесь на свои средства капеллу Св. Рохуса для семейного склепа. Разрешение было получено. План строительства по просьбе семьи был подготовлен Гансом Бехаймом Старшим, городским зодчим, а строительством руководил сын Бехайма, Паулюс. В войну здание очень пострадало, но семья тщательно его восстановила, и капелла до сих пор, уже почти 500 лет, служит Имхоффам в качестве усыпальницы.

Барочные сады XVII–XVIII вв.

По пути на кладбище *Johannisfriedhof* можно посетить барочные сады с цитрусовыми деревьями и садовыми скульптурами. В Новое время, начиная с XVII века, у нюрнбергских аристократов появилось увлечение – выращивание экзотических растений. В 1708 году купец Иоганн Фольккамер в своём роскошно иллюстрированном альбоме «Нюрнбергские Геспериды» описал такие сады, находившиеся тогда на территории нынешнего городского района *St. Johannis*. Своим именем эти сады обязаны Гесперидам (дочерям Геспера), охранявшим, согласно греческой мифологии, «золотые яблоки».

Сады Гесперид

Лимоны – символ совершенства и постоянства в христианстве, их приносили на похороны, на крещение и свадьбы. Пожалуй, ни один другой немецкий город с таким честолюбием не выращивал цитрусовые – лимонные и апельсиновые деревья севернее Альп! Патриции и богатые горожане старались походить на князей с их оранжереями.

Обычно территория сада состояла из трёх частей – жилой дом, двор и сад. Летом горожане покидали свои дома в городе и проводили время здесь. Дом, обращённый в сад, имел каменную балюстраду, иногда с порталом или художественно исполненной кованой решёткой. Сады разбивались по примеру итальянских – симметричных по длине. Был тут и огород, отделённый от сада. В нём выращивались плодово-ягодные растения или травы – целебные и пряности. Территория украшалась террасами и аллеями с барочными скульптурами, беседками, голубиными домиками, маленькими прудами и струйными фонтанами. Всё подчинялось строгим геометрическим правилам.

В 80-е годы прошлого века сюда собрали сохранившиеся садовые барочные скульптуры и создали здесь современные сады Гесперид – уютные, почти райские уголки.

Достаточно много скульптур сохранилось в саду дома по адресу Johannisstrasse 13. Этот барочный сад обустроили в 1763 году, как и многие другие, бывшие в этом районе когда-то. Сейчас здесь собраны статуи Меркурия и Минервы (ворота истины), Юпитера и Венеры (ворота большого счастья), Аполлона и Дианы (ворота маленького, земного счастья), Марса и Сатурна (ворота несчастья и проклятия). В центре композиции расположен фонтан с Купидоном. В сохранившемся садовом барочном павильоне проводятся выставки.

Довольно большая территория отдана саду по адресу Johannisstrasse 47. Это «Сад Гесперид», уходящий в глубину квартала на 130 метров. Здесь же в «Барочном домике» (Barockhäusle) находится летнее кафе и ресторанчик, предлагающий традиционную франконскую кухню, а на десерт очень вкусные вафли и пирожные.

Нюрнбергская воронка и Цветочный орден на Пегнице.

Ещё несколько лет назад в витрине кафе «Café Kröll» на Главной рыночной площади Нюрнберга можно было увидеть изображение забавной сценки, демонстрирующей действие Нюрнбергской воронки. Сейчас там не увидишь этой инсталляции, но в кафе можно купить ликёр под названием «Nürnberger Trichter» (Нюрнбергская воронка). На этикетке маленькой бутылочки изображена сценка – с помощью воронки учитель вливает мудрость в голову довольно глуповатого на вид ученика. Так, согласно народному преданию, действовала Нюрнбергская воронка – кстати, один из символов Нюрнберга. Возможно, так язвительно и утрировано была представлена известная изобретательность нюрнбержцев, которым якобы удалось придумать это устройство. Возможно, виной всему был основатель «Ордена цветов на Пегнице» поэт Филипп Харсдёрфер. Среди множества его произведений большое место занимают книги, посвящённые языкам и поэзии. В 1648 г. из-под его пера вышла работа «Об изучении правил». Это была попытка «нести знания в массы», казавшаяся в то время смехотворной. Особенно глумились над названием руководства – «Поэтическая воронка. Немецкое искусство сочинения стихов и рифм за шесть часов. Знание латыни не требуется».

«Цветочный орден на Пегнице», основанный в 1644 г., являлся и является до сих пор объединением нюрнбергских поэтов. В настоящее время это единственное функционирующее объединение поэтов, пишущих в стиле барокко. Согласно легенде, в 1644 г. в семье Тетцель одновременно состоялись свадьбы двух дочерей, свадебные стихи для которых были заказаны двум поэтам, Филиппу Харсдёрферу и Иоганну Клайю. Лучшему должен был достаться венок из цветов. Однако ни один из них не захотел обойти другого, и каждый взял из венка по одному цветку. Пришла идея создания поэтического союза, где каждый вступающий выбирал себе имя и цветок в качестве эмблемы.

Своим аллегорическим именем «Норис» город Нюрнберг обязан одному из членов этого ордена. В 1650 г. врач Фритц Хельвиг опубликовал «путеводитель» по Нюрнбергу и его окрестностям, отождествив нимфу Норис с городом. Пространное, характерное для времени Барокко, название путеводителя звучало так: «Нимфа Норис, представленная в замечательных стихах, правдивых историях, весёлых загадках, символах и рифмах поэтов ордена Цветов или современников». Это было идеализированное представление красот города, осмотреть которые предлагалось за два дня.

В Германском национальном музее хранится сочинение «Der Norische Parnaß und Irdische Himmel-Garten» (1677, «Парнас Нориса и Небесный сад на земле»). Его авторы

Альбрехт Дюрер. Германский национальный музей. Нюрнберг

*Барбара Дюрер.
Мать художника. 1490 г.*

В 1467 г. отец Дюрера женился на прелестной молоденькой дочери златокузнца Иеронимуса Хольпера, в мастерской которого он работал.

В семейной хронике Альбрехт Дюрер пишет о своей матери: «Моя набожная мать родила и воспитала 18 детей, часто и тяжело болела, пережила бедность, насмешки, презрение, страх, бесстыдные оскорбления и большие неприятности, однако, всё это не сделало её мстительной».

*Художник М. Вольгемут.
Учитель Дюрера. 1516 г.*

Через тридцать лет после окончания учёбы в мастерской Вольгемута Альбрехт Дюрер написал портрет своего учителя, в сопроводительной надписи назвав его «Мастером».

Галерея-клуатр в бывшем Картезианском монастыре, ныне принадлежащая Германскому национальному музею.

Исчезнувшие армиллы «Рождение Христа» и «Подношение даров» (Стр. 176)

Армилла «Распятие». Германский национальный музей (Стр. 176)

– члены ордена Цветов. В этом поэтическом произведении речь идёт о холме Moritzberg (на юго-восток от Нюрнберга), откуда мистически настроенные поэты любуются открывшимся им видом Нюрнберга-Нориса и его окрестностей, сравнивая холм с Парнасом.

В 1676 г. орден покинул поэтический лес на берегу Пегница (в районе кладбища Св. Иоанна) и устроил себе новое место встреч в пригороде Нюрнберга рядом с нынешними деревнями Neunhof и

Kraftshof в роще, которую назвали Irthain (безумная роща). Это довольно тёмный и диковатый лесок, обнесённый забором и имеющий только один вход, стал для поэтов символом жизни. Минувешь ворота с датами (1644 – основание ордена, 1676 – основание рощи, 1904 – восстановление), идёшь длинной аллеей и наталкиваешься на напоминание «Irret nicht!» (Не заблудись!) При рождении человек попадает в лабиринт жизни, где ему даётся только временный приют. Блуждая по запутанным дорогам лабиринта, многие находят быстрый конец, другие же задерживаются надолго. Покинув тёмную рощу по той же длинной аллее и через те же ворота, оказываешься на бескрайнем поле. Так и смерть выводит тебя из мрака жизни на «свободное пастбище Агнца Божьего».

В XIX столетии высокопарный стиль барокко сменился более естественным. За 350 лет истории существования ордена Цветов его членами были многие именитые нюрнбержцы, среди них Иоганн Фридрих Крамер, Лотар фон Фабер, Зигмунд Шуккерт. В настоящее время в роще Irthain летом проводятся поэтические праздники.

Нюрнбергские карандаши

Карандаш в своём старейшем варианте использовался ещё в XV столетии. Дюрер рисовал знаменитым «серебряным карандашом» – сплав свинца и олова. Но применять такой карандаш было чистым расточительством, так как художнику приходилось при этом использовать бумагу, загрунтованную специальным образом. Поэтому он не нашёл широкого применения.

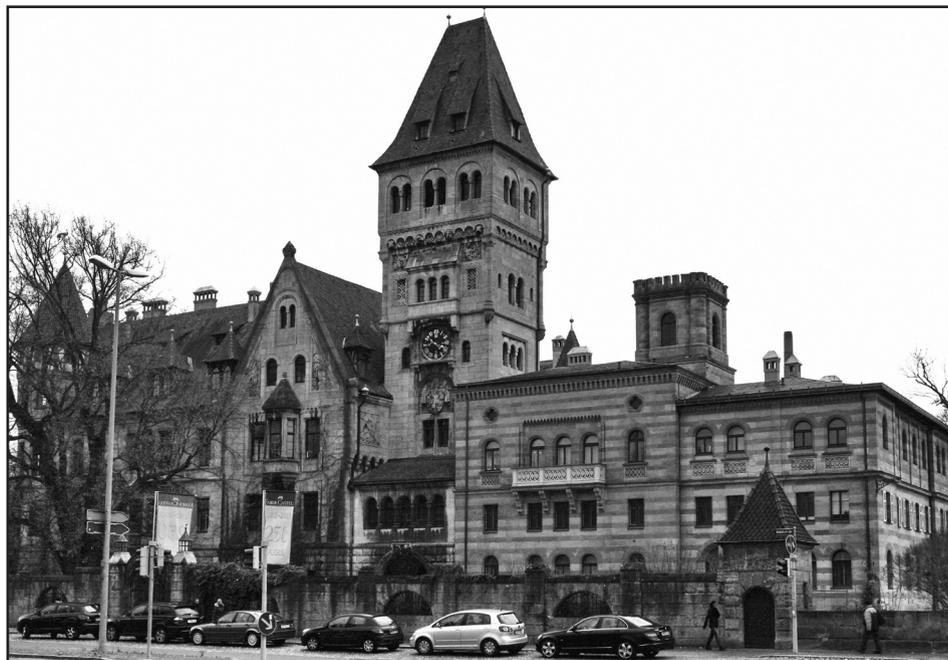
Только когда в Англии в 1664 г. были открыты залежи графита, появился карандаш в виде графитного стержня. Но ещё в 1662 г. нюрнбергский столяр Фридрих Штэдтлер у судебной надзорной инстанции ремесленников попросил разрешения перейти в карандашные мастера. В этой просьбе мастеру было отказано, так как тем самым он мог «поставить в тяжёлое положение» других мастеров этой специальности. В 1675 г. Штэдтлер, не имея лицензии, начал-таки производство и продажу своих карандашей. Тогда и было принято соглашение

между деревообработчиками (столярами) и карандашных дел мастерами, графитный стержень был одет в деревянную оболочку. Это было началом нюрнбергской карандашной фабрики «Staedtler».

Около 1770 г., опять же в Нюрнберге, столяр Каспар Фабер в результате экспериментов из размельчённого графита и других материалов изготовил массу и применил её для карандашного стержня. Ему удалось создать стержень, который был менее ломок, чем у его предшественников. К началу XX столетия производство Фаберов превратилось в известную фирму «Faber-Castell». Дворцовый комплекс семьи Фабер-Кастелей в Штайне, пригороде Нюрнберга, состоит из двух строений – Старого и Нового дворца. В конце XIX в. был построен небольшой дворец в стиле неоренессанс, а в начале XX в. – ещё один корпус, уже в стиле модерн, соединённый со старым строением пятиэтажной башней. Это один из очень интересных архитектурных памятников Нюрнберга. Во время Нюрнбергского процесса здесь квартировалась пресса, очень недовольная бытовыми условиями. В период Второй мировой войны семья потеряла бумаги, удостоверяющие владение дворцом. Только в конце прошлого века они всплыли на аукционе в Чикаго, где за несколько долларов их приобрёл гражданин Америки. Он нашёл владельцев замка и подарил им документы. Теперь замок находится опять во владении семьи карандашных королей Фабер-Кастелей и используется в основном для организации выставок и праздников.

В 1875 г. в Нюрнберге была открыта карандашная фабрика «Schwan-Bleistift-Fabrik», где началось производство цветных химических карандашей. Эти три фабрики сделали Нюрнберг городом карандашей и чертёжных инструментов.

Дворец Фабер-Кастелей.

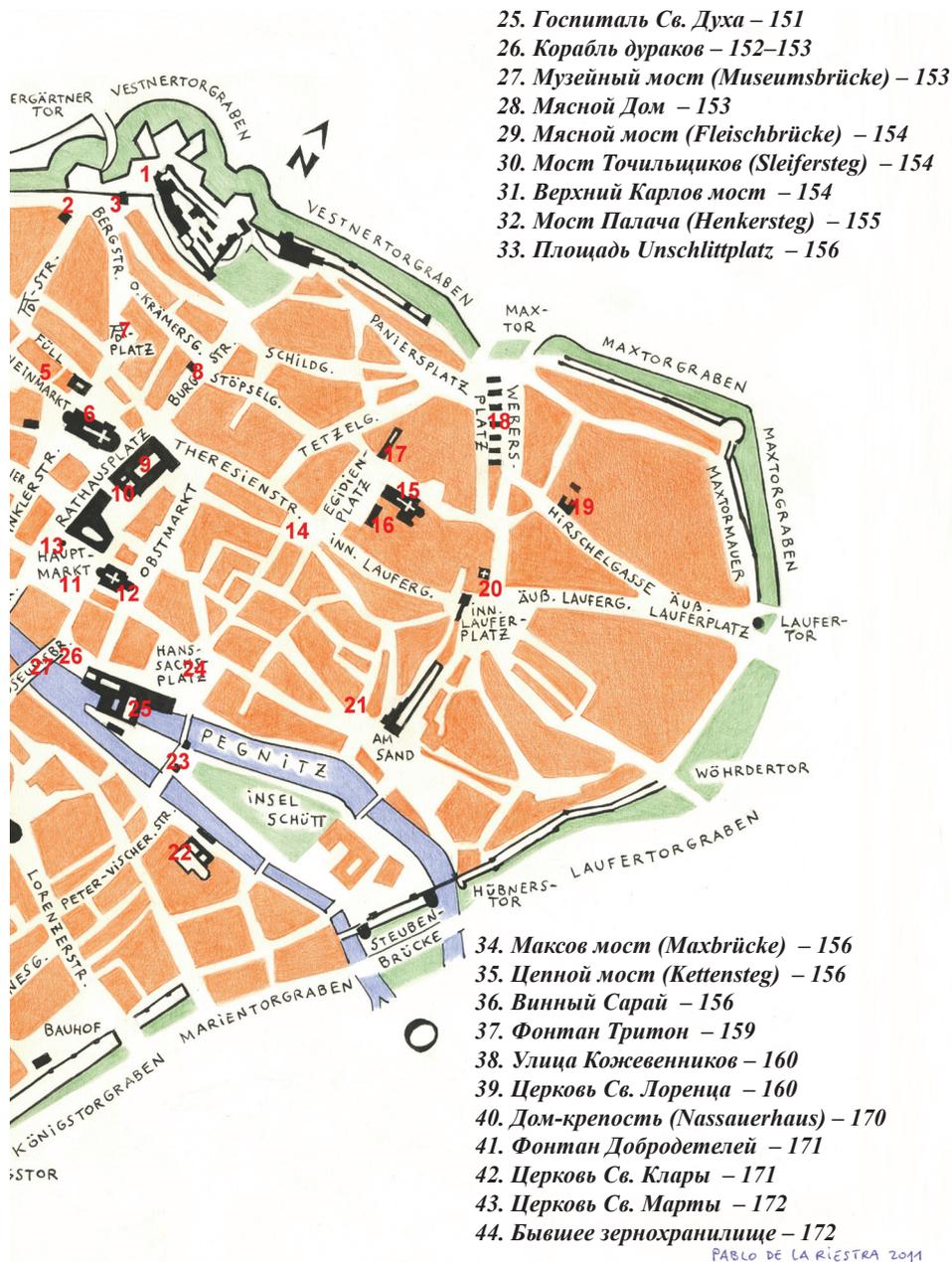
Схема Старого города

1. Имперский замок (Кайзербург) – 10, 115
2. Дом-музей Дюрера – 49, 121
3. Дом Пилата (Pilatushaus) – 119, 121
4. Музей игрушек (Spielzeugmuseum) – 123
5. Дом Паулюса Прауна – 124
6. Церковь Св. Себастьяна – 125
7. Памятник Дюреру – 125
8. Городской музей (Fembohaus) – 131
9. Городская ратуша – 132
10. Готический зал ратуши – 132
11. Главная рыночная площадь – 135
12. Церковь Богоматери – 135
13. Прекрасный колодец – 137

14. Памятник М. Бехайму – 45, 144
15. Церковь Св. Эгидиена – 144
16. Бывшая гимназия Меланхтона – 145
17. Дом Пеллера – 146
18. Дома ткачей «Семь рядов» – 147
19. Дворец Тухеров (Tucherschloß) – 147
20. Капелла Всех Святых – 148
Бывшая богадельня «Дом Двенадцати Братьев»
21. Стрелковый Дом Господ – 148
22. Бывший монастырь Св. Катарины – 149
23. Сенной мостик (Heubrücke) – 151
24. Памятник Гансу Саксу – 151

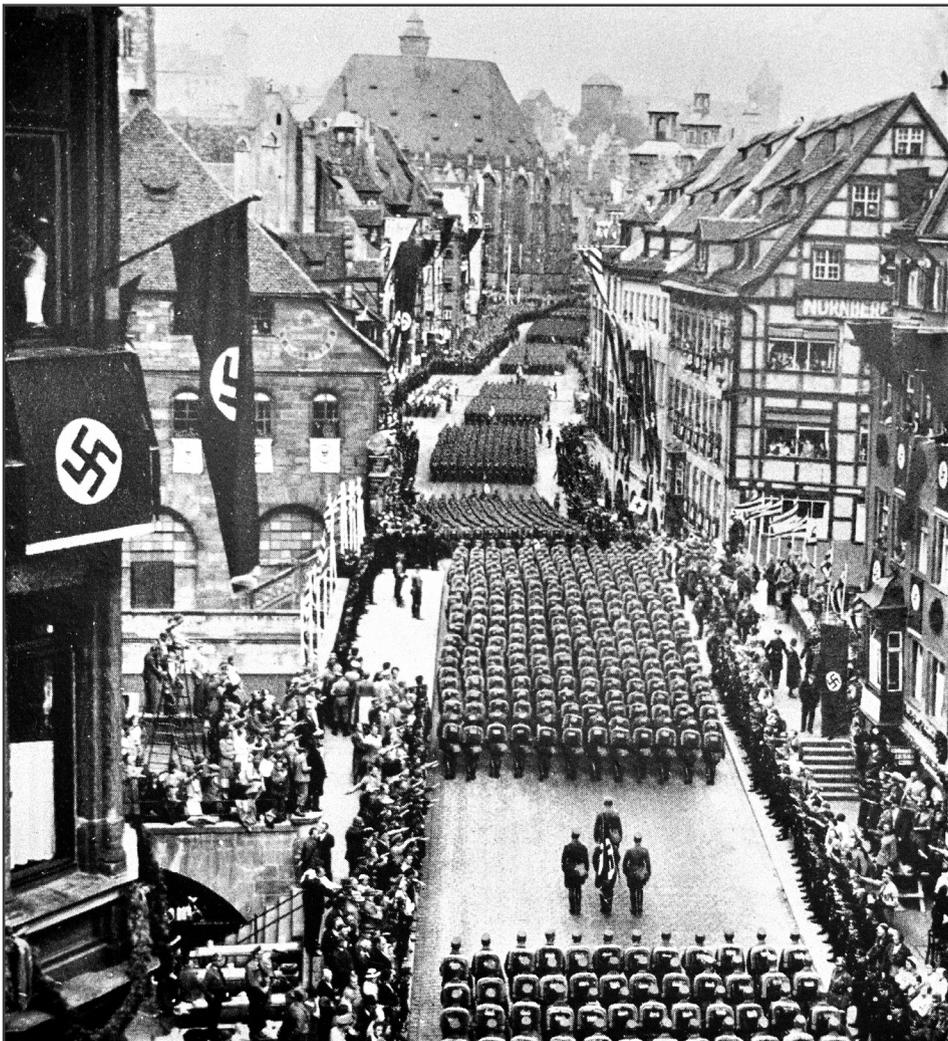

Тяжёлое наследие – «Территория партийных съездов»

На южной окраине Нюрнберга сохранились реликты монументальных строений, возведённых в период 1933-1939 гг. Эти руины в настоящее время используются как напоминание для всех посетителей и, прежде всего, для молодёжи, о значении проходивших здесь пропагандистских спектаклей национал-социалистов. Нюрнбергу, городу партийных съездов нацистов, Нюрнбергских законов и Нюрнбергских процессов более, чем любому другому городу, требовалось вникнуть в свою историю и осмыслить её. В мае 2006 г. на огромной площади

Нюрнберг. Мясной мост. 1938 год.

бывшей «Территории» (380 гектаров) власти города установили большое количество информационных щитов с планами, фотографиями и текстами на немецком и английском языках, рассказывающих о событиях того времени.

Удивительно, но бомбёжки Второй мировой войны почти не повредили «Территорию», в то время как исторический Старый город практически был уничтожен.

Нюрнберг в период нацизма

Начиная с XIX в., Нюрнберг всегда считался современным индустриальным городом. Но его Старый город, окружённый почти полностью сохранившейся средневековой крепостной стеной, в течение столетий не потерял свой облик и благодаря этому с конца XVIII в. слыл самым немецким из всех немецких городов. Поэтому нацисты использовали его в качестве кулис для политических спектаклей и маршей. Городские здания «привели в порядок» – фасады каменных домов украсили старинными росписями, а фасады фахверковых строений очистили от штукатурки, обнажив несущие деревянные конструкции. В дни национал–социалистических съездов сюда прибывало около полумиллиона участников и зрителей. Старый город утопал в красных полотнищах с чёрной свастикой, по старинным площадям и романтическим переулкам маршировали колонны нацистов. К известным инсценировкам фашистов принадлежали также и факельные шествия. А противник церкви Гитлер позировал на фоне фасада церкви Богоматери на Главной рыночной площади, переименованной в площадь Адольфа Гитлера. Фюрер принимал парады, к фюреру апеллировали марширующие массы, его видеть и его приветствовать возгласами ликования было важнейшим и волнующим переживанием участников и зрителей нюрнбергских спектаклей.

Движение нацистов в Нюрнберге под руководством яркого антисемита Юлиуса Штрайхера начало набирать силу ещё в двадцатые годы. Франкония была самым коричневым пятном империи. С приходом к власти Гитлера Нюрнберг стал организаторским центром НСДАП, а еженедельник Штрайхера «Der Stürmer», выпускаемый с 1923 г., молниеносно превратился в открытое антисемитское издание. Бойкот магазинов, принадлежащих евреям, начался ещё с 1934 г. Нюрнбергские расовые законы, провозглашённые Герингом на партийном съезде в Нюрнберге в 1935 г., были встречены бурей оваций и окончательно окрасили город в коричневый цвет. Эти законы определили статус евреев в Третьем Рейхе с целью ограничения их прав в политической и общественной жизни. Граждане еврейской национальности были признаны людьми низшего сословия, запрещались браки между немцами еврейского происхождения и немцами нееврейского происхождения. Тираж пропагандистского листка «Der Stürmer» в 1938 г. достиг полумиллиона экземпляров. Под руководством фанатичного «франконского фюрера» Штрайхера была снесена главная синагога на площади Ганса Сакса как здание, «чуждое» Старому городу. Это произошло за несколько месяцев до «Хрустальной ночи Рейха», когда по всей Германии горели синагоги. Более двух тысяч жителей Нюрнберга еврейской национальности пали жертвой Холокоста.

Синагога

Снос синагоги. Август 1938 года

Осуществление с размахом задуманного проекта «Территории партийных съездов» началось в 1934 г. Для Нюрнберга наступили самые страшные годы его истории. Старые романтические представления о славном времени имперского города были ловко использованы для укрепления патриотизма народа. Искусство знаменитых художников было превращено в атрибутику нацистской пропаганды. В официальном путеводителе того времени «Нюрнберг – сокровищница Германского Рейха» в главе «О великом времени города» появились портреты трёх широкоплечих «героев», исполненных фотографически, – Петера Фишера, Альбрехта Дюрера и Адама Крафта. Фишер выглядел так, как он сам себя изобразил на гробнице Св. Себальда, – в шлеме, похожем на стальную каску. Роскошные волосы Дюрера были «обузданы» и приведены в форму, соответствующую современным нормам. Смирная манера держаться Крафта – сдвинутые брови и плотно сжатые губы – превратилась в холодную целеустремлённость. На их лицах не было и тени эмоций, и смотрели они куда-то вдаль, мимо зрителя. Фильмы кинорежиссёра Лени Рифеншталь и фотографии Генриха Хофмана дополнили формирование имиджа Нюрнберга – города нацистов.

Партийные съезды

Национал–социалисты широко использовали в своих целях христианские праздники и праздники социалистической рабочей культуры. В начале октября обычно проводился имперский праздник урожая, а число участников на праздновании Первого мая в Берлине часто превышало миллион. В 1923 г. в период партийного съезда, проходившего в Мюнхене, в Нюрнберге состоялся «День

Германии». Кульминационным моментом этого дня был парад на Главной рыночной площади в память битв с французами у крепости Седан в 1870 г. и с русскими под Танненбергом в 1914 г. В 1927 и в 1929 гг. свои третий и четвёртый съезды нацисты провели в Нюрнберге. А с 1933 до 1938 гг. съезды проводились здесь ежегодно в сентябре, и каждый из них имел своё пропагандистское название:

1933 – Съезд победителей. Конец Веймарской республики и начало господства национал-социалистов.

1934 – Съезд единства и силы. После «Ночи длинных ножей» – удаление левых экстремистов.

1935 – Съезд свободы. В марте 1935 г. была введена всеобщая воинская обязанность. Германия, таким образом, сама себя освободила от условий Версальского договора.

1936 – Съезд почёта. Германия добилась «почёта» вводом своих войск в демилитаризованную зону Рейнской области.

1937 – Съезд труда. За четыре года власти нацистов была сокращена безработица.

1938 – Съезд Великой Германии. Состоялся после аннексии Австрии гитлеровской Германией и переезда из Вены в Нюрнберг имперских сокровищ, символов Священной Римской империи Германской нации.

1939 – Съезд мира. Должен был выразить немецкому народу и зарубежным странам «волю мира», но не состоялся из-за нападения на Польшу.

Коричневый культ съездов приобрёл праздничную торжественную форму и обычно затягивался на неделю. Тема дня определялась текущей программой съезда. Но были и обязательные темы, среди них «День политических лидеров», «День Гитлерюгенда», «День отрядов СА и СС», «День вермахта». Центральными событиями партийных съездов были большие, тщательно подготовленные парады.

СА – Штурмовые отряды, нем. SA – Sturmabteilung.

СС – Охранные отряды, нем. SS – Schutzstaffeln.

А что же дальше? **Подготовка к воздушной обороне**, разумеется.

Чтобы настроить народ на поддержку программы оснащения армии, уже в 1934 году начала бурно разворачиваться пропаганда мероприятий, направленных на защиту от возможного воздушного нападения. Нюрнберг был объявлен зоной противовоздушной обороны первой очереди. По сути, готовиться к войне начали в 1935-36 годах. Количество строящихся бункеров год от года росло в геометрической прогрессии. В жизнь постепенно входила грядущая война, в подготовке к которой горожане жили всё это время. Не только взрослые, но и дети привыкали к «миру войны». Выпускались детские настольные игры, например, «Бомбы на Англию!», где фишками служили маленькие бомбы. Если бомба коснётся красного пункта (города), то игрок получает 10 очков. Если бомба упала в море, то теряются три очка. В книжках для детей в игровой форме объяснялись правила соблюдения затемнения в городах.

С первых дней войны в северных городах, наиболее подверженных бомбардировкам, развернулось движение «Обеспечение безопасности для детей».

В Нюрнберге эвакуация детей началась только в 1943 году, когда участились воздушные налёты. За вывоз детей (слова «эвакуация» избегали) был ответственен Гитлерюгенд. Дети жили в лагерях, организованных в сельской местности, или у приёмных родителей. Всем, не связанным с военным производством, рекомендовалось покинуть город. До конца войны из Нюрнберга эвакуировали около двухсот тысяч человек.

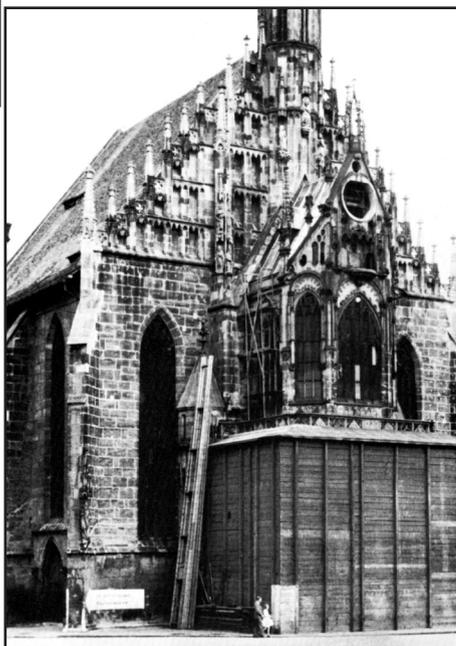
С осени 1939 года Нюрнберг, собственно, как и вся Германия, погрузился в темноту. Маскировочные мероприятия проводились также тщательно, как и все остальные меры по подготовке к воздушным налётам. В ночные смены на работу и с работы горожане ходили с крошечными фонариками на груди, чтобы освещать кусочек пути непосредственно под ногами. Грабежи и нападения были исключены – виновному грозила смертная казнь.

Что касается Нюрнберга, то здесь ходили упорные слухи – город будет разрушен. Нюрнберг со своими очень глубокими, в основном ещё средневековыми, подземными лабиринтами и до войны был

Наземный бункер

очень хорошо приспособлен для укрытия населения. Но с началом войны развернулись совершенно беспрецедентные работы по строительству бомбоубежищ. Многочисленные подземные пространства спасли жизни тысячам горожан, один из них – бункер под рынком за церковью Богоматери. Только в скальных подземных лабиринтах города могли найти защиту около восьми тысяч человек. Наземные бункеры слепыми колодами возвышались за крепостными стенами. Один из них выстроили в 1942 году в сердце Старого города у башни Laufer Schlagturm. И в это, прямо скажем, нелёгкое время,

Церковь Богоматери

не забывали об архитектурном облике города. Бункер возвели согласно строительным правилам Нюрнберга – высота до пяти этажей, стены из местного песчаника, крутая крыша и на ней традиционный эркер.

Четыре мощные круглые башни по углам городской крепостной стены также были приспособлены для укрытия горожан, каждая из них на пяти уровнях внутренних четырёхугольных средневековых башен могла спрятать 450 человек.

Наконец использовали открытые городские пространства. Так, например, площадь перед вокзалом и площадь Plägger обустроили рвами с навесами, где можно было спрятаться от осколков. Это были зигзагообразные туннели, проложенные под брусчаткой, туда вели лестницы, защищённые сверху. На самом деле это были очень ненадёжные укрытия. К 1 января 1945 года все городские убежища могли одновременно спрятать 260 тысяч человек, то есть более половины довоенного населения города.

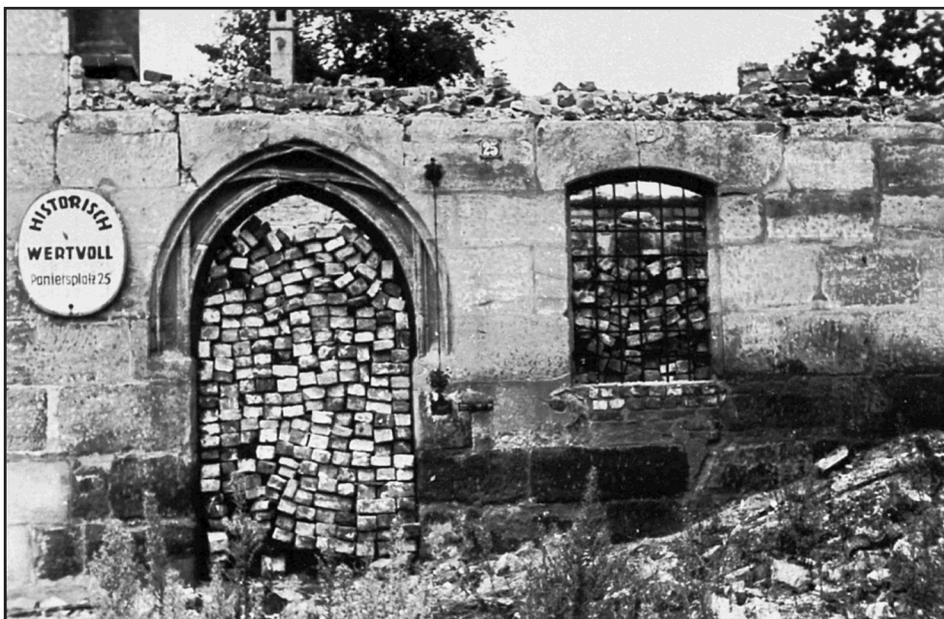
Список возникших проблем не исчерпывался, разумеется, переводом военных предприятий под землю и строительством укрытий для горожан. Город с почти тысячелетней историей называли «шкатулкой драгоценностей немецкой нации». Об этих драгоценностях тоже позаботились. Первые распоряжения по укрытию

Сакраментхаус в церкви Св. Лоренца

В Кунстбункере

“Исторически чрезвычайно ценный объект”

музейных сокровищ и библиотек в сухих подземных помещениях поступили от Баварского управления по защите исторических памятников 1 сентября 1939 года. Почти все исторические сокровища имперского города пережили войну в трёх городских бункерах под Старым городом, а также в замках и поместьях округи. Пряталось всё, что можно было передвинуть. Кроме Кунстбункера на улице Obere Schmiedgasse, было оборудовано большое хранилище в башне Neutorturm, а также в подземных помещениях под площадью Paniersplatz. Кунстбункер имел совершенно необычное перекрытие – скальный слой высотой до 24-х метров. Установки, поддерживающие соответствующие климатические условия в помещениях, по своим параметрам превосходили подобные устройства того времени Германского национального музея. В Кунстбункер поместили новенькую, только что изготовленную ... модель Старого города, имея в виду восстановление его после окончания войны.

«Непередвигаемые» ценности защищали бетонными или железобетонными стенами. Портал церкви Св. Лоренца закрывала бетонная стена в 14 метров высотой, 10 метров шириной и 40 см толщиной. «Прекрасный колодец» на Главной городской площади, сакраментхаус Адама Крафта в церкви Св. Лоренца и другие памятники замуровали. Надгробие Конрада Гросса в церкви Госпиталя Святого Духа и гробница святого Себальда были закрыты кирпичными стенами толщиной 51 см и покрыты сверху двумя железобетонными плитами, каждая толщиной 30 см.

Здесь, в городе партийных съездов, по случаю взятия Парижа провели Парад победителей. Торжественный проход мимо ратуши. Напротив ратуши стоит мощный готический хор церкви Св. Себальда. То есть, скорее, ратуша стоит напротив хора,

Главная рыночная площадь с замурованным Прекрасным колодецем.

так как она лет на двести моложе. А в нише стены хора с 1492 года находится каменный рельеф знаменитого Адама Крафта. Победители проходили мимо уже забетонированной ниши. Это был июнь 1940 года.

Но и это далеко не всё. В начале войны начались работы по защите зданий. Так, например, чтобы избежать взрывов при высокой температуре, чердаки и своды церквей были очищены от старой пыли. Деревянные конструкции крыш, по возможности, постарались удалить, оставшиеся обработали специальным противопожарным веществом. Особые мероприятия были проведены в крепости: окна замуровали, полы засыпали песком, лестничные пролёты закрыли асбестом, стены зданий стянули анкерами. Наконец, ценные исторические строения поместили щитами – «Исторически ценный» или «Исторически чрезвычайно ценный», чтобы при спасении зданий можно было понять, какие из них наиболее важны. В случае отдельных попаданий это играло какую-то роль, но в море пламени 1945 года эти таблички были бессмысленны.

Беспрецедентной также была густая сеть водохранилищ – от чанов с водой во дворах, на площадях и улицах до прудов у стен Старого города (использовался крепостной ров).

В разгар войны из больших городов Германии, уже переживших бомбардировки, в Нюрнберг приезжали делегации, чтобы перенять опыт по защите от воздушных налётов. Поразительна тщательность, продуманность и грандиозность всех этих мероприятий.

Гибель имперского города

Как вспоминают свидетели, нюрнбержцы знали эту дату задолго до её наступления. 2 января 1945 года. В 2015 году исполнилось 70 лет со дня наиболее разрушительной британской бомбардировки города. Первые бомбы упали в 19:20, в 21:40 был дан отбой. В этот вечер была полностью утрачена историческая субстанция средневекового города, погибло 1800 человек. Барочный Дрезден в войне потерял 300 лет своей истории, готический Нюрнберг – ВОСЕМЬСОТ лет.

Густой туман лежал над Нюрнбергом. Несмотря на холодный январский воздух, снега не было. Это был вторник, первый рабочий день Нового года. Спокойные праздничные дни остались позади. Тихо и уютно. В последние недели воздушные налёты ощутимо прекратились. Только тревожное напряжение ожидаемых событий не отступало. Армия союзников стояла у западных границ Германии. Сообщение о наступлении генерала Рундштедта в Арденнах 16 декабря нюрнбержцы приняли с большим скепсисом. Удастся ли ещё раз большой стратегический маневр – танковым клином отрезать от основной армии северный фланг союзников и прижать их опять к каналу?

Ответ на этот вопрос пришёл в рождественские дни. Из уст в уста передавалась новость – «Наступление Рундштедта провалилось, всё потеряно. Скоро наступит мир». И ещё одна новость безудержно распространялась по всем самым отдалённым уголкам города. Она была очень опасна и, возможно, пришла с враждебной пропагандистской радиостанции. Поэтому передавалась она только тем, кому доверяли. Каждый опасался строгого наказания. Но новость была слишком важной, чтобы хранить её про себя – Рузвельт спланировал налёт на Нюрнберг. Почему именно Рузвельт, и прямо-таки на Нюрнберг, ни один человек не мог объяснить.

В этот день в городе с утра стояло необъяснимое напряжение. Незадолго до наступления полудня горожане услышали первую предупредительную тревогу. Никто ничего точно не мог сказать. Были ли уже вражеские самолёты на пути к Нюрнбергу или целью был выбран какой-нибудь другой город?

«Внимание, внимание!» – настойчиво раздалось из громкоговорителя в центральной службе воздушной обороны Нюрнберга, – «Тяжёлые британские бомбардировщики движутся широким фронтом от Аахена до Страсбурга, планируемый квадрат «Toni-Berta» и «Siegfried-Cäsar». Ожидается грандиозный налёт на Нюрнберг». Стремительно разнеслось это сообщение по всем противоздушным пунктам защиты.

Между тем город уже погрузился в темноту. Нюрнберг был образцово замаскирован. Зенитные и прожекторные батареи находились в наивысшей степени боевой готовности. Управляли ими в большинстве призванные на службу юные девушки, русские добровольцы, работавшие тут на принудительных работах, и ребята из Гитлерюгенда. Везде царил тревожное напряжение. Работники дневных смен были отпущены домой. На улицах тишина. Только трамваи двигались своими маршрутами по расписанию. Снова раздался голос из громкоговорителя:

«Минимум тысяча британских бомбардировщиков и сопровождающих колонну самолетов в пути к Нюрнбергу! Две группы бомбардировщиков, «ланкастеры» и скоростные «москито», объединились в 150-ти километрах от Нюрнберга со стороны юго-запада. Через 45 минут машины достигнут города. Высшая степень готовности!»

В 18:30 раздался звук предупредительных сирен. Снять напряжение не смог даже диктор, голос которого обычно успокаивал горожан подобно валериановым каплям, за что его называли «Дядюшкой Балдрианом» (Baldrian – валерьянка). В этот раз голос дядюшки Балдриана ощутимо дрожал, как если бы его владелец перед лицом смерти должен произнести молитву. В 18:43 вновь взвыли сирены. Страшно и таинственно одновременно.

Первые самолёты-разведчики прорвались сквозь круг зениток и зависли над центром города. Вспыхнули осветительные ракеты. Свет залил город так, как будто на мгновение наступил день. Шестью минутами позже упали первые бомбы. Детонация заполнила воздух, казалось, раскололась земля. Тысячи зажигательных бомб всех калибров обрушились на дома. Сотни тысяч фосфорных стрел падали дождём, огонь съедал всё, до чего мог дотянуться.

Многовековые строения церквей складывались как карточные домики. Башни Св. Лоренца дрожали, но держались. Мощные колокола колыхались от движения воздуха. Весь Старый город превратился в море пламени. Плотные тучи из дыма, адская жара, огненный ураган нарастал. ... Горел весь город от крепости до реки и от реки до южной стены. Огонь бушевал всю ночь. (Mossack, Erhard. Die letzten Tage von Nürnberg.)

Это был не первый и не самый массивный авианалёт на Нюрнберг, но самый разрушительный. Все очаги пожара потушили только через десять дней. Двух часов и двадцати минут оказалось достаточно, чтобы знаменитый на весь мир город превратить в груды развалин. Только несколько отдельных удач: крепость была разрушена, но Двойная капелла, крепостные стены и многие башни остались почти невредимыми – возможно, маленький успех мероприятий? Знаменитое готическое окно-роза на церкви Св. Лоренца осталось не защищённым, но судьба уберегла его.

До взятия города американцами пройдёт ещё более трёх с половиной месяцев. Ещё несколько авианалётов переживут горожане. Но этот день стал символом падения Нюрнберга.

Обер-бургомистр Нюрнберга Вилли Либель был предан Гитлеру и был готов защищать город и фюрера до последнего. Благодаря его усилиям символы имперской власти перевезли из Вены в Нюрнберг. В конце марта 1945 года по его инициативе были перепрятаны пять основных артефактов из этого собрания. Тогда же он поехал проститься с семьёй и вернулся в город, чтобы его защищать и погибнуть в бункере Полицейского управления, последнего бастиона защитников Нюрнберга. Среди них были, конечно, разные люди. Кто-то готов был погибнуть, кто-то пытался скрыться, кто-то стрелял в предателей. Последние защитники перемещались по подземным переходам Старого города между двумя штабами –

на севере под нынешней площадью Paniersplatz и под Полицейским управлением на юго-западе Старого города. В конце концов, оставшиеся в живых убеждённые и те, кому не удалось сбежать, по подземным переходам собрались в подвале Полицейского управления.

Битва за Нюрнберг.

Для Седьмой Американской армии взятие Нюрнберга было важнейшим символом. Разрушенный город уже не имел никакого стратегического значения, но всё ещё было важно политическое значение города имперских партийных съездов. Поэтому взятие Нюрнберга американской армией вылилось в «Битву за Нюрнберг». Военная защита города по причине общей ситуации и по причине превосходства американской армии не имела смысла, но битва за город, тем не менее, продолжалась пять дней.

С немецкой стороны речь шла об 11–12 тысячах военных и ополченцев старше 14-ти лет. Оснащение этой армии было уже почти никакое, не было ни одного танка, ни одной единицы тяжёлой артиллерии. Командование со стороны американцев

20 апреля 1945 года. На заднем плане церковь Св. Себастьяна.

осуществлял генерал О'Даниэль, командир Третьего пехотного дивизиона. Подразделение насчитывало сто тысяч бойцов, в битве участвовало около тридцати тысяч человек. На вооружении были танки и тяжёлая артиллерия.

Вот так один нюрнбергский школьник описывал участие своего пятидесятилетнего отца в защите города в эти дни: «Вооружён он был французским карабином 1865 года, десятью патронами, подходящими только к итальянскому карабину 1870 года, и ручной гранатой без взрывателя. Во рву перед крепостью стояли два быка, которых намеревались использовать для пропитания во время осады крепости врагом. ... Вся его деятельность свелась к поднятию белого флага и передаче крепости освободителям». Писал эти строки, по-видимому, уже достаточно взрослый школьник, для него бывшие враги превратились в освободителей.

Американцы намеренно предоставили защитникам возможность уйти из окружённого города со стороны юго-востока. Таким образом пытались избежать потерь, но немецкая сторона, несмотря на слабость, искала возможность начать сражение, что историками позже было расценено как безрассудство. Немецкие отряды, не считая отдельных дезертиров, не отходили. Около полудня 16 апреля 1945 года началась битва за Нюрнберг.

В период основных сражений погода стояла по-весеннему тёплой и ласковой. Было сухо. Так как со 2 апреля в Германской империи устанавливалось летнее время, то боевая активность начиналась очень рано.

Ещё 19 марта 1945 года Гитлером был издан приказ по мерам, предписываемым в случае сдачи территории врагу – повсеместное уничтожение городской инфраструктуры: газопроводов, водоснабжения, очистных сооружений, мостов и электростанций. Это был приказ «Нерон». Из-за хаоса в последние дни приказ нигде так и не был исполнен. Официально он был отменён только 6 мая 1946 года преемником Гитлера Дёницем.

16 апреля гауляйтер (высшая партийная должность областного уровня) Хольц передал к исполнению пресловутый приказ «Нерон» об уничтожении городской инфраструктуры и даже получил подтверждение о том, что приказ исполнен. Кто не передал этот приказ дальше по сети, осталось неизвестным. Позже Хольц отдал ещё один запомнившийся всем приказ – раздать народу стратегические запасы еды (мясо и масло), чтобы последние не попали в руки американцев в случае, если город окажется в их руках. Благодаря этому у многих горожан битва за Нюрнберг ассоциировалась с роскошным обедом (2 килограмма мяса на персону). С марта 1945 года нормальным считалась недельная норма 1700 гр. хлеба, 250 гр. мяса, 125 гр. сала.

17 апреля город был обстрелян артиллерией. Обращение американского командования к обер-бургомистру Либелю с предложением о прекращении огня и сдаче города осталось без ответа. Может быть, это было решением фанатика гауляйтера Хольца, позиция которого как партийного лидера была сильнее. В этот день американцы значительно продвинулись с севера, востока и юго-востока.

18 апреля усилилось противостояние защитников города. Начались бои

*20 апреля 1945 г. Парад на Главной рыночной площади.
Слева замурованный Прекрасный колодец.*

за каждый дом. К вечеру американские части плотно стояли на расстоянии приблизительно одного километра от стен Старого города. Так как к ночи командный бункер под площадью Paniersplatz оказался на расстоянии броска гранаты от американских частей, командование покинуло его и сосредоточилось в бункере под зданием Полицейского президиума, что за башней Weiβer Turm. «Нюрнбергский котёл» замкнулся. Хольц обменялся телеграммами с Гитлером, пообещав защищать город до последнего человека.

Утром 19 апреля без борьбы сдался Фюрт. К вечеру американцы уже непосредственно у стен Старого города.

20 апреля – день рождения Гитлера. Ранним утром в этот день в кабинете Хольца застрелился или был застрелен Хольцем обер-бургомистр Либель. После передачи американцам системы туннелей, расположенных под крепостью, прекратился обстрел артиллерией. Бессмысленные бои на улицах, тем не менее, продолжались, результатом были потерянные жизни и новые разрушения. В бункере Полицейского президиума несколько сот мужчин под руководством гауляйтера Хольца продолжали сопротивление до вечера.

Ранним вечером на бывшей площади Адольфа Гитлера, Главной торговой площади, генерал О'Даниэль провёл Парад Победы. По этому случаю сменили табличку с названием площади на «Eiserner Michael Platz» (Площадь Железного

Майка) по имени генерала. В этот же день площадь переименовали ещё раз – присвоили имя Рузвельта. Последняя точка сопротивления всего в одном километре от площади была подавлена именно в момент парада. На юге города в это время отдельные группы немецких солдат мародёрствовали, используя своё оружие. В битве за Нюрнберг в эти пять дней погибло около 900 человек.

Каждый немецкий город в последние дни войны прожил свою собственную судьбу. Среди них и города Фюрт и Эрланген, составляющие с Нюрнбергом одну метрополию, так сказать, Большой Нюрнберг.

История толерантного **Фюрта** вот уже почти 1000 лет тесно связана с историей Нюрнберга. В течение многих столетий он принимал евреев, время от времени изгоняемых из соседних городов. Фюрт называли франконским Иерусалимом. Здесь была талмудская школа. Этот очень достойный маленький город дал миру замечательных людей. Несколько веков здесь жили предки Лиона Фейхтвангера, ещё в XVI веке изгнанные из Фойхтвангена. Здесь родился и жил Генри Киссенджер, вместе с родителями эмигрировавший в Америку в 1938 году. Всемирно известные писатели Якоб Вассерманн и Бернхард Келлерманн родились тоже здесь. Отсюда родом автор послевоенного немецкого экономического чуда Людвиг Эрхард.

За годы войны в бомбёжках были уничтожены десять процентов городских строений Фюрта. Всех мучил вопрос, почему город, находящийся всего в десяти километрах от стен Старого города Нюрнберга, практически, сохранился. Единственное, что приходило в голову – американцы пощадили бывший «еврейский» город. К апрелю здесь собралось очень много беженцев, в том числе и нюрнбержцев, потерявших кров. В больницах и лазаретах находилось около пяти тысяч раненых. Городские власти попытались убедить военного коменданта Нюрнберга, западным форпостом которого считался Фюрт, объявить город свободным. Но все попытки были безрезультатными. В начале апреля Хольц отдал приказ у Фюрта возвести защитную линию. Всех не подчинившихся он угрожал «поставить к стенке».

Буквально за несколько дней до подхода американской армии бургомистр очень осторожно поговорил с главой городского правления и с военным комендантом города. Ему удалось убедить их в бессмысленности сопротивления. В результате Фюрт был передан американцам без единого выстрела.

В тридцатые годы Франкония считалась самым коричневым пятном империи, и университетский город **Эрланген** вполне укладывался в эту характеристику. Уже в 1933 году здесь из университета были отчислены все студенты-евреи. Медицина всегда была одним из основных направлений заведения. Это был город клиник и лазаретов. К концу войны в его больничных учреждениях находилось около семи тысяч раненых. Эрланген расположен с севера от Нюрнберга, всего в десяти километрах от его крепостных стен. Разумеется, Хольцем он рассматривался в качестве северного форпоста на пути к Нюрнбергу. Организация защиты означала одно – потерять город со всеми, кто в нём находился. В отличие от Нюрнберга Эрланген не бомбили. Горожане надеялись, что город лазаретов пощадят. В начале апреля сюда прибыл штурмбаннфюрер СС, принёсший приказ якобы персонально от

Гиммлера – жители Эрлангена обязаны защищать каждый сантиметр своей земли и не принимать при этом во внимание огромное количество раненых. Невыполнение приказа грозило расстрелом. Последние оптимисты были в отчаянии.

Решение сдать город американцам приняла группа заговорщиков во главе с обер-бургомистром и военным комендантом Эрлангена, старшим лейтенантом Лорлебергом. Город и людей удалось сохранить, но в процессе переговоров с противниками мирного решения Лорлеберг был застрелен.

Американская улыбка

Лени Рифеншталь после войны оказалась во французской зоне оккупированной Германии, часть же её фильмов хранилась в американском секторе. С трудом добилась она разрешения отправиться на поиски своего архива. В автобиографической книге знаменитый режиссёр рассказала о впечатлениях от посещения американской зоны. Первое, что её просто потрясло по прибытии из мрачного французского сектора, были улыбки. Всюду она видела улыбки, от которых за последние годы все здесь отвыкли. Улыбались все – и немцы, и американцы. Но не только привычку улыбаться привезли в Европу американцы, они привезли в Старый свет, измученный войной, улыбку музыки – джаз.

Дэйву Брубеку, американскому солдату, в будущем знаменитому джазовому пианисту, в 1945 году было 25 лет. Он не был в Нюрнберге 20 апреля. Третья армия США под командованием генерала Паттона, где служил Брубек, брала в эти дни Регенсбург. В Нюрнберге он оказался 27 апреля. «Мы репетировали с армейским оркестром на какой-то фабрике. Хотя братание тогда было запрещено, я подружился с одним немцем. Звали его Ганс Германн Флюгер, ему было 19 лет, на восточном фронте он потерял ногу. На костылях Ганс проковылял несколько километров, чтобы послушать нашу музыку. Это меня очень растрогало», – вспоминал пианист.

В Оперном театре самого немецкого из немецких городов оркестр американского солдата, калифорнийца Дэйва Брубeka, впервые играл негритянскую музыку. Оркестр, организованный из выздоравливающих солдат, иронически был назван «Волчья стая» («Wolfsrudel-Orchester» – нем. или «Wolf Pack Jazz Band» – англ.) – тактика преследования подводными лодками кораблей противника. «Половина ребят носила следы ранений, и они все имели куда более высокое значение IQ, чем все их офицеры». Игра американцев покорила слушателей.

Нюрнбергский процесс Дэйв Брубек не посещал, так как простой американский солдат не мог иметь пропуска на заседания. Но, естественно, он следил за ходом процесса, в соседнем здании в столовой он встречался с русскими и американскими солдатами, шофёрами и переводчиками, вместе с которыми обсуждались все события очередного дня.

В Байройте группа Дэйва Брубeka играла в театре Вагнера. «Вагнер бы умер, узнай он об этом. Мы жили в доме рядом с театром, где ночевали Геринг и Геббельс. С ума сойти! Мои ребята и ещё несколько музыкантов жили в комнатах Геббельса или Геринга! Там было потрясающее собрание пластинок – итальянские оперы. Мы получили огромное удовольствие, слушая эту музыку».

В 1945 году Брубек сочинил две композиции – “We crossed the Rhine” (Мы перешли Рейн) и “Weep no more” (Больше не плачь).

В связи с 60-тилетием начала нюрнбергских процессов, в ноябре 2005 года, Дэйв Брубек посетил Нюрнберг и дал концерт. «Джаз может выразить чувства каждого человека. И, конечно, джаз может быть использован в политических целях. Посмотрите: Сталин запретил джаз, так как он думал, что эта музыка отражает упадничество буржуазии. Для Гитлера джаз был негритянской музыкой и зеркалом общества ублюдков. Диктаторы боятся свободного выражения личности. При Гитлере и Сталине исполнение джаза могло стоить жизни. Для многих джаз был символом и голосом свободы. Но это не анархия, это дисциплина и ответственность. Джаз может быть метафорой демократии».

Лени Рифеншталь и Альберт Шпеер

Крутой и успешный взлёт карьеры **Лени Рифеншталь** как кинорежиссёра очень похож на путь к успеху молодого старательного архитектора Альберта Шпеера. Оба были молоды, увлечены своей работой и занимали совершенно особое положение среди приближённых Гитлера, находясь вне партийной иерархии и выполняя его особые задания. Нечто вроде доверенных лиц по поручениям, имеющих отношение к искусству. Успех каждого из них был тесно связан с партийными съездами.

Очень красивую актрису и кинорежиссёра Лени Рифеншталь, находившуюся в контакте с партийной верхушкой нацистов с 1932 г., Гитлер впервые пригласил для съёмок фильма о партийном съезде в 1933 г. Через месяц был готов её часовой фильм «Победа веры», показ которого в кинотеатрах сопровождался огромной пропагандистской шумихой. Но после «заговора» 30 июня 1934 г., ареста одного из главных героев фильма, шефа Штурмовых отрядов Эрнста Рёма, и его убийства в камере тюрьмы этот фильм изъяли из программы кинотеатров и больше никогда не показывали в Третьем Рейхе.

К партийному съезду следующего года в распоряжении Рифеншталь уже был внушительный бюджет, а штат её помощников насчитывал 120 человек. При съёмках этого фильма Рифеншталь применила относительно новые методы – движущуюся камеру, телеобъектив и съёмки сверху. При монтаже она укоротила до трёх дней «партийную неделю» и изменила хронологическую последовательность событий, увлечшись созданием мифа о Гитлере. Начинается фильм с инсценировки – диктатор как мессия прибывает в Нюрнберг, самолёт фюрера в блеске солнечных лучей спускается с облаков на землю. В фильме звучит фраза, сказанная Гитлером: «Нация, которая не поддерживает высокий уровень расовой чистоты, погибнет». Фильм сопровождался музыкой Вагнера и маршами. Монтаж самого знаменитого пропагандистского фильма мира занял около шести месяцев. В 1935 г. он вышел на экраны под названием «Триумф воли», перекликающимся с названием произведения Ницше «Воля к власти».

«...60 миллионов немцев должны стать свидетелями могущественного марша, пережить и почувствовать волнение манифестации... Связь между фюрером и

народом, превыше и важнее всего. Это показать и это выразить было моей задачей», – слова Рифеншталь. Осенью этого же года были приняты Нюрнбергские расовые законы.

Затем последовал третий 18-минутный фильм – «День свободы», темой которого был «День вермахта» на очередном съезде. Получилась не хроника одного дня съезда, а фильм, прославляющий вермахт. Два года спустя Рифеншталь выпустила блестящий романтический фильм об Олимпиаде 1936 года в Берлине «Праздник народа – праздник красоты». В нём Рифеншталь прославляла физическую силу и ловкость германской нации в лице её спортсменов, завоевавших рекордное число золотых медалей. Этот фильм Рифеншталь стал образцом для создателей фильмов о

спорте. А в 1956 г. решением жюри в Голливуде он был отнесён к десяти лучшим фильмам за всю историю мирового кино.

Зловещая тень Гитлера легла на всё творчество Лени Рифеншталь, её талант был использован во зло. Этого ей никогда не простили. В ФРГ и ГДР ее фильмы были запрещены, ей не разрешали снимать документальное кино. Но она продолжала жить творческой жизнью, занявшись фотографией. В 72-летнем возрасте Рифеншталь увлеклась подводными съемками и по фальшивой справке получила удостоверение аквалангиста. Последовали выпущенные ею фотоальбомы и фильмы о подводном мире.

Рифеншталь прожила сто один год. До самой смерти в 2003 г. она утверждала, что была политически нейтральна и только создавала отчёты о партийных съездах. «Я никогда не отрицала, что была под большим влиянием личности Гитлера. Но то, что я слишком поздно распознала демонизм, исходящий от него, без сомнения непростительно» (1949).

Будущий «придворный» архитектор Гитлера **Альберт Шпеер** впервые увидел и услышал своего будущего шефа на выступлении в Берлинском университете. Личность Гитлера произвела на него огромное впечатление. И хотя молодого Шпеера до этого момента политика не интересовала, он, не колеблясь, примкнул к движению нацистов. Сначала Шпеер участвовал в оформлении штаб-квартиры гауляйтера Берлина (руководитель региональной партийной организации), затем ему было поручено техническое обеспечение гигантской Первомайской демонстрации

в Берлине в 1933 г. Мастерское использование Шпеером необычных световых эффектов и быстро сооружаемых флагштоков придавало нацистским массовым сборищам особый помпезный стиль. Вскоре Шпеер стал ответственным за композиционное оформление большинства военных парадов. «Поистине грандиозные оргии особого рода я учинял в узких улочках Гослара и Нюрнберга, развешивая на каждом доме вплотную друг к другу знамёна, так что из-за них и неба почти не было видно», – писал Шпеер в своих воспоминаниях.

Альберт Шпеер, постепенно завоевав доверие фюрера, стал его личным архитектором с почти безграничными полномочиями. С 1934 г. он отдавал себя целиком работе над проектом «Территории партийных съездов». Из задуманного проекта только здание Конгрессов не его детище. Арена принца-регента и Поле Цеппелина были полностью выстроены и использовались во время съездов. Марсово поле и Великая улица не были закончены, а Немецкий стадион остался лишь в проекте. Он прилежно занимался оформлением знамёнами, свастикой и лавровыми венками всех больших мероприятий. «Храм света», созданный из лучей света ста пятидесяти прожекторов и придававший вечерним праздникам в «День политических лидеров» сакральную атмосферу, был идеей Шпеера.

В феврале 1942 г. Гитлер назначил Шпеера рейхсминистром вооружения и боеприпасов. Гитлер не ошибся: к концу войны он стал выдающимся организатором военного производства. В последние недели Второй мировой войны Шпеер запретил при отступлении уничтожать немецкие промышленные предприятия, хотя на этом настаивал Гитлер.

На Нюрнбергском процессе Шпеера приговорили к двадцати годам заключения. Свой срок он отбывал в тюрьме Шпандау (под Берлином), где за это время написал книгу воспоминаний. В ней автор представил себя как аполитичного технократа, не сумевшего противостоять притягательной силе личности Гитлера. В октябре 1966 г. по окончании срока заключения Альберт Шпеер был освобожден. В 1969 г. он издал мемуары, имевшие шумный успех в Германии. Эта книга переведена на русский язык.

Арена принца-регента Луйтпольда (Luitpoldarena)

На месте нынешнего парка Luitpoldhain, старейшей части «Территории», в 1906 г. были возведены павильоны для юбилейной выставки «Сто лет королевства Баварии», а вокруг них разбит типичный для того времени сквер с дорожками и фонтанами. Назван он был Рошей принца-регента Луйтпольда (Luitpoldhain).

Памятник павшим в Первой мировой войне, установленный здесь в 1930 г., нацисты использовали в качестве кулис для своего спектакля, посвящённого культуре павших. Но его героями стали не павшие в Первой мировой войне, а шестнадцать соратников Гитлера, погибших при попытке путча в Мюнхене в 1923 г. Когда полиция открыла огонь, знамя оказалось забрызганным кровью, что сделало из него святыню. Охранным отрядам (СС) было поручено хранить этот священный флаг Третьего Рейха (Blutfahne – «кровавое знамя»).

Так на месте бывшего парка образовалось гладкое, заросшее травой поле, где в «День отрядов СА и СС» съезда разыгрывалось действо. Дорога в центре, вымощенная гранитными плитами, вела к алтарю «кровавого знамени», хотя на самом деле к памятнику павшим в Первой мировой войне, где была возведена ораторская трибуна. На заднем плане красовались три гигантских полотнища со свастикой. «День отрядов СА и СС» проводился всегда в воскресенье и был кульминацией съезда. Праздник начинался с марша коричневых отрядов на площади Адольфа Гитлера (переименованная Главная рыночная площадь), где, стоя в открытом Мерседесе, их приветствовал фюрер. Путь марширующих пролегал через весь город и здесь, на Арене принца-регента, заканчивался спектаклем вокруг

«кровавого знамени». Этот ритуал, по словам Альберта Шпеера, был определён Гитлером как неизменный и постоянно исполняемый на всех партийных съездах в будущем, даже после смерти фюрера. Талантливый режиссёр Лени Рифеншталь, благодаря своим операторским находкам, умело доносила магию этих спектаклей до зрителей.

Сегодня от Арены принца–регента остался только монумент, установленный в 1930 г. Теперь он посвящён павшим в двух войнах и жертвам насилия 1933-1945 гг. Здесь же стоит памятник немецким лётчикам, погибшим в обеих мировых войнах.

Зал Конгрессов

Здание с огромным залом для юбилейной выставки, возведённое в 1906 г. на юго–западном углу Роши принца–регента Луитпольда, позже использовалось для проведения городских праздников. В 1935 г. по проекту Шпеера его фасад был обновлён и интегрирован в комплекс Арены принца-регента. Огромный зал мог вместить 16 тысяч человек. В дни съездов здесь проводились заседания, в том числе партийные съезды. В этом зале не велись дискуссии, слушатели единодушно, с ликованием и овациями принимали постановления, предлагаемые лидерами партии. Разумеется, он вскоре оказался маленьким для подобных мероприятий.

Новое здание Конгрессов спроектировал нюрнбергский архитектор Людвиг Руфф. Внешне подобное римскому Колизею, по размерам оно должно было в полтора раза превзойти это античное строение. Гитлер считал, что немецкому народу свойственен комплекс неполноценности. Поэтому планируемые монументальные

строения имели целью пробудить самосознание народа. При закладке первого камня в 1935 г. Гитлер сказал: «Голос нашего движения может когда-нибудь замолкнуть, но этот свидетель спустя десятилетия будет удивлять всех, пришедших сюда». Одиозный монстр и ныне стоит на берегу пруда и отражается в его зеркальной глади.

Гигантский зал будущего здания – самый большой в мире, рассчитывавшийся на 50 тысяч участников, – предназначался для проведения съездов. Орган в этом зале по размеру должен был превзойти все органы мира. Освещение зала планировалось разместить в большой отверстии купольного потолка, трибуна должна была напоминать алтарь. Этот зал намеревались украсить символами империи Германской нации – средневековыми имперскими сокровищами. Для усиления эффекта монументальности стены здания облицовывали гранитными плитами, а строилось оно из железобетона и кирпича. Как утверждала национал-социалистическая пропаганда, эту высококачественную работу – облицовку – выполняли немецкие каменотёсы. На самом деле, чтобы сэкономить на рабочей силе, гранитные блоки обрабатывались в концлагерях Flossenbürg и Groß-Rosen. В одном документе, предоставленном американской стороной на Нюрнбергском процессе, было написано: «Заключённые работали при 25-градусном морозе без перчаток и без носков. Результатом были отмороженные пальцы ног и рук. Заболевшие получали 25 ударов кнутом и затем вновь отправлялись на работу. <...> Заключённые с тяжёлым грузом должны были взбираться по лестницам или переносить гранитные камни весом в центнер». Если знаешь, кто и как обрабатывал гранитные блоки фасада этого монстра, то вряд ли почувствуешь себя хорошо на Народном празднике (Volksfest), дважды в год проходящем здесь рядом на площади.

В 1938–39 гг. здание Конгрессов выглядело почти так, как оно выглядит сейчас. После войны этот недостроенный и немного повреждённый бомбёжками «Колизей» пытались использовать в качестве торгового центра или стадиона. В 1987 г. аркадный проход здания чуть было не превратили в торговый и увеселительный центр – роскошную улицу с элегантными витринами, кафе и магазинами, где жизнь пульсировала бы 24 часа в сутки. Но из финансовых соображений ни один из проектов не был осуществлён. К тому же мешал и моральный аспект – оказалось трудно представить, каким образом можно использовать объект со столь трагической историей.

Документационный центр (Dokumentationszentrum)

Лёгкая прозрачная конструкция входа в Документационный центр была задумана, как полная противоположность массивному зданию Конгрессов. Узким скальпелем врежется она в это мощное здание. В залах Документационного центра или, скорее, в мрачных коридорах бывшего здания Конгрессов, с 2003 года работает выставка (Faszination und Gewalt – Ослепление и насилие), задуманная как рассказ об истории и работе съездов, но превратившаяся в рассказ об истории фашизма. Здесь демонстрируются документы и фильмы, в частности, отдельные отрывки

Великая улица. Впереди маячит силуэт крепости.

из фильмов Лени Рифеншталь. Один раз в год тут можно увидеть полностью её фильм «Триумф воли», запрещённый к показу в кинотеатрах. В Документационном центре имеется выход на балкон, с которого открывается вид внутреннего двора здания Конгрессов – спланированного, но не построенного зала заседаний.

Великая улица (Große Straße)

Между площадью, где ежегодно проходит Народный праздник, и нынешним городским административным районом Langwasser тянется двухкилометровая Великая улица. Она соединяет северную часть «Территории» и Марсово поле и является осью, по обе стороны от которой были запланированы все остальные строения комплекса. Великая улица строилась для парадов и направлена она точно на императорский замок – для нацистов символ средневековой Священной Римской империи. При ясной погоде марширующие могли видеть вдали его силуэт. Ширина гранитных плит, которыми покрыта улица, рассчитана на прусский церемониальный шаг. Для Гитлера эта улица была очень важным объектом, поэтому её планировалось закончить к партийному съезду 1937 г. Но она не была готова и к отменённому съезду 1939 г.

Гитлер так и не увидел на Великой улице торжественно марширующих солдат, осенью немецкие отряды маршировали в Польшу. «Освятила» Великую улицу американская армия, которая использовала её как взлётную полосу для небольших самолётов. В 1990 г. она была санирована и превращена в стоянку для транспорта Нюрнбергского выставочного комплекса, расположенного рядом. По краям улицы ещё и сегодня можно увидеть ступеньки трибун для зрителей, заросшие травой, частично разрушенные и порой вывернутые из земли корнями выросших за 70 лет деревьев.

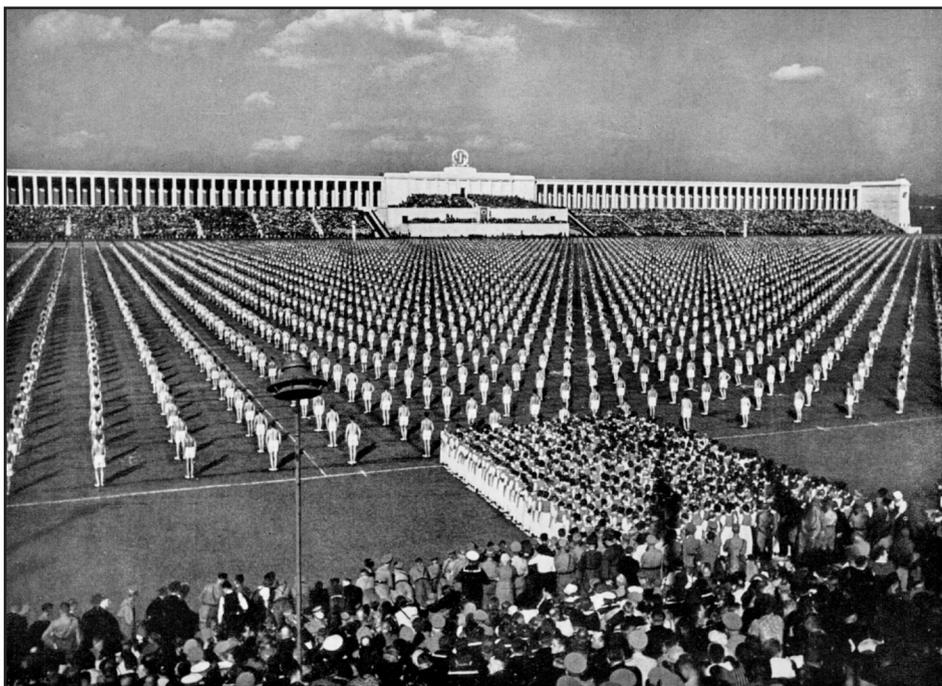
С северной стороны церкви Св. Лоренца в Старом городе на брусчатке в ряд лежат 14 гранитных плит с Великой улицы, обработанных в концлагерях заключёнными и хранящих отпечатки пальцев замученных и исчезнувших людей. Автор, австрийский скульптор Карл Прантль, назвал эту свою работу «Нюрнбергский Крестный путь» (1991).

Поле Цепелина

В 1909 г. на своём дирижабле здесь приземлился пионер воздухоплавания, граф, немецкий конструктор и основатель производства дирижаблей Фердинанд фон Цепелин. Впервые нацисты использовали это поле для парада в рамках партийного съезда 1933 г. Позже оно, названное Полем Цепелина, превратилось в место проведения самых различных массовых мероприятий. Здесь проходили спортивные и военные парады, в которых участвовало до 100 тысяч военных. Пробразом главных трибун,

Нюрнбергский Крестный путь

Представление на Поле Цепелина

предназначенных для почётных гостей, для автора проекта Шпеера послужил античный Пергамский алтарь. Чаши с огнём на крайних пилонах и длинная колоннада сооружения по замыслу должны были излучать величие Антики. Улица для парадов 50-метровой ширины отделяла главные трибуны от огромного поля, обрамлённого зрительскими трибунами с каменными скамьями. Впервые эти сооружения использовали во время партийного съезда в 1936 г.

Впечатляющим, почти сакральным спектаклем был придуманный Шпеером «Храм света» вечером в «День политических лидеров» (партийная встреча мелких и средних функционеров – низовых руководителей). Вермахт и СА на своих массовых мероприятиях выправкой и дисциплиной производили большое впечатление на зрителей, но от политических руководителей с солидными брюшками невозможно было требовать такого безукоризненного построения. У изобретательного Шпеера возникла идея проводить это мероприятие в темноте.

Поле освещалось устремлённым ввысь светом прожекторов, установленных вокруг трибун. Эффект превзошёл все ожидания. Сто пятьдесят резко очерченных световых столбов вокруг поля на расстоянии всего 12 метров друг от друга вверху сливались в сияющий небосвод, отчего возникало впечатление гигантского зала со светящимися колоннами. «Храм света» был виден на расстоянии нескольких десятков километров от Поля Цеппелина. В этот вечер не очень любимые народом политические лидеры имели возможность в мистическом свете прожекторов своими речами доказать, как важна их роль в качестве государственных деятелей. Британский посол Невил Хендерсон писал позже, что он чувствовал себя здесь, как в храме изо льда. «День вермахта» был последним днём съезда и сопровождался

военными парадами. В 1937 г. на трибунах для зрителей, рассчитанных на 80 тысяч мест, вместились около 550 тысяч человек.

Эти мероприятия посещали иностранные дипломаты и послы. Для почётных гостей фюрера устраивались поездки со множеством привилегий – бесплатный проезд, бесплатное проживание, экскурсии и даже возможность проехать с кортежем Гитлера сквозь фанатично ликующую толпу, чтобы гость смог непосредственно ощутить, насколько фюрер любим и почитаем своим народом. Гитлер охотно демонстрировал миру «порядок». Кого-то утешала его аргументация, что хорошо вооружённая немецкая армия гарантирует мир.

Летом 1936 г. Британское министерство иностранных дел запретило дипломатам выезжать за пределы столицы Германии на мероприятия, которые «требовали их пребывания в каком-то глухом провинциальном городе в течение целой недели». Однако в период «политики умиротворения» положение изменилось. Уже в 1937 г. на партийном съезде присутствовали послы Франции и Англии, годом позже – даже посол США. Но ощущаемые всюду дух фанатизма, расовой ненависти и гонка вооружений воспринимались иностранными гостями как предвестие приближающейся войны.

В апреле 1945 г. американская армия окружила Нюрнберг с намерением взять город ко дню рождения Гитлера. Союзниками прежде всего была взята «Территория партийных съездов». В апреле же была взорвана огромная свастика над главными трибунами Поля Цепелина. Разумеется, сегодня сооружение выглядит не так, как в те времена, но ораторская трибуна сохранилась, и на неё можно подняться.

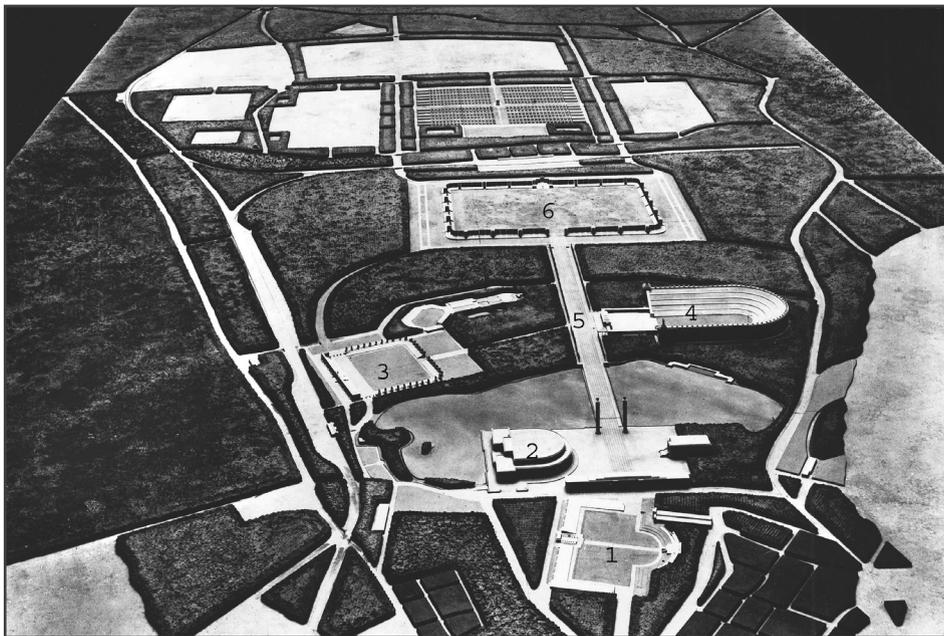

Немецкий стадион

Проект Немецкого стадиона для проведения спортивных игр в дни партийных съездов Альберт Шпеер выполнил по образцу, как он сам писал, античного стадиона в Афинах. Он был задуман в виде подковы и должен был «навечно» стать самым большим стадионом мира, стадионом для международных Олимпийских игр. На крутом склоне холма вблизи городка Oberklausen в долине Hirschbachtal установили фрагмент модели фасадной части сооружения в масштабе 1:1, который демонстрировался важным посетителям. Этот гигантский план так и остался только планом. При работах в котловане для фундамента будущего стадиона ковш экскаватора открыл мощный подземный родник, и вода заполнила котлован. Так образовалось Серебряное озеро (Silbersee) глубиной 9,5 метров.

После войны при восстановлении южной части Нюрнберга остатки разрушенных зданий и мусор свозили к этому озеру. Рядом с ним образовался холм, ставший впоследствии источником отравляющих веществ, которые проникли в нижние слои Серебряного озера. Его вода содержит в большом количестве сероводород, поражающий органы дыхания и нервную систему. Купание здесь запрещено. На информационных досках у этого озера раньше было написано: «Мёртвый пруд – остаток Третьего Рейха».

«Первый» камень, заложенный Гитлером в 1937 г. на месте будущего «самого большого» стадиона, более шестидесяти лет оставался в небольшом лесочке, но совсем недавно его перенесли на берег озера рядом с Великой улицей.

*План территории партийных съездов
1 – Арена принца-регента Луитпольда; 2 – Здание конгресса; 3 – Поле Цеппелина;
4 – Стадион; 5 – Великая улица; 6 – Марсово Поле*

Марсово поле (Märzfeld – Мартовское поле)

Марсово поле, длиной 1000 и шириной 600 метров, в архитектурном отношении должно было завершать весь комплекс «Территории». Эта огромная площадь предназначалась для проведения военных парадов в «День вермахта». Название поля напоминает, во-первых, о событии введения в Германии в марте 1935 г. всеобщей воинской повинности вопреки Версальскому договору, а во-вторых, оно связано с именем бога войны Марса.

Марсово поле, согласно проекту Шпеера, завершало Великую улицу с юга. Его архитектурное оформление было призвано воплотить в себе идею победы в войне, проведённой без собственных потерь. В проекте сочетались элементы античной и современной архитектуры. На главной трибуне, стоящей на оси Великой улицы и точно «смотрящей» на замок, для фюрера было предусмотрено возвышение с венчающей его скульптурной группой гигантских бронзовых фигур. Они должны были олицетворять обороноспособность и государственность, главная из них – фигура богини Победы высотой в 12 метров. Таким образом, получалось, что зрители на трибуне, как и марширующие по Великой улице, видели бы перед собой вдали императорский замок на скале. Зрительские трибуны и 24 «оборонительные» башни должны были обрамлять поле по периметру. До начала Второй мировой войны успели построить только 11 из них.

В 1964 г. на месте бывшего Марсова поля власти города запланировали жилой район Langwasser Nord. «Современные квартиры вычеркнут прошлое нацизма» стало лозунгом этого проекта. Чтобы освободить место для строительства, были взорваны все башни. Этот жилой район получился очень затейливым, так как дома пришлось возводить между «вечными» фундаментами строений Марсова поля.

Бывший вокзал Märzfeld

Бывший вокзал Märzfeld расположен немного в стороне, к юго-востоку от остатков строений «Территории». Но он несомненно является одним из впечатляющих мест этого комплекса. Участники партийного съезда и гости в первый и последний раз использовали его в 1938 г., когда он ещё не был готов. Этот вокзал и расположенный невдалеке барачный лагерь были свидетелями двух депортаций евреев Нюрнберга и его окрестностей в концентрационные лагеря восточной Европы. Обе депортации 29 ноября 1941 г. и 24 марта 1942 г. отправили на смерть более двух тысяч человек. Вдоль дороги, по которой депортируемые со своим багажом шли к вокзалу, с усмешками на лицах стояли эсэсовцы и снимали на камеру «исход евреев».

На этот же вокзал с фронта привозили военнопленных и помещали в концлагерь, находившийся на южной окраине нынешнего городского района Langwasser Süd. Вокзал так и не был достроен. В настоящее время сохранились части северного фасада главного строения, лестницы и некоторые из прежних восьми перронов. Сейчас здесь царит запустение. Строение, заброшенное уже многие десятилетия, медленно разрушается и зарастает дикими травами – редкое зрелище для территории бывшей Западной Германии.

Здание суда

Нюрнбергские процессы

8 августа 1945 г. четыре союзные державы подписали в Лондоне соглашение об учреждении военного Международного трибунала. Был выработан первый в истории человечества устав, по которому предстояло судить военных и государственных преступников. Наряду с индивидуальной ответственностью подсудимых, обвиняющихся в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечества, Международный трибунал рассмотрел дело о преступных организациях Третьего Рейха – руководящем составе нацистской партии, правительственном кабинете, СС, Гестапо.

20 ноября 1945 г. во Дворце правосудия в Нюрнберге, в зале № 600, впервые в истории перед международным трибуналом предстали руководители режима, виновного в преступлениях против человечности. То, что Нюрнберг закрыл страницу своей нацистской истории Нюрнбергским процессом, было чистой случайностью. Советская сторона настаивала на проведении процесса в Берлине. Но во всей разрушенной Германии не нашлось более подходящего здания, чем в Нюрнберге. Судебный комплекс, расположенный вдали от Старого города, не пострадал от бомбежек, его 520 комнат и 80 залов могли вместить одну тысячу сотрудников процесса, а кроме того, он имел тюрьму, связанную с залами заседаний закрытым подземным переходом. Тем не менее, были приняты весьма основательные меры безопасности. На время проведения процесса отменили трамвайную остановку линии Нюрнберг – Фюрт вблизи Дворца правосудия. Весь комплекс зданий оцепили танками и войсками союзников.

Ход судебных заседаний освещали более 350 журналистов и писателей со всего мира. Среди них были Вилли Брандт, Эрнест Хемингуэй, Эрика Манн,

Зал номер 600

Эрих Кестнер. На скамье подсудимых отсутствовали Гитлер, Геббельс и Гиммлер, покончившие с собой. Мартин Борман бежал, но был заочно приговорен к смерти. Его останки много позже обнаружили в Берлине. Только несколько лет назад анализ ДНК доказал их аутентичность, чем поставил в этом деле окончательную точку.

Так звучали четыре главных пункта обвинения:

1. Заговор против мира.
2. Развязывание войны.
3. Нарушение правил ведения войны.
4. Преступления против человечности.

Вещественными доказательствами, помимо прочего, послужили около 7300 метров кинохроники и более двух тысяч фотоснимков. Согласно приговору, оглашенному первого октября 1946 г., Геринг был обвинён по всем четырём пунктам, Юлиус Штрайхер – только по четвёртому пункту. Двенадцать человек были приговорены к смертной казни через повешение, трое – к пожизненному заключению, четверо получили сроки от десяти до двадцати лет тюрьмы, еще трое были оправданы. Роберт Лей покончил с собой перед началом процесса. В ночь перед исполнением приговора отравился Геринг. На виселицу отправились только десять военных преступников. После казни их останки перевезли в Мюнхен, сожгли в крематории, а пепел был развеян с самолёта над одним из притоков Изара.

Юлиус Штрайхер в заключительном слове сказал: «...Во-первых: массовые убийства исполнялись исключительно по приказу главы государства Адольфа Гитлера. Во-вторых: исполнение приказа проводилось в жизнь без ведома немецкого народа рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером». Интересно, что схема защиты Штрайхера, не принятая во внимание на суде, в основных чертах была

взята на вооружение немецким народом: фюрер и главные виновники уже мертвы и не могут быть привлечены к ответу; о массовых убийствах европейских евреев никто не знал, отдельные исполнители—эсэсовцы выполняли приказ сверху.

Эта схема с некоторыми вариациями помогла Шпееру уйти от смертного приговора. Он не хотел, как Геринг, вести битву за национал—социализм, рискуя поплатиться собственной головой. Он, единственный из обвиняемых, взял на себя общую ответственность за происшедшее, но отказался взять на себя вину за преступные и кровавые детали. Важным в стратегии защиты Шпеера было представление его как аполитичного художника. Это спасло его от смерти, и после двадцати лет заключения судьба предоставила ему возможность третьей карьеры — автора бестселлера.

Менее популярными были следующие двенадцать процессов, так как они доказывали персональную ответственность отдельных представителей общественной элиты за национал—социалистический террор в профессиональных областях деятельности. Врачебные опыты над людьми в концлагерях, преступления оперативных групп, условия на принудительных работах или преступления нацистской юстиции уже не были темой для бестселлеров. Последний приговор на процессе прозвучал 11 апреля 1949 г. Главный британский обвинитель Хартли Шоукросс в своём выступлении перед судом сказал: «Этот процесс должен стать вехой в истории цивилизации, ...он доказал, что право восторжествовало над злом». Однако многочисленные войны и нарушения прав человека после 1945 г. не подтвердили этого.

Бывший зал суда присяжных № 600 исторического здания Дворца правосудия, где состоялся суд над военными преступниками, открыт для посещений со среды по понедельник, с 10 до 18 ч.

Советские военнопленные в Нюрнберге

На юге Нюрнберга, в районе Langwasser Süd в 1939 году был построен палаточный лагерь для участников готовящегося, но не состоявшегося «Съезда мира». С началом войны он был преобразован в концлагерь, в котором к концу войны было зарегистрировано около 15 тысяч советских военнопленных. В настоящее время там, среди домов жилого района, установлен памятник, напоминающий о пленных, погибших от голода и тяжёлого труда.

Если посмотреть на карту города, то на юго-востоке за городской чертой можно увидеть странное название большого луга — Russische Wiese (Русский луг). Здесь стояли бараки, в которых жили военнопленные с Восточного фронта. Труд этих военнопленных с самого начала войны использовали для строительства бункеров в Старом городе. Они также работали на военных заводах города.

На городском кладбище Südfriedhof захоронено 5085 военнопленных с Восточного фронта.

Ничто не забыто

Мнение о Нюрнберге как о городе партийных съездов, служившем рекламой нацизма, жителями было воспринято как несправедливость. Тема войны многие годы замалчивалась, особенно это касалось Нюрнбергских процессов – они считались частью дурной славы города. О Нюрнбергских расовых законах здесь вспомнили только в середине 1990-х гг.

В 1995 году была учреждена Международная премия по правам человека, присуждаемая в Нюрнберге каждые два года отдельным личностям или группам, особо отличившимся в этой области. Первый раз эту премию получил правозащитник Сергей Ковалёв. Улица Прав Человека перед Германским национальным музеем – проект израильского художника Дани Каравана, мастера монументального

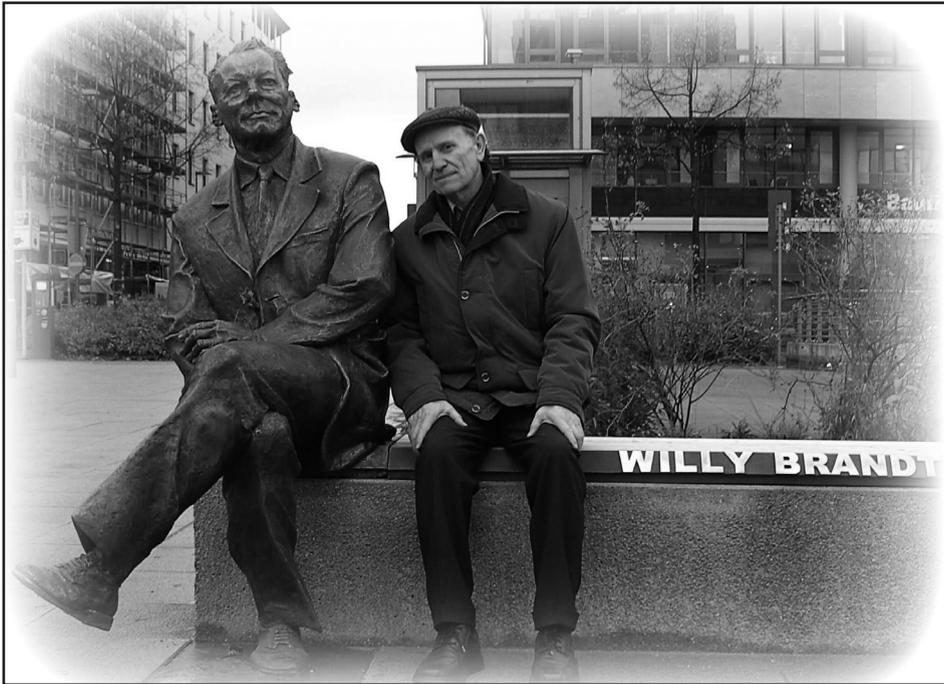
Улица Прав Человека

искусства. Она олицетворяет победу «Нюрнберга культуры» над «Нюрнбергом Гитлера». На колоннах этой короткой улицы на различных языках выбиты статьи Всеобщей декларации прав человека, провозглашённой Организацией Объединённых Наций 10 декабря 1948 года. Свою речь при вручении премии Сергей Ковалёв закончил так: «Спасибо художнику Дани Каравану. Его творение глубоко символично. Город, в котором есть улица Прав Человека, связан со всеми городами мира, ибо это не просто улица – это дорога, ведущая к высокой цели. Пусть она нелегка, длинна

и опасна, но она связывает всех нас, потому что это путь свободы и надежды».

Жертвам нацистского режима посвящён проект немецкого художника Гюнтера Демнига «Stolpersteinen» (Камни преткновения). Это кубические бетонные «камни» (сторона – 10 см), одна из плоскостей которых покрыта латунной плитой с именами, датами и словами «жил», «депортирован», «убит». Эти памятные знаки, вмонтированные в тротуары перед домом того, кому они посвящены, можно встретить по всей Европе, в том числе и в Нюрнберге.

Вилли Брандт и Иосиф Табачник, скульптор и нюрнбержец.

7 декабря 1970 г. в Варшаве, в день подписания Варшавского договора между Польшей и Федеративной Германией, в повестке дня было предусмотрено посещение мемориала в Варшавском гетто. Вилли Брандт, тогда канцлер Германии, подойдя к памятнику, внезапно опустился перед ним на колени. Снимок безмолвного покаяния облетел весь мир, а через год канцлера удостоили Нобелевской премии мира. В Нюрнберге на площади Вилли Брандта с конца 2008 г. стоит памятник – на скамье в непринуждённой позе сидит знаменитый немецкий канцлер. Это работа нашего соотечественника, талантливого скульптора Иосифа Табачника, в девяностые годы эмигрировавшего из России в Германию и живущего в Нюрнберге.

Как и до 1933 г., обширная загородная территория с озёрами, парками и стадионами служит местом отдыха горожан. А на поле Luitpoldhain, ныне совершенно очаровательном уголке Нюрнберга, летом проходят концерты оперной и симфонической музыки. Здесь собираются десятки тысяч нюрнбержцев, расстилают пледы или ставят маленькие столики, вынимают из корзинок съестные припасы и вино, со сцены льётся музыка, когда стемнеет, зажигаются свечи. Пикник на поле, где 70 лет назад маршировали нацисты, заканчивается фейерверком под музыку, все встают с зажжёнными свечами в руках, и совершенно невозможно представить, что этот город был колыбелью фашизма.

Улица Karolinenstraße. До и после войны.

Тяжёлое наследие

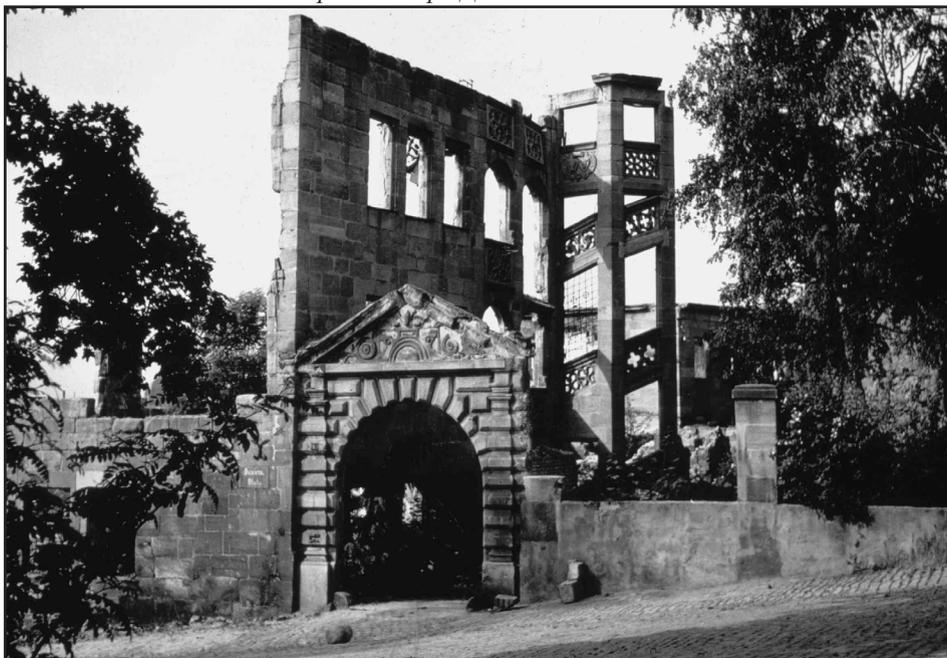

Дом Топлеров на фоне крепости. До и после войны.

Хертельсхоф. До и после войны.

На Пегнице после войны.

Новая жизнь Старого города

(о нюрнбергском архитекторе Хайнце Шмайснере)

Хайнц Шмайснер

«Пиво спасло нам жизнь во время войны» – любят повторять жители Нюрнберга, пережившие кошмар тогдашних бомбёжек. Действительно, этот бодрящий напиток в городской истории занимает особое место. Согласно баварскому «Закону о чистоте» 1516 года, его делали только из ячменя, хмеля и воды (отметим, что в Нюрнберге был собственный «Закон о чистоте», принятый ещё раньше – в 1303 году). Пиво в старом Нюрнберге пили все – и взрослые и дети. Это было гораздо безопаснее для здоровья, чем пить колодезную воду, которая тогда была очень грязной.

Знаменитые нюрнбергские подвалы также возникли благодаря пиву. Дело в том, что в местных сортах пива брожение происходит при температуре от 4 до 7 градусов. Зимой такие температуры – не проблема, но как быть летом? Однако изобретательные нюрнбергские пивовары нашли выход. В мягком песчанике скалы, на которой стоит город, начиная с 1380 г., они выдалбливали подвалы, достаточно глубокие, чтобы в них круглый год поддерживалась нужная температура. Постепенно город рос, пива требовалось всё больше, и когда старых подвалов уже не хватало, то под ними выдалбливали второй подземный «этаж», затем – третий, а кое-где и четвёртый. Так что сейчас под старым Нюрнбергом существует ещё один подземный город, уходящий на глубину до 24 м и общей площадью помещений до 25 тыс. кв. метров.

Подвалы в этом городе соединялись подземными переходами и штольнями, которые кроме всего прочего служили также водохранилищами – в них скапливалась дождевая вода, просочившаяся с поверхности. Она проходила через идеальный фильтр (песчаник с глинистыми прожилками), который очищал её от всех вредных примесей, и нюрнбергские пивовары варили своё пиво только из этой воды. А ещё в этом подземном городе прорубались вертикальные колодцы, выходящие на поверхность. Они служили не только для вентиляции – зимой их набивали льдом. Для этого над таким колодцем строили деревянный навес, который всё время поливали водой. Намёрзшие сосульки обрубали, и они падали в колодец, спрессовываясь под собственной тяжестью в ледяной монолит. Эти запасы льда помогали поддерживать нужную температуру в подвалах, а кроме того, оборотистые пивовары продавали его тем, кому летом надо было охладить свой товар, например, мясникам и рыбным торговцам.

Вот в этих-то пивных подвалах, во время войны превращённых в бомбоубежища, и спасались от бомбёжек жители Нюрнберга. Именно благодаря им, в городе,

Один из сохранившихся наземных бункеров, построенных в начале войны.

разрушенном дотла, погибло под бомбами сравнительно немного местных жителей – менее 6 тысяч, тогда как, например, в Гамбурге только за пять дней массированных бомбёжек в 1943 году погибло более 50 тысяч человек. Английские ВВС назвали ту операцию «Гоморра» – как на библейскую Гоморру, на Гамбург тогда пролился огненный дождь. Этим дождём стали зажигательные бомбы, от которых мгновенно загорались целые кварталы старого Гамбурга, состоявшие (как и в Нюрнберге) из деревянных фахверковых домов. В городе тоже была развитая сеть бомбоубежищ, но их вентиляционные шахты выходили вертикально вверх, и огонь, бушевавший на поверхности, в секунды высасывал кислород из подвалов, в которых задохнулись те, кто искал там спасения.

Страшную опасность, грозившую горожанам, сотрудники архитектурно-строительного управления (АСУ) Нюрнберга, отвечавшие за бомбоубежища, распознали мгновенно. Рабочие, снятые с военных заводов, стали пробивать горизонтальные штольни, ведущие за пределы Старого города, туда, где не будет пожаров. По ним чистый воздух поступал в подвалы, и они же были эвакуационными путями. Работы велись в страшной спешке, и штольни получились невысокие, около 80 см, – но своё дело они сделали, и горожан спасли не только пивные подвалы, но и городские строители. Среди них наибольшую известность приобрёл выпускник Мюнхенского технического университета, архитектор Хайнц Шмайснер.

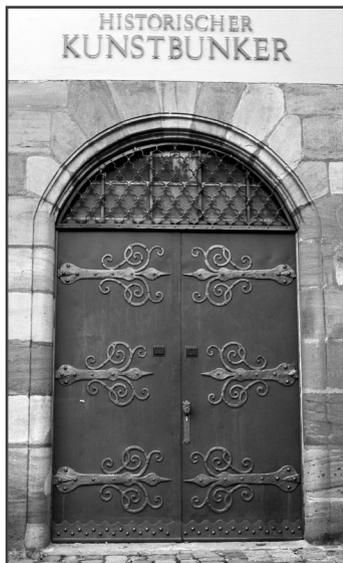
Хайнц Шмайснер родился в Нюрнберге в 1905 году в семье архитектора. С 1923 по 1927 г. он изучал архитектуру в Мюнхенском техническом университете, после окончания работал ассистентом на кафедре у своего учителя, профессора Роберта Форхельцера, которого в 1935 году обвинили в «симпатиях к большевизму» и уволили. К тому времени молодой Шмайснер уже работал в Мюнхенском АСУ, но в 1936 г. ученику опального профессора пришлось отсюда уйти. Шмайснер вернулся в родной город и с 1936 года работал в Нюрнбергском АСУ. В мае 1937 г. он вступил в нацистскую партию. «По-другому тогда нельзя было», – объяснял Шмайснер после войны в ходе так называемой денацификации, когда специальное жюри,

учреждённое союзниками, разбиралось с его ролью в уничтожении нюрнбергской синагоги в августе 1938 года, за три месяца до печально знаменитой «Хрустальной ночи». Поскольку это уничтожение было государственным мероприятием, документы готовили сотрудники Нюрнбергского АСУ. Однако вины Шмайснера не нашли, и его определили в нацистские «попутчики» (Mitläufer), что было относительно мягким приговором.

Но это случится в 1948 году. А пока молодой архитектор участвует в грандиозном нюрнбергском проекте – строительстве комплекса для проведения партийных съездов. Планируется, что он займёт то место, где с 1912 года располагается нюрнбергский зоопарк. Поэтому первое задание Шмайснера – спроектировать и построить зоопарк на новом месте. Вместе с другими сотрудниками АСУ Шмайснер справляется с заданием в рекордный срок, и уже в мае 1939 года на холме Schmausenbuck в восточной части города открывается новый зоопарк. А через 4 месяца нападением Германии на Польшу начинается Вторая мировая война, и строительство гигантского комплекса для партсъездов замораживается.

Сразу после начала войны Шмайснер со своими коллегами Конрадом Фризом и Юлиусом Линке приступает к проектированию и строительству бомбоубежищ. Архитекторы с самого начала понимали, что спасать придётся не только людей, но и ценности, хранившиеся в нюрнбергских церквях и музеях. Это была, мягко говоря, небезопасная затея. Герман Геринг уже успел дать хвастливое обещание: «Ни одна вражеская бомба не упадёт на Германию!» Так что архитекторы, вслух говорившие о возможных бомбёжках и разрушениях Нюрнберга, рисковали навлечь на себя обвинения в «пораженческих настроениях». Поэтому они вели строительство «подпольно», во всех смыслах этого слова. Пользуясь тем, что городское начальство заняло выжидательную позицию и не вмешивалось в их работу, они потихоньку выбрали самый глубокий подвал (недалеко от дома А.

Дюрера) и переоборудовали его для хранения произведений искусства – забетонировали стены, проложили гидроизоляцию, провели отопление, вентиляцию, установили аппаратуру для осушения воздуха и т.п. Так возник тот самый Kunstbunker, в котором были сохранены для потомков бесценные нюрнбергские сокровища – витражи XV-XVI веков, скульптуры, резные деревянные украшения.

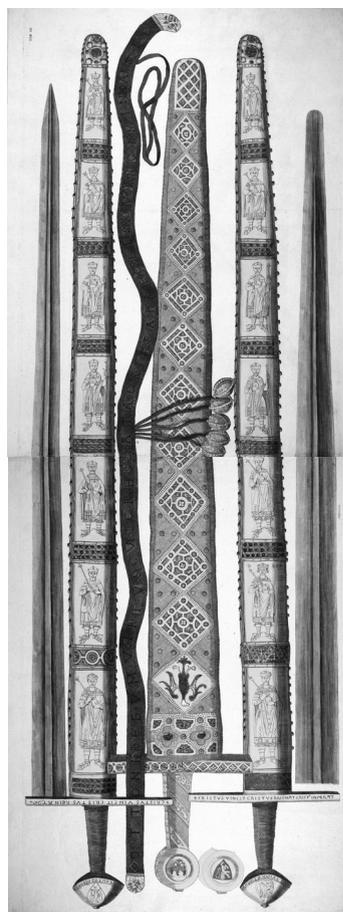
Первые экспонаты попали в бункер ещё до начала бомбёжек. Бургомистр Нюрнберга Вилли Либель, узнав в начале 1940 года, что из оккупированной Польши собираются вывезти знаменитый краковский алтарь Девы Марии – выдающееся произведение нюрнбергского резчика по дереву Файта Штосса, развил бурную деятельность, чтобы заполучить его. Он отправил в Краков Шмайснера (вместе со специалистами из Германского национального музея) и помчался

туда сам – уговаривать гауляйтера Польши Франка. При этом важным аргументом оказалось наличие в Нюрнберге подземного бункера, приспособленного для хранения огромного деревянного алтаря. Так работа Хайнца Шмайснера и его коллег оказалась задним числом «легализованной».

Среди сокровищ в бункере хранились имперские регалии – символы императорской власти, вывезенные немцами из Вены в 1938 г. и переданные Нюрнбергу, который ещё в 1423 году указом императора Сигизмунда был определён местом их «вечного хранения». В марте 1945 года Шмайснер получил приказ спрятать наиболее ценные предметы из коллекции – императорскую корону, скипетр, державу, меч святого Маврикия, который символизировал светскую власть императора, а также церемониальный меч, которым император пользовался для посвящения в рыцари. Все эти предметы были запаяны в специальные медные контейнеры и замурованы в стену одного из подвалов. После войны Шмайснер и его коллеги, прятавшие регалии, были арестованы американцами, и те потребовали указать тайник. Только после того, как американцы пообещали вернуть исторические ценности в Вену (в 1946 году они действительно были возвращены в Вену, так же, как и алтарь Девы Марии – в Краков), арестованные согласились открыть тайну. Это не спасло их от военного суда, который приговорил Шмайснера к пяти годам тюрьмы. Через два года его помиловали. Выйдя из тюрьмы, Шмайснер попал под уже упоминавшуюся денацификацию, после чего вернулся на свою старую должность в АСУ Нюрнберга, где немедленно включился в работу по восстановлению разрушенного города.

Задачи, которые тогда необходимо было решить, требовали особых мер от планировщиков и застройщиков – Нюрнберг лежал даже не в руинах, а, по словам немецкого писателя и критика Альфреда Керра, «во прахе». Именно Керр, которого Шмайснер часто цитировал, предлагал строить новый город рядом с тем, что осталось от старого. Но сам Шмайснер был убеждённым сторонником восстановления Нюрнберга. Ещё перед своим арестом он предложил создать комиссию и объявить конкурс на лучший проект по восстановлению Старого города. Такой конкурс был объявлен, и в 1948 году на нём победил его проект, который он, как независимый архитектор, представил вместе со своим другом, архитектором Вильгельмом Шлегтендалем. В 1950 г. этот проект превратился в утверждённый план, который Шмайснер – уже в качестве главного архитектора Нюрнберга – стал претворять в жизнь. В плане были чётко сформулированы основные цели:

А. Дельсенбах.
Имперские сокровища

- Старый город внутри исторических стен вновь должен стать единым организмом. Никаких суррогатов взамен безвозвратно утраченного – настоящее старое должно органически сочетаться с настоящим новым.

- Важнейшие исторические здания (церковь Св. Себальда, ратуша, Кайзеровские конюшни и др.) должны быть восстановлены и стать «не изолированными музейными экспонатами, а драгоценными камнями в скромной оправе», т.е. окружающие их новостройки должны гармонировать с ними во всех деталях – масштабе, материале, цвете, форме крыш и т.д. (лучше всего это удалось при застройке района выше площади Дюрера в районе улицы Obere Schmiedgasse).

- Старый город необходимо разгрузить от интенсивного движения, для чего не прокладывать транспортную ось «север – юг», а соединить кварталы Себальд и Лоренц в обход Рыночной площади. В то же время необходимо создать архитектурную ось «запад – восток» в виде нового бульвара (сегодня – улица Doktor-Kurt-Schumacher-Straße).

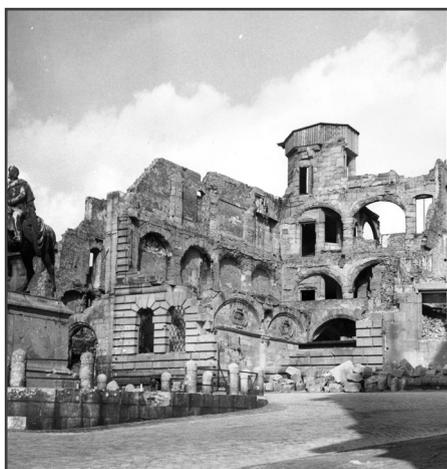
- Чтобы раз и навсегда защитить город от наводнений, необходимо скрыть часть южного берега Пегница и проложить отводной канал между Музейным и Мясным мостами.

Дом Пеллера. Довоенный снимок.

Исполнить задуманное было очень непросто, и удалось далеко не всё. Например, решение укоротить средневековое здание ратуши с целью расширения улицы Theresienstraße было принято с перевесом всего в один голос. Настоящую волну возмущения вызвало строительство универмага «Kaufhof» в 1951 г, поскольку, по мнению ценителей старины, современное здание из стекла и бетона выглядело «отвратительным инородным телом» в окружении старинных домов (этот «строительный грех» частично искупили, построив универмаг «Karstadt» в традиционном нюрнбергском стиле). А вот история Дома Пеллера стала, по мнению Шмайслера, настоящей архи-

Руины Дома Пеллера. 1945 год.

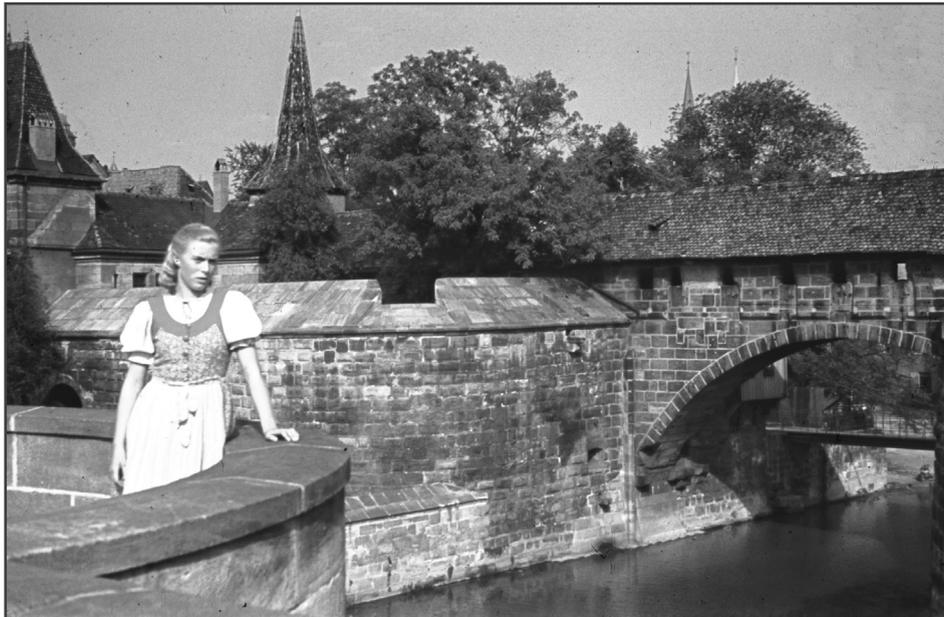
Городская библиотека

тектурной удачей. Этот когда-то самый красивый купеческий дом Нюрнберга, известный во всей Европе, был настолько разрушен, что восстановить его было невозможно, хотя Шмайсер, по словам его дочери, до конца своих дней мечтал об этом. Поэтому в 1956 году архитекторы Вальтер и Фриц Майеры спроектировали здание библиотеки, которое и стало символическим Домом Пеллера, – был восстановлен первый этаж с холлом, сохранена высота и вертикальное членение фасада, а законсервированные остатки внутреннего двора органично влились в интерьер двора нового здания.

Шаг за шагом строители и архитекторы восстанавливали Нюрнберг. К началу 60-х годов в основном удалось воссоздать довоенную картину застройки. В чём-то она даже улучшилась благодаря органичному сочетанию строительных новаций с традиционными формами и масштабами. И в том, что мы сегодня видим средневековый готический город с замком на горе, крепостной стеной, шпилями церквей и морем черепичных крыш, – великая заслуга архитектора Хайнца Шмайснера.

Несмотря на свою привязанность к старине, Шмайсер был открыт для новых веяний в архитектуре. Под его руководством в конце 50-х – начале 60-х годов вокруг Старого города был спроектирован и построен ряд современных высотных зданий, как, например, на площадях Rathenau или Plänter. Он руководил прокладкой метрополитена, застройкой города-спутника Langwasser в южной части Нюрнберга, и до самого своего ухода на пенсию в 1970 году противостоял попыткам молодых архитекторов настроить модных тогда бетонных зданий–коробок, последовательно защищая принцип «Никаких высотных зданий в Старом городе».

Хайнц Шмайсер скончался в 1997 году. За свою долгую и бурную жизнь, полную взлётов и падений, он удостоился многих наград и почестей. Но высшей наградой для него стало то, что годы его деятельности современные архитекторы называют «Эрой Шмайснера в архитектуре Нюрнберга».

234

Нюрнбержцы

Старонюрнбергское гостеприимство

Рассматривая фотографии улиц старого Нюрнберга, поражаешься несчётному количеству ресторанчиков, винных погребков и кофеен. Похоже, что все они были популярны, каждый из них имел своих постоянных гостей.

Особенностью Нюрнберга всегда была его любовь к маленьким ресторанам с крошечными помещениями. Чем ниже потолок и уединённое помещение, тем уютнее в нём. Здесь не прижились большие пивные залы, полные воздуха и света, характерные для Вены, Берлина или Гамбурга.

Во Второй мировой войне Нюрнберг потерял большинство своих исторических строений, жертвой бомбардировок пали в том числе и старинные гостиничные дворы и рестораны. Многие были выстроены заново, и только некоторые были с любовью восстановлены. О них, имеющих вековую или даже многовековую историю, рассказ ниже.

Исторические трактиры и рестораны

Zum Gulden Stern (К золотой звезде), Zirkelschmiedgasse 26

Первый документ, касающийся домового владения по этому адресу, относится к 1419 году. С 1640 года постоялый двор «Zum Gulden Stern» состоящий из двух домов, был отнесён к «высшей категории» с правом «домашнего забоя скота». Слово «звезда» встречалось в названиях трактиров и постоялых дворов так часто, что в Нюрнберге была в ходу расхожая шутка: «Понадобится несколько дней, чтобы обойти все рестораны города, в имени которых есть слово “звезда”». С 1740 года здесь располагался винный подвал. Этот старый трактир со всей обстановкой был восстановлен нюрнбергским общественным объединением «Друзья Старого города» в 1980 году. Сейчас здесь уютный ресторанчик, где по традиционному рецепту жарятся на огне из буковых поленьев нюрнбергские колбаски. Здесь всегда можно отведать франконские вина.

Goldenes Posthorn (Золотой почтовый горн), Glöckleinsgasse 2

(на площади напротив церкви Св. Себальда)

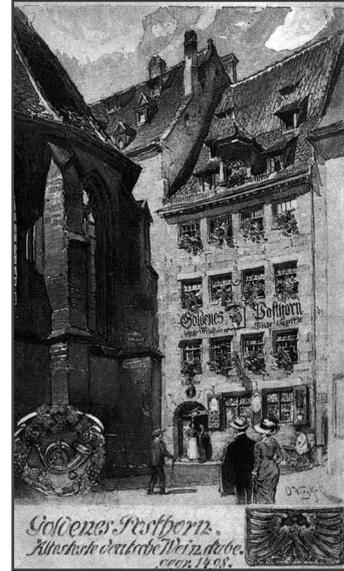
До войны площадь с северной стороны церкви Св. Себальда была не так просторна, как сейчас. На ней стояла капелла Св. Морица, а трактир «Goldenes Posthorn» находился в переулке Glöckleinsgasse за этой капеллой. Сейчас, когда нет капеллы, он оказался на просторной площади.

Доставка почты в Средневековье осуществлялась курьерами или торговыми караванами. Только в XV в. кайзер Максимилиан I уполномочил Франца Таксиса, выходца из Италии, организовать почтовую службу с постоянно действующей разветвлённой курьерской сетью. Вплоть до 1867 г. пост главного почтмейстера в династии «Thurn und Taxis» передавался по наследству. Одной из почтовых станций этой сети и был «Goldenes Posthorn» в Нюрнберге.

Его пятисотлетнюю историю отражают документы купли–продажи и судебных тяжб городского архива, связанные с этим зданием. Если этот трактир и не самый старый в Германии, то уж наверняка он владеет самым старым документом – актом (1498), подтверждающим его существование. Об этом трактире идёт речь в одной из знаменитых весёлых историй нюрнбергского сапожника Ганса Сакса, «Корзина мелочного торговца» (1554). Поэт описывает драку перед трактиром «Золотой горн». Похоже, во времена Ганса Сакса трактир не был солидным заведением. Только в XIX в. он стал одним из лучших «винных погребков» для привилегированной части горожан и гостей города. По преданиям, этот трактир посещали многие знаменитости – художники, учёные, поэты.

В сентябре 1796 г. маршал французской армии Журдан после поражения в сражении под Амбергом вынужден был вернуться в Эльзас. На пути он задержался в Нюрнберге, чтобы пополнить запасы вина на дорогу. В трактире «Goldenes Posthorn» для своих «героев» маршал заказал лучшего вина на 60 000 флоринов, которое и было ему срочно доставлено владельцем трактира. Французская республика к этому моменту была близка к банкротству, и заказ был оплачен банкнотами, бывшими уже скорее бумагой, чем деньгами. До сего дня долг господина Журдана трактиру «Goldenes Posthorn» не возмещён.

Летом 1835 г. в Нюрнберге побывал молодой Рихард Вагнер. В один из вечеров, проведённых им вместе со своим шурином в трактире «Goldenes Posthorn», композитор выступил в роли знаменитого итальянского певца и втянул столяра Лауэрманна в певческое состязание. Пребывание в Нюрнберге натолкнуло Вагнера на идею создания комической оперы «Нюрнбергские майстерзингеры», либретто к ней он написал сам. Столяр Лауэрманн с его болезненным тщеславием стал прообразом персонажа оперы Сикстуса Бекмессера. Сцена драки перед трактиром

во втором акте, возможно, также связана с воспоминанием Рихарда Вагнера о его пребывании в Нюрнберге.

Славу «Золотого почтового горна» как самого старого ресторана в Германии в конце XIX в. приумножили Георг и Ханетт Дёринг, владевшие им с 1865 г. Оформив внутреннее помещение в стиле старонемецкой уютиности, они сделали его особенной достопримечательностью города. Четырёхсотлетний юбилей ресторана был отпразднован при Дёрингах, и их заведение стало самым популярным в городе. Сам Дёринг, по свидетельствам современников, был частью стильной обстановки ресторана. Во время реставрации церкви Св. Себальда друг

Дёринга и завсегдагай трактира известный городской зодчий Шмис увековечил его в виде украшения сточного жёлоба на северной стороне церкви у края ската крыши, как раз напротив ресторана «Goldenes Posthorn».

В войне дом очень сильно пострадал, нетронутым сохранилось только подвальное помещение. К счастью, многие из исторических художественных ценностей уцелели. Среди них – документ о продаже трактира, датированный 5 ноября 1498 г., игральные карты Ганса Сакса и бокал Альбрехта Дюрера. Были спасены гербы семьи Дюрер и княжеской семьи «Thurn und Taxis».

После войны «Золотой почтовый горн», свидетель истории средневекового Нюрнберга, был тщательно восстановлен и вновь открыт на своём историческом месте. В 2004 г. семья Кая Берингера, владельца трактира Bratwursthäusle, находящегося с южной стороны церкви Св. Себальда, приобрела ресторан и с любовью его перестроила. В ресторане всегда можно отвежать жареные на решётке оригинальные нюрнбергские колбаски, всегда в меню телячьа грудинка и свиная лопатка, приготовленная с костью и кожей (Schäuferle). И, разумеется, лучшее франконское вино. Облицованные светлым деревом стены ресторанчика и огромные окна, низко поставленные и открывающие вид на площадь с кружевной готической церковью Св. Себальда, создают особенно уютную атмосферу. Это ещё живой кусочек старого Нюрнберга.

Zur Baumwolle, Adlerstraße 18–20

Небольшой постоялый двор в этом вполне типичном для Нюрнберга доме содержался примерно с 1500 г. С 1707 г. при гостинице по этому адресу появился ресторан, традиции которого поддерживаются и в настоящее время. Своё название «Baumwolle» заведение получило в 1808 г. Здание много раз переходило из рук в руки, однако не потеряло почти ничего от своего первоначального облика. Как с внешней стороны это фахверковое строение выглядит достаточно старинным, так и

во внутреннем убранстве ресторан сохранил типичную атмосферу нюрнбергского трактира. Заведение известно своей мясной кухней и, разумеется, всегда в ассортименте франконские блюда. Здесь два уютных зала, расположенных на разных этажах, друг под другом, а летом можно посидеть в «Пивном садике».

Böhms Herrenkeller, Theatergasse 19

Почтенное помещение ресторана «Böhms Herrenkeller» расположено в одном из замечательных фахверковых домиков, которые всегда были украшением Нюрнберга. Напротив этого дома был вход в «господский подвал» (Herrenkeller), где члены Городского совета хранили вино, отсюда столь импозантное название. Этот ресторанчик с конца XIX в. принадлежал Фридриху Бёму, его имя дополнило название, которое до сих пор носит ресторан. Не только многочисленные жители города, уже несколько десятилетий остающиеся преданными поклонниками великолепной региональной кухни, но и посетители неповторимого Нюрнберга уже давно открыли для себя этот маленький, но замечательный ресторанчик. Особенностью его является то, что старинное и современное переплелось здесь наилучшим образом.

Zum goldenen Geier (К золотому коршуну) Am Geiersberg 11

Историческим ядром Нюрнберга и без сомнения важнейшим местом притяжения для гостей со всего света является крепость и прилегающая к нему часть Старого города с её узкими переулками, фахверковыми домами, многочисленными магазинчиками и ресторанчиками. Am Geiersberg 11 (На горе коршунов) – так звучит адрес одного из старейших ресторанчиков этой части Старого города. Этот типичный для старого Нюрнберга городской дом стоит в одном из кривых переулков у ворот Hallentor на западе Старого города. Ресторан существует с 1662 г., под своим нынешним именем – с 1798 г. Это здание было полностью восстановлено нюрнбергским обществом «Друзья Старого города» в 1999 г. Более чем трёхсотлетние традиции обязывают хозяев держаться на высоком уровне.

Трактир Lutzgarten, Großreuthstr. 113

На фронте фахверкового строения на улице Großreuther Straße (территория бывшей деревни Großreuth, а ныне северная часть города) стоит дата «1705». Документов, подтверждающих её, не сохранилось, но существует акт (1853) о передаче дома в аренду с правом использования его в качестве постоянного двора. В 1860 г. этой сельской гостиницей и трактиром уже владела семья Лутц, давшая ему имя. Из сада тогда был виден силуэт крепости (открытка того времени на странице 228). С конца XIX века этот ресторанчик приобрёл особенную популярность среди нюрнбергской интеллигенции, «добропорядочных бюргеров» – врачей, юристов, инженеров, учителей, ремесленников. Сто лет назад это заведение открывалось в 5 утра, а к шести, к завтраку, здесь собиралось «Утреннее общество Гроссройта» (Großreuther Morgengesellschaft). На чашечку кофе горожане шли сюда пешком через поля в любую погоду и в любое время года, и не только по выходным дням. Зимой они шли ранним утром по снегу в высоких сапогах и с фонарями в руках.

Здесь подавался изумительный кофе в изящных металлических кофейниках. Знайки говорили, что едва ли подобный можно было найти в какой-нибудь кофейне Нюрнберга.

Сейчас ресторанчик так рано не открывается, но семья Кортум хранит старые традиции. Здание считается памятником старины. Очень интересно внутреннее убранство уютных залов, украшенных историческими картинами, среди них несколько работ художников из нюрнбергской семьи Риттер. Летом открыт уютный сад, он не изменился совершенно, если посмотреть на его снимок 1905 г. В меню уже не найти «жареных голубей», как в былые времена, но можно отведать вкуснейший аргентинский антрекот, приготовленный самим владельцем этого замечательного ресторанчика. Кофе также очень хорош.

Alten Kūch'n (Старая кухня), Albrecht-Dürer-Str. 3

Если захочется окунуться в мир Средневековья, то следует посетить этот ресторанчик, расположенный на месте первого, самого старого укрепления города Себальда. Нужно только спуститься на пару ступенек, чтобы попасть под своды, которым около 600 лет. Тяжеловесные столы, рыцарские доспехи. Это подвал бывшего монастыря. Гостей встречает обслуга в народных костюмах, здесь можно увидеть рыцаря-разбойника Эппеляйна фон Галлингена и «железную деву». Повар готовит еду на ваших глазах, посетителя удивит здесь франконская, баварская, вегетарианская и интернациональная кухня и многое другое.

Постоялые дворы и гостиницы

Schranke, Tiergärtnerter 3

Собственно, эта гостиница, стоящая под стенами крепости напротив Дома Дюрера уже больше четырёх столетий, представляет собой типичный франконский сельский постоялый двор. Впервые в этом качестве он был упомянут в 1641 г. Это старейшая гостиница Нюрнберга. Летом можно посидеть на площади, любуясь

Старонюрнбергское гостеприимство

средневековым городским пейзажем Нюрнберга. Естественно, ресторан известен своей франконской кухней. Здесь предлагаются самые различные сорта пива, в том числе бамбергское «копчёное».

Steichele, Knorrstraße 2-8

Этот отель с рестораном находится в руках одной и той же семьи уже больше ста лет. Пятое поколение семьи поддерживает традицию гостеприимства с франконской искренностью и сердечностью. Здесь сервируется как франконская, так и лёгкая кухня.

Заведение расположено в центре Старого города, состоит из двух различных строений. Здание «Batzenhäusle» относится к 1662 г. и считается памятником старины. В нём слились стили южно-немецкий и барочный итальянский. В 1882 году Антон Штайхеле открыл «первый и единственный дегустационный подвал итальянских вин» по улице Adlerstraße 38, нынешний клуб-бар Mausloch. В 1886 году брат Антона Йозеф стал известен своим винным рестораном по улице Nadlergasse 31. В 1898 г. Антон приобрёл здание ремесленников по улице Jakobstraße 50 (сегодня Knorrstraße 2), построенное в стиле позднего барокко. Его сын Вильгельм открыл здесь ресторан «Zum Batzenhäusl», перестроив его в гостиничный двор. Здание пережило войну почти неповреждённым. Уже в 1946 г. здесь снова был открыт ресторан.

Deutscher Kaiser (Немецкий император), Königstr. 55

Это здание является архитектурной жемчужиной так называемого нюрнбергского стиля, построено оно в 1888–1889 гг. в центре Нюрнберга и напоминает разрушенное в войну здание Topplerhaus на площади Paniersplatz. Здание соответствует стилю историзм, характерному в XIX в. Эркер (хёрляйн) и фигура Мадонны (Адам Крафт) были взяты от прежнего здания (1522). Уже почти столетие здание находится во владении одной семьи.

Merkur (Меркурий), Pillenreuther Str. 1

Гостиницей «Merkur», находящейся около вокзала, семья Лёв владеет с 1930 г. Сначала это был пансион «Haus Loew» с шестью спальными местами, он постоянно расширялся и перестраивался. Сегодня это четырёхзвёздочный отель.

В 1946 г. в период Нюрнбергского процесса здесь жил главный судья лорд Джеффри Лоуренс. Все остальные участники процесса жили в восстановленном Гранд Отеле, базовом отеле американской армии. Судья, чтобы отдохнуть от событий дня, уединялся в отеле «Merkur». Но завтракать он шел в Гранд Отель, чтобы встретиться со своими коллегами. Отсюда Максим Шостакович убежал «на запад». Как рассказывал владелец, в один сентябрьский день 1981 года адрес его отеля был пропечатан во всех газетах мира. Шостакович, попросив у господина Лёва бутылку водки, вошёл в «Винный зал», из которого больше не вышел. В этом зале до сих пор существует выход на площадь Celtisplatz. За этой дверью Шостаковича ждала машина, доставившая его в полицию.

Мероприятия

Февраль–март – Карнавальное шествие

Апрель – Весенний Народный праздник (Volksfest)

Май – Голубая ночь (Blaue Nacht)

Июнь – Международный Фф스티벌 рок–музыки, три дня (Rock im Park)

Июль – Экскурсии «История города», три дня (Stadt(ver)fahrungen)

Июнь–июль – Кольцевые автогонки «DTM – Norisring»

Июнь–июль – Международный фестиваль органной музыки (Orgelwoche)

Июль – Международный фестиваль оперной музыки (Opern-Festspielzeit)

Июль–август – Концерт-пикник (Luitpoldhain – Klassik Open Air im Park)

Июль–август – Международный фестиваль бардовской песни (Bardentreffen)

Август–сентябрь – Осенний Народный праздник (Volksfest)

Сентябрь – Велосипедные гонки (Radrennen «Rund um die Nürnberger Altstadt»)

Сентябрь – Международный фестиваль камерной музыки

Сентябрь – Праздник Старого города

Декабрь – Рождественская ярмарка (Christkindlesmarkt)

Примечания

1. **Майстерзингеры** – певцы и поэты XV–XVI вв. в основном члены цеховых ремесленных объединений. В их круг допускались также священники, учителя и юристы.

2. **Король и кайзер (император)**. Карл Великий – первый властелин Средневековья, в качестве кайзера коронованный папой Львом III в Риме 25 декабря 800 г. Римская империя была создана при Оттонах в X в., а постоянные правила выбора её правителя были приняты только в XIII в. С 1273 г. семь **князей–курфюрстов** выбирали будущего короля. При этом решающую роль играла благотворительная сумма, вносимая кандидатом. В своде имперских законов «Золотая Булла», принятом в 1356 г., утверждалось, что избрание немецкого короля должно проходить во Франкфурте, коронавание – в Аахене, а первый имперский съезд вновь избранный король должен проводить в Нюрнберге. Традиционным местом погребения королей был Шпейер (ныне Федеральная земля Рейнланд–Пфальц). Только король имел возможность короноваться в качестве кайзера.

3. **Расовые законы**, определившие статус граждан еврейской национальности в Третьем Рейхе с целью ограничения их прав в политической и общественной жизни, были приняты на партийном съезде в Нюрнберге в 1935 г.

4. **«Fondaco dei Tedeschi»** в Венеции – бывший лагерь для хранения товаров немецких купцов. Здание стоит недалеко от моста Риальто, сейчас там располагается городской почтамт. Тициан и Джорджоне украсили его фасады фресками. Они не сохранились, но один из фрагментов всё же можно увидеть в Галерее Академии в Венеции.

5. **Реформация** — массовое религиозное и общественно–политическое движение в Западной и Центральной Европе XVI — начала XVII вв., направленное на реформирование католического христианства в соответствии с Библией и закончившееся Тридцатилетней религиозной войной.

6. **Контрреформация** — комплекс мер, предпринятый католической церковью и иезуитами для борьбы с Реформацией.

7. **Эпитафия** – рельеф (каменный, бронзовый) или картина (с надписью или без) в память об умершем, часто не связанная с местом захоронения.

8. **«Страдающий Христос»** – скульптурное изображение Христа после его Воскрешения, очень часто встречается у порталов храмов или внутри, иногда несколько изображений в одном храме.

9. **Чётки** (у католиков розенкранц – венок из роз) – шнур с узелками или нанизанными бусинами – используются для счёта прочитанных молитв в четырёх крупнейших религиях: буддизме, индуизме, исламе, христианстве. Католические чётки обычно состоят из 50–ти бусин, разделённых на пять групп по десять в каждой. Группы отделяются друг от друга крупными бусинами или бусинами другого цвета. Мелкие бусины используются для молитвы Деве Марии, пять крупных – для молитвы Христу.

10. Тема **картины Сандрарта – Торжественный обед** в городской ратуше Нюнберга, состоявшийся в честь окончания Тридцатилетней войны. Вестфальский мир был подписан в 1648 г. в Мюнстере и Оснабрюке. В Нюрнберге в 1649 г. состоялась ратификация Вестфальского мира (конгресс по исполнению мира).

11. **Ведута** (ит. veduta – “увиденная”) – жанр изобразительного искусства, ранняя форма архитектурного, городского пейзажа, сложившаяся в Венеции в XVIII в. Отличительной чертой ведуты является фотографическая точность, вплоть до мельчайших деталей.

12. **Жан Поль**, настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер (1763, Вунзидель – 1825, Байройт) — знаменитый немецкий писатель, сентименталист и преромантик, автор сатирических сочинений и публицист. Псевдоним взял из-за преклонения перед Жан Жаком Руссо.

13. **Фильм «Noricama»** – для тех, кто хотел бы увидеть Нюрнберг и его историю совершенно новыми глазами, в кинозале на первом этаже Городского музея (Фембохаус) демонстрируется необычный фильм – история города за 52 минуты в стиле поп-арта. Кайзер Фридрих I Барбаросса, Альбрехт Дюрер, Ганс Сакс, Элизабет Тухер и Карл Грилленбергер предлагают вам лучший из кратких путеводителей по Нюрнбергу. В своих мнениях знаменитости чаще не единодушны, и каждый из них видит город со своей точки зрения, временами позволяя себе изумлённо прокомментировать настоящее. Это и составляет очарование фильма.

14. Весной 1806 г., когда наполеоновские войска оккупировали Германию, скромный нюрнбергский гражданин, сорокалетний **издатель Пальм** послал в Аугсбург брошюру патриотического содержания (по-видимому, и не им, Пальмом, написанную) «Германия в глубочайшем унижении». В ней обличались германская политика Наполеона и поведение французских войск в Баварии. Эта брошюра была перехвачена французами и показана самому Наполеону. Император пришел в неопишную ярость и распорядился — вопреки всякой законности — в двадцать четыре часа предать предполагаемого автора военному суду, заодно распорядившись о приговоре. Расстрел издателя потряс Европу.

15. **Карнавал** – в католических странах период от Крещения (6 января) до среды первой недели Великого поста. Но обыкновенно карнавалом называют лишь последние 7–10 дней перед Чистой средой, сопровождающиеся народными празднествами, процессиями, маскарадами и пр. В Италии девизом карнавала было: «A Carnevale ogni scherzo vale!» («На карнавале проходит любая шутка!») И действительно, он, пусть на короткое время, разрушал барьеры между сословиями, игнорировал правила приличия, допускал осмеяние сильных и власть имущих. Карнавалы в разных странах и городах имеют свою собственную историю и традиции, собственный неповторимый стиль. Несмотря на веселье, в которое на время карнавала погружаются страны, мероприятие это довольно серьезное. В Германии, например, к нему готовятся около полугода. Это не просто весёлое карнавальное шествие, но и многочасовое представление, полное весёлых и порой небезобидных шуток на злобу дня.

Словарь архитектурных терминов

Алтарь – в христианских храмах до конца II в. алтарь – стол, на котором совершалось таинство Причастия (превращение хлеба и вина в плоть и кровь Христа); в католических храмах алтарь – вытянутый поперек оси храма стол, а также возведенная над этим столом декоративная стенка с религиозной живописью или скульптурой (заалтарный образ).

Апсида – выступ здания (во всю высоту или только в нижней части), в плане обычно полукруглый или многоугольный, перекрытый полукуполом или сомкнутым полусводом. В христианских храмах внутреннее пространство апсиды составляет часть алтаря.

Аркада – ряд одинаковых арок, опирающихся на столбы или колонны, без примыкания к стене.

Базлика – вытянутое в плане прямоугольное здание, внутри разделенное продольными рядами опор на нечетное число (3 или 5) частей (нефов), имеющих самостоятельные покрытия (средний неф обычно шире и выше остальных); завершается базилика апсидой.

Барокко – основное стилевое направление в искусстве Европы и Америки (кон. XVI–сер. XVIII вв.). Ему свойственна броская цветистость, динамичность, стремление к величию и пышности.

Волюта – архитектурная деталь в виде спиралевидного завитка с кружком в центре.

Готика (ит. *gotico*, готский, от названия германских племен готов) – стиль сер. XII–XVI в. Ведущие архитектурные типы – замок и городской собор. Каркасная система позволила создать небывалые по высоте и обширности интерьеры, прорезать стены огромными окнами с многоцветными витражами. Устремление собора ввысь выражено ажурными гигантскими башнями, стрельчатыми окнами и порталами.

Дарохранильница (табернакль) – в католическом храме – шкафчик для хранения предметов поклонения, даров, обычно находящийся в специально возведённом для него сооружении (сакраментхаус) или нише (сакраментальная ниша).

Капелла – в католическом или англиканском храме – помещение в боковом нефе, предназначенное для знатного семейства, размещения певчих, хранения реликвий и т.д.; небольшое отдельно стоящее культовое сооружение; в замке или дворце – домовая церковь; часовня.

Классицизм – стиль в искусстве XVII–нач. XIX в., обратившийся к античному искусству как к идеальному образцу. Архитектуре классицизма присущи четкость и геометризм форм, логичность планировки, сочетание гладкой стены с ордером, мягкая цветовая гамма, сдержанный декор.

Клуатр – типичная для романской и готической архитектуры обходная галерея, обрамляющая закрытый прямоугольный двор или внутренний сад монастыря или крупной церкви.

Контрфорс – вертикальная конструкция, представляющая собой выступающую часть стены, вертикальное ребро. Контрфорс предназначен для усиления несущей стены.

Крабб – декоративная деталь в виде изогнутых стилизованных листьев, цветов на фиалах и других готических элементах, плавно из них выходящих.

Крестоцвет – декоративная готическая деталь в виде стилизованного цветка с крестообразно расположенными лепестками, завершающая башни, шпильцы, фиалы.

Массверк – архитектурный готический орнамент, создававшийся при помощи циркуля. Формы массверков очень разнообразны: розы, украшения, составленные из различных частей круга, в период «пламенеющей» Готики – в виде рыбьего пузыря. Сначала они служили для украшения верхних частей готических окон, позже использовались при членении стен, фронтонов и т.д.

Неф – вытянутая в длину, обычно прямоугольная в плане, часть помещения (базилики, крестово-купольного храма и пр.), ограниченная с одной (или обеих) продольных сторон рядом колонн или аркадами.

Ордер архитектурный — вид архитектурной композиции, состоящей из вертикальных (колонны, пилястры) и горизонтальных частей в соответствующей архитектурно-стилевой обработке; в древнегреческой архитектуре – дорический, ионический, коринфский, в древнеримской – тосканский и композитный.

Пилон – массивный столб – опора арок, сводов, плоских перекрытий; один из массивных невысоких декорированных столбов, стоящих по сторонам портала здания, въезда на территорию дворца, парка и т.п.

Портал – декоративно оформленный проём (обычно вход в здание или сквозной проезд в общественном сооружении).

Пределла – в католических, преимущественно средневековых, церквях – продолговатая невысокая надставка над задним краем престола во всю его длину. С лицевой стороны она обыкновенно украшается живописным или скульптурным изображением какого-либо религиозного сюжета.

Роза – большое круглое окно главного фасада готического и романского храмов. Первоначально выполнялась без переплетов; появившийся позже простой рисунок переплета в виде фигурных спиц колеса стал со временем более сложным и превратился в изящный узор с радиальной симметрией.

Ротонда – центрическое, круглое в плане строение, часто окруженное колоннадой и увенчанное куполом.

Рустика – облицовка внешних стен здания или некоторых пространств на них четырёхугольными, правильно сложенными и плотно пригнанными один к другому камнями, передняя сторона которых оставлена неотесанной или отесана очень грубо, и только по краям обведена небольшой гладкой полосой.

Сакраментхаус (сакраментальная ниша) – сооружение или шкафчик в стене для табернакля (дарохранительницы).

Табернакль – см. Дарохранительница.

Тимпан – внутреннее поле фронтона (треугольное или полукруглое); поверхность стены между аркой и ее перемычкой; углубленная часть стены над дверью, окном, обрамленная аркой; в тимпан часто помещают скульптурный рельеф, живопись, гербы и т.д.

Трансепт – поперечный неф перед алтарной частью в храме. Храм с трансептом в плане напоминает крест.

Трифорий – узкая, невысокая, освещаемая изнутри галерея в романском или готическом базиликальном храме, расположена в толще стены, отделяющей боковой неф от среднего.

Фахверковое строение – строительная конструкция, образованная системой горизонтальных и вертикальных элементов и раскосов из деревянного бруса, пространство между которыми заполняется камнем, кирпичом, глиной и другими материалами.

Фиал – элемент украшения позднероманского, готического и раннеренессансного стилей; обычно применялся для украшения остроконечных башенок или контрфорсов.

Фронтон – завершение стены (колоннады), представляющее собой часть плоскости, ограниченную двумя скатами крыши и отделенную снизу карнизом.

Хёрляйн – небольшой эркер на втором этаже, изначально служивший домашней капеллой, отличительная черта архитектуры Нюрнберга.

Хор – в раннехристианских западноевропейских храмах – место для певчих (обычно хор располагался перед алтарем, к востоку от трансепта, хотя встречалось и смещение хора в разные стороны относительно средокрестия). Позже хором стали называть всю алтарную часть храма, где во время богослужения находится духовенство и хор. Хор нередко отделяется от основного пространства храма преградой. В Германии существовала своя особенность в расположении хора – помимо восточного хора храм иногда имел трансепт и апсиду и в западной части, считавшейся императорской половиной. В этой двусторонней ориентации отразилась характерная для Германии концепция равенства церковной и светской властей.

Хоры – верхняя открытая галерея, обычно на уровне второго этажа, внутри церкви или парадного зала, где размещались первоначально представители высших слоев общества, а позже – певчие, музыканты, орган.

Щипец – верхняя часть торцевой стены (в форме угла или сложного очертания), ограниченная двумя скатами крыши и не отделенная карнизом (в отличие от фронтона); элемент декора готического здания в виде треугольника, венчающего окно, портал и др.

Источники

1. Andersen, Hans Christian, Eines Dichters Bazar, erster Band (aus dem Dänischen), Eduard Kummer, Leipzig 1843
2. Arndt, Ernst Moritz, Schilderung eines politischen Dichters, in: Bruchstücke aus einer Reise von Beireuth bis Wien im Sommer 1798, Leipzig 1801
3. Atterbom, Per Daniel Amadeus, Ein schwedischer Dichter erlebt Nürnberg, in: Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg, Band 72, Nürnberg 1985.
4. Becker, Gottfried Wilhelm, Reisebilder, in: Reisebilder aus Süd-Deutschland, Fest'sche Verlagsbuchhandlung, Leipzig 1837.
5. Blainville, Extract aus des Herrn von Blainville Reisebeschreibung, den Zustand von Nürnberg betreffend, Schwabach 1765
6. Cochlaeus, Johannes: Brevis Germanie Descriptio, 1512; Herausg. Von Karl Langosch, Darmstadt 1960
7. Esprinhard, Jaques, Ein französischer Reisebericht aus dem Jahr 1597, in: Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg, Band 49, Nürnberg 1958
8. Galai, Margalit, Die rotgiebelige Stadt, Radio-Vortrag beim Bayerischen Rundfunk, Studio Nürnberg, 8.12.1974
9. Gercken, Philipp Wilhelm: Reisen durch Schwaben, Baiern, die angrenzende Schweiz, Franken, die Rheinischen Provinzen und an der Mosel etc. in den Jahren 1779–1783, Stendal 1784
10. Gundling, N. H.: Des Heil. Römischen Reichs Freye Stadt Nürnberg. 1707
11. Hase, Karl von, Eine heilige Stunde, in: Rhein- und Lenzfahrt des Studiosi Rattenfänger, herausg. Von Magister Autos, zit. Nach Fränkische Monatshefte, Nürnberg 1930.
12. Heller, Jakob, Frankenland. Ein Heirnatbuch in Sachen, Geschichten und Schilderungen zum Gebrauch in Schule und Haus, hrsg. Johann Beck, Emil Grimm, Hans Hoerner und B. Wolfinger, Druck und Verlag von R. Oldenbourg, München und Berlin 1921
13. Heeringen, Gustav von, Wanderungen durch Franken, in: Das malerische und romantische Deutschland in zehn Sektionen, Bd. 3 Franken, Georg Wigand's Verlag, Leipzig um 1839
14. Hess, Jonas Ludwig von, Die Tugenden der Nürnberger, in: Durchflüge durch Deutschland, die Niederlande und Frankreich, Hoffmann, Hamburg 1798
15. Hesse, Hermann, aus: Gesammelte Werke, Band 7, Die Nürnberger Reise, © Suhrkamp Verlag, Frankfurt/Main 1970.
16. Heuss, Theodor: Das Germanische Nationalmuseum. Nürnberg 1952.
17. Kästner, Erich: Streiflichter aus Nürnberg. In: Gesammelte Schriften. Bd. 5, Vermischte Beiträge: Neues von gestern. München 1959, S. 322–328. Abdruck mit freundlicher Genehmigung der Erich-Kästner-Erben, München.
18. Kesten, Hermann (*1900): Der Nürnberger Trichter. In: Die Sammlung. Literarische Monatsschrift unter dem Patronat von Andre Gide, Aldous Huxley, Heinrich Mann, hrsg. von Klaus Mann, 2. Jahrgang, 1935. Abdruck mit freundlicher Genehmigung des Autors.
19. Ders.: Zwanzig Jahre danach. Zweite Nürnberger Rede, gehalten im Rahmen der fränkischen Kulturtage am 15. Juli 1965. In: Friedrich Hagen/Hermann Kesten, Zwei Reden. Privatdruck des Schulß und Kulturreferats der Stadt Nürnberg, Nürnberg 1965, S. 23827. Abdruck mit freundlicher Genehmigung des Autors.
20. Herausgegeben von Horst Bienek; Hommage à Hermann Kesten : zum 80. Geburtstag am 28. Jan. 1980, Frankfurt/M. [u.a.] : Ullstein , 1980
21. Mann, Tomas: Tagebuch, November 1919. In: Tagebücher 1918–1921, hrsg. von Peter de Mendelssohn. Frankfurt 1979, S. 322–324. Abdruck mit freundlicher Genehmigung des S. Fischer Verlags, Frankfurt.
22. Mossack, Erhard. Die letzten Tage von Nürnberg. Nürnberg 1952.

23. Mozart. Briefe und Aufzeichnungen. Herausg. Von der Internationalen Stiftung Mozarteum Salzburg, Salzburg 1963.
24. Nadler, Fritz: Eine Stadt im Schatten Streichers, Fränkische Verlagsanstalt und Buchdruckerei, Nürnberg 1969.
25. Nadler, Fritz: 8. bis 15. März 1943: Die „Alte Noris“ ins Herz getroffen.
26. Nicolai, Christoph Friedrich, Die Schilderung eines Kritikers, in: Beschreibung einer Reise durch Deutschland und die Schweiz im Jahre 1781, erster Band, Berlin und Stettin 1783
27. Priorato, Galeazzo Gualdo, Ein Italiener sieht Nürnberg, in: Eine italienische Beschreibung Nürnbergs aus der Barockzeit von Elfriede Weiß–Emmerling, Beitrag aus der Festschrift Dr. Bock, herausg. v. Stadtbibliothek Nürnberg 1961
28. Pöllnitz, Baron Carl Ludwig von, Nachrichten aus dem Jahr 1729, in: Nachrichten des Baron Carl Ludwig von Pöllnitz, enthaltend was derselbe auf seinen Reisen Besonderes anmercket, erster Thcil, Frankfurt am Main 1735
29. Rebmann, Georg Friedrich: Eine Pflanzschule von Seidenwürmern. Aus: Wanderungen und Kreuzzüge durch einen Teil Deutschlands von Anselmus Rabiosus dem Jüngeren, Altona 1795. In: Hans Kiekidiewelts Reisen in alle vier Weltteile und andere Schriften, hrsg. Von Hedwig Voegt. Berlin 1958, S. 161–167.
30. Reifenberg, Benno, Das Abendland gemalt, Societäts–Verlag, Frankfurt/Main 1950
31. Rinck, Christoph Friedrich, Studienreise 1783/84, nach dem Tagebuch des Verfassers herausg. von Dr. Moritz Geyer, Altenburg–Stephan Geibel Verlagsbuchhandlung, 1897
32. Roennebeck, Agathe von, Mein Sommer–Ausflug 1882 nach Nord und Süd, Faber’sche Buchdruckerei, Magdeburg o. J.
33. Schubert, Gotthilf Heinrich, Wanderbüchlein eines reisenden Gelehrten nach Salzburg, Tirol und Lombardey, J. J. Palm u. Ernst Enkc, Erlangen 1823
34. Sylvius, Aeneas, Die Stadt der Noriker, in: Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg, 50. Band, Nürnberg 1960
35. Tafur, Pero, Nürnberg wie Toledo, in: Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg, 50. Band, Nürnberg 1960
36. Tischbein, Heinrich Wilhelm, Aus meinem Leben, Henschel Verlag, Berlin 1956
37. Wackenroder, Wilhelm Heinrich, Werke und Briefe, Heidelberg: Verlag Lambert Schneider 1967
38. Wackenroder, Heinrich Wilhelm und Ludwig Tieck: Herzergießungen eines kunstliebenden Klosterbruders. Stuttgart 1955, S. 50–53.
39. Wagner, Richard, Mein Leben, München, 1911
40. Weber, Carl Julius, Deutschland, oder die Briefe eines in Deutschland reisenden Deutschen, erster Band, Gebrüder Franckh, Stuttgart 1826
41. Wehrhan, Otto Friedrich, Umschau in Deutschland, Frankreich und der Schweiz, bei Carl Heinrich Reclam, Leipzig 1840
42. Wilmsen, F. Ph., Erzählungen von einer Reise durch einen großen Theil Deutschlands u. d. Schweiz im Jahre 1796, Berlin 1798
43. Бранд С. Корабль дураков; Сакс Г. Избранное. М., Художественная литература, 1989.
44. Д.И. Фонвизин, собр. сочинений, т. 2. Гос. изд.–во худ. литературы, Москва–Ленинград, 1959.

В некоторых исключительных случаях, несмотря на старания, оказалось невозможным найти владельцев прав вышеперечисленных произведений и получить разрешение на перевод и публикацию фрагментов. Просим обращаться к издателю.

Литература

1. Ausstellungskatalog, Wiederaufbau in Nürnberg, Nürnberg, 2009
2. Bach–Damaskinos, Ruth, Johann Adam Delsenbach, Alt–Nürnberger Ansichten, Hofmann Verlag, 2000
3. Bauer, Herbert: Liebeserklärungen an S. Lorenz, Nürnberg 1995
4. Bock, Emmi, Nürnberger Stadtsagen, Nürnberg 2002
5. Braun, Rüdiger, und Carbon, Ludwig, Nürnberger Brunnen in der Altstadt, Nürnberg 2001
6. Bräunlein, Peter, Martin Behaim: Legende und Wirklichkeit eines berühmten Nürnbergers, Bamberg, 1992
7. Dürer, Albrecht, Berühmte Maler auf einen Blick, monte von DUMONT, 1998
8. Fleischmann, Peter, Nürnberg mit Fürth und Erlangen, Köln 1997
9. Friedel, Birgit, G. Ulrich Großmann, Die Kaiserpfalz Nürnberg, Nürnberg 1999
10. Gruber, Friedrich, Die Nürnberger Straßennamen, Nürnberg, 1989
11. Heinz Schmeißner zum 100. Geburtstag, Baureferat Stadtplanung, Nürnberg, 2005
12. Heigl, Peter, Der Reichsschatz im Nazibunker, Nürnberg, 2005
13. Höhn–Oertel, Hildegard, Nürnberg, Nürnberg 1928
14. Kleine Bettlektüre für herzhafte Nürnberger, ausgewählt von Katharina Steiner, 1983
15. Klemm, Christian, Joachim von Sandrart in Nürnberg, „Geschichte für alle“, Nürnberg, 1985
16. Kraft, Adam, Die Beiträge des Kolloquiums im Germanischen Nationalmuseum, Nürnberg 2002
17. Lutze, Eberhard, Die Nürnberger Pfarrkirchen Sankt Sebald und Sankt Lorenz, Berlin 1939
18. Lutze, Eberhard, Veit Stoss, Deutscher Kunstverlag GmbH München Berlin, 1968
19. Maas, Herbert, Nürnberg – Geschichte und Geschichten, Nürnberg 1999
20. Mulzer, Erich, Nürnberger Erker und Chörlein, Nürnberg 1965
21. Nürnberger Gestalten aus neun Jahrhunderten, ein Heimatbuch zur 900 Jahrfeier, Nürnberg 1950
22. Nürnberg in alten und neuen Reisebeschreibungen, ausgewählt von Barbara Fürst, Düsseldorf, DrosteVerlag, 1990
23. Nürnberg, ein Lesebuch, herausgegeben und zusammengestellt von Diethard H. Klein und Heike Rosbach, Husum Verlag, 1987
24. Das Nürnberg–Lesebuch, herausg. von Steffen Radlmaier, ars vivendi verlag, Cadolzburg, 1994
25. Pfistermeister, Ursula, Nürnberg, Verlag Hans Carl Nürnberg, 1991
26. Reiser, Rudolf, Alte Häuser – Große Namen, Nürnberg mit Fürth und Erlangen, München 1990
27. Schmidt, Alexander, Urban, Markus; Reichsparteitagsgelände–Nürnberg, Kurzführer, Nürnberg, 2006
28. Schmidt, Alexander, Geländebegehung, Nürnberg, 1994
29. Schramm, Georg Wolfgang, Bomben auf Nürnberg, München, 1988
30. Schwemmer, Wilhelm, Adam Kraft, Nürnberg, 1958
31. Ullmann, Ernst, Albrecht Dürer, Leipzig 1977
32. Veit Stoß in Nürnberg, Leitung: G. Bott, Konzeption und Redaktion: R. Kahsnitz, München, 1983

Старонюрнбергское гостеприимство

33. Beer, Helmut, Grüße aus Nürnberg, Nürnberg in Ansichtskarten um 1900, Nürnberg, 1996
34. Meyer, Brigitte, Alt–Nürnberger Gastlichkeit, München, 1985
35. Höhn, Alfred, Historische Gaststätten in Franken, Würzburg, 1982
36. Fichtert, Hartrich, Geschichte des „Goldenen Posthorn“ in Nürnberg – des ältesten deutschen Weinhauses, in: Bayerland, Nr. 8/9, 1905
37. Zum Merkur, bitte! Geschichte und Geschichten eines nürnbergischen Hotels.

<http://altstadtfreunde-nuernberg.de>

Altstadtfreunde
Nürnberg e.V.

Сейчас Старый город Нюрнберга во многом похож на самого себя 500 лет назад – та же крепость, те же шпили церквей над тем же морем черепичных крыш и та же пятикилометровая крепостная стена. Это чудо – возрождение города в буквальном смысле из пепла – произошло благодаря горожанам, перед которыми после войны стояла очень трудная, казалось, невыполнимая задача. Союз «Altstadtfreunde» (Друзья Старого города) был создан в 1951 году. Сейчас он объединяет почти 6000 нюрнбержцев и не нюрнбержцев, влюблённых в город. За прошедшие 60 лет ими восстановлены многочисленные исторические городские достопримечательности – колодцы, хёрляйны, эркеры, скульптуры, внутренние дворики, более чем у сорока фахверковых домов обновлены фасады, санированы и отреставрированы 15 исторических зданий. И всё это делается исключительно на пожертвования. Активные члены союза, а их около двухсот, трудятся в различных рабочих группах, бесплатно проводят экскурсии, организуют выставки.

Восстановление внутреннего двора когда-то знаменитого на всю Европу Дома Пеллера (стр. 146, 232) – текущий долговременный и дорогостоящий проект союза.

В недавно отреставрированном бывшем доме кожевников (Weißgerbergasse 10) разместились бюро и библиотека с несколькими тысячами томов, постоянно пополняющаяся книгами о Нюрнберге из личных библиотек горожан.

Приходите! Вы познакомитесь здесь не только с историей города, но и с замечательными, увлечёнными людьми.

*Внутренний двор Дома Пеллера,
каким он был.*

После войны руины внутреннего двора Дома Пеллера были законсервированы.

Восстановленный фрагмент северной части галереи.

Иллюстрации

Объединение «Друзья Старого города» (Altstadtfreunde) – Стр. 20, 38, 48, 50, 53, 61, 62, 102, 103, 116, 117, 125, 133, 136, 137, 144, 145, 146, 149 вверху, 172, 173, 194, 196–199, 202, 204, 224–227, 232, 233 лев., 234–239, 241, 254, 255

Институт истории «История для всех» (Geschichte Für Alle) – Стр. 208, 209, 214 внизу, 215

Герм. нац. музей (GNM) – Стр. 56, 57, 60, 73, 151, 175, 186, 187 внизу

Городской архив (Stadtarchiv) – Стр. 65, 168, 192, 210, 218, 228

Музеи города Нюрнберг (Museen Stadt Nürnberg, Gr. Sammlung) – Стр. 9, 67, 78, обложка

Городская библиотека (Stadtbibliothek Nürnberg), Stoer 1257 – Стр. 17, 71, 81, 85, 89, 93, 99, 139, 161, 187 центр, 231

Городская библиотека (Stadtbibliothek Nürnberg), Amb. 279.2°, f. 9v, 83v, 107r – Стр. 150

Городская библиотека (Stadtbibliothek Nürnberg), Amb. 317b.2°, f. 194r – Стр. 150

Церковь Santissima Annunziata, Флоренция – Стр. 174

Церковь St. Sebald, Нюрнберг – Стр. 130

Церковь St. Lorenz, Нюрнберг – Стр. 163, 165, 169

Мария Куклина, Нюрнберг – Стр. 14, 124, 134 внизу, 147, 162, 184, 187 вверху

Ирина Барская, Нюрнберг – Стр. 15 внизу, 25, 31, 33, 40, 44, 120, 122, 127, 129, 131, 134 вверху, 135, 138, 142, 143, 152 внизу, 155, 159 внизу, 183 внизу, 185, 189, 214 вверху, 219, 229, 230, 233 прав., 240, 246

Александр Брух, Нюрнберг – Стр. 13, 36, 119, 165–167, 170

Пабло Де Ла Риестра – Стр. 190–191

Остальные фотографии принадлежат автору.

Замечания, пожелания и предложения просим присылать по адресу:

vsokol@gmx.de

